

Православный журнал для сомневающихся

www.fomacenter.ru

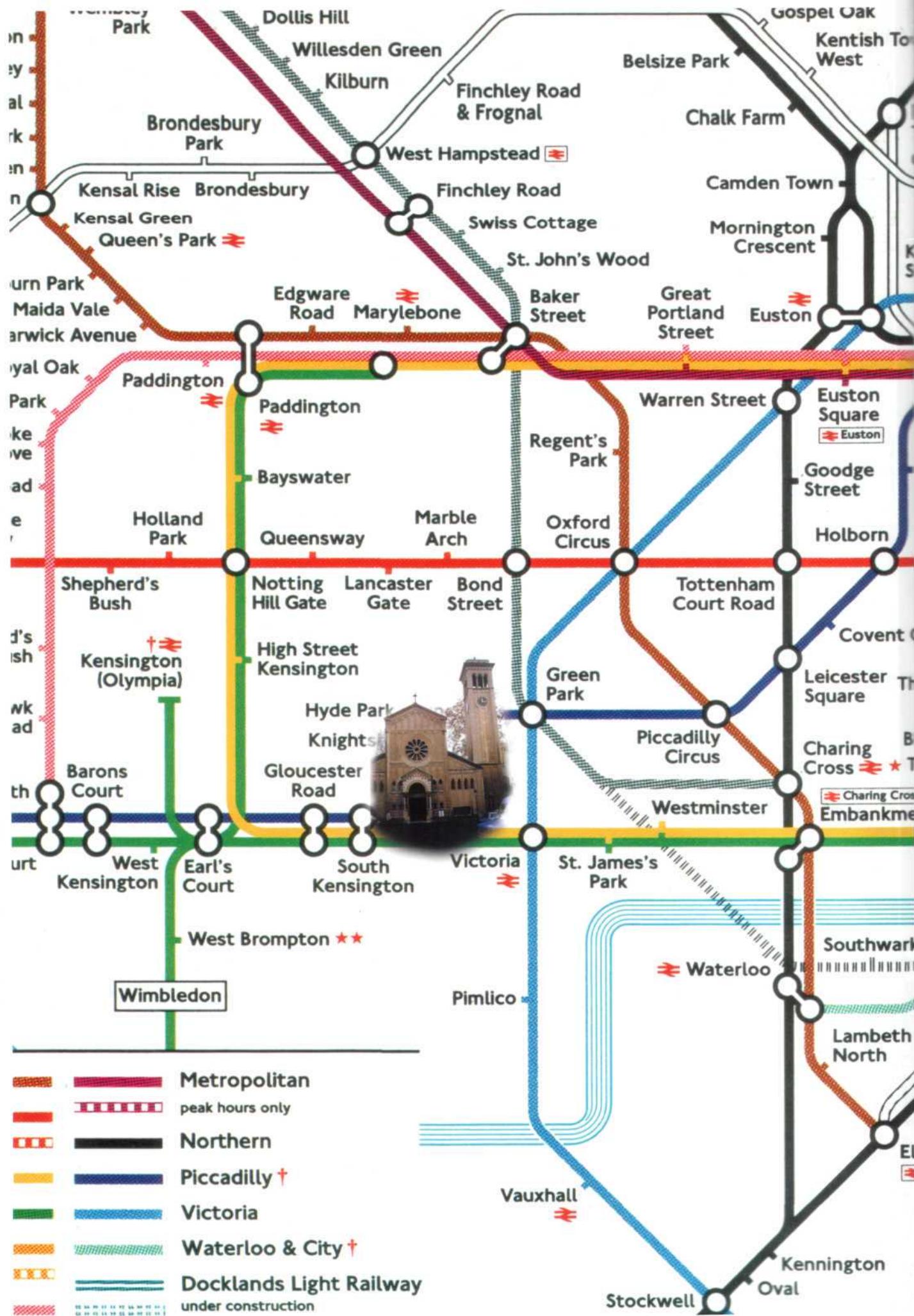
ФОМА

Тема номера:

Герои
нашего
времени

“Хорошо помню, как началось мое путешествие в Православие. Случилось это, когда мне было семнадцать, совершенно неожиданно, летним субботним днем 1952 года. Я шел по Букингем Пэлэс Роад, недалеко от Виктория Стейши в центре Лондона, мимо большой ветхой готической церкви XIX века, которую раньше не замечал. На ней не было поясняющей таблички (общественные связи никогда не были сильной стороной Православия в западном мире!), но зато медная дощечка гласила просто: “Русская Церковь”.

Когда я вошел в храм св. Филиппа – так называлась церковь, – вначале мне показалось, что он совершенно пуст. Снаружи на улице ярко светило солнце, но внутри было прохладно и темно, как в пещере. Пока мои глаза привыкали к полумраку, первое, что привлекло мое внимание, было именно отсутствие чего-либо. Не было ни скамеек, ни стульев, расставленных аккуратными рядами: передо мной расстипалось пустое пространство гладкого пола. Вскоре я увидел, что церковь не совсем пуста. В центральном и боковых приделах находилось несколько прихожан, в основном, пожилых. На стенах висели иконы с мерцающими лампадками, а на восточной стороне горели свечи перед иконостасом. Пел хор, которого не было видно. Через некоторое время из алтаря вышел диакон и обошел церковь, кадя иконам и людям. Я заметил, что его облачение было старым и изношенным.

И вдруг первое впечатление отсутствия сменилось ошеломляющим ощущением присутствия. Мне казалось, что церковь не только не пуста, но полна – наполнена бесчисленным множеством молящихся со всех сторон от меня. Я интуитивно осознавал, что мы, видимое собрание, – часть гораздо более великого целого и что когда мы молимся, тоствуем в гораздо более великому действию, чем наша молитва, – в целостном, всеохватном празднестве, соединяющем время и вечность, мир дольний и мир горний”.

**Епископ Каллист (Уэр),
Великобритания**

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	2
Вопрос номер один	6
<i>Тема номера:</i>	
Герой нашего времени	
Митрополит Сурожский Антоний	
Эпизоды из жизни	15
Быть православным в Англии	27
<i>Людмила Киселева:</i>	
Жить – это медленно рождаться	42
Ермолино: хроника спасения детей	58
<i>Диакон Андрей Кураев:</i>	
Мы не одни во Вселенной	66
<i>Вопрос священнику</i>	
Отвечает свящ. Александр Лаврин.....	70
Марина Журинская	
Может ли христианин читать	
фантастическую литературу	72
<i>Чтение</i>	
Анна Ромашко. Исаие, ликий!	84
<i>Наша почта</i>	
Чудо	88
Информация о подписке	89
<i>Цветная вкладка</i>	
Послесловие к Серафимовскому празднику ...	90

Иллюстрации на обложках:

1-я страница - диакон Игорь Палкин
 4-я страница - священник Николай Катальников.
 "Крест среди нас"

Митрополит АНТОНИЙ

БЫТЬ ПРАВОСЛАВНЫМ В АНГЛИИ

"Наши верующие гораздо живее (я говорю, конечно, в среднем), чем верующие других вероисповеданий, потому что быть православным среди моря инославных требует выбора и решимости. Прихожане едут два-три часа в церковь и столько же обратно. Самое простое – пойти в соседний англиканский или католический или протестантский храм, – нет, приходят. И поэтому люди, которые встречаются в церкви, все знают, что у них одна вера, одна духовная традиция, что они пришли в этот храм не потому, что он самый близкий или удобный, а по убеждению".

Стр. 27

Людмила КИСИЛЕВА

ЖИТЬ - ЭТО МЕДЛЕННО РОЖДАТЬСЯ

"Страха перед смертью у меня никогда не было. Случалось, что я плохо себя почувствую, посылаю за батюшкой: "Скажите, что умираю". А батюшка наш человек с юмором. Он приходит и спрашивает: "Ну что? Опять не умерла? Как ни приду - она опять не умерла, опять все жива и жива!"

Стр. 42

Диакон Андрей КУРАЕВ
МЫ НЕ ОДНИ ВО ВСЕЛЕННОЙ!

“Многие люди боятся слова “догмат”, но с тем же успехом можно испугаться и слова “мощи”. Напомню, что с церковнославянского языка это слово переводится как “кости”, “скелет”. Кстати, Честертон говорил, что призыв освободить христианство от догматики сродни призыву освободить меня от моих костей”.

Стр. 66

Анна ЕРШОВА
ИСАИЕ, ЛИКУЙ!

“Как много от своей души теряют мужчины, не хранящие девство! Мы решили не касаться друг друга до самого венчания. Было так смешно на регистрации брака, после которого мы должны были представить перед алтарем: тетенька в Загсе, зачитав ритуальное обращение к новобрачным, предложила нам поздравить друг друга. Возникла неловкая пауза, потому что мы всего лишь пожали руки”.

Стр. 84

Марина ЖУРИНСКАЯ
МОЖЕТ ЛИ ХРИСТИАНИН ЧИТАТЬ ФАНТАСТИЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ?

“...на самом деле это ужасно; чего стоят одни коровы светлого коммунистического будущего, от которых живьем отрезают куски мяса, а им якобы все равно, и мясо снова нарастает...”

Стр. 72

ФОМА

Православный журнал
для сомневающихся

Одобрен
Издательским Советом
Московского Патриархата

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015923 от 3 апреля 1997 года

№ 3 (17)' 2003

Председатель Попечительского Совета,

А. В. ТОРКУНОВ

Ректор МГИМО(У) МИД
России, член-корреспондент РАН

Редакционный совет

А. И. КОТЕЛКИН

Советник Председателя Госдумы
Федерального Собрания РФ,
учредитель НФ “Связь поколений”

Ю. П. ВЯЗЕМСКИЙ

Писатель, автор и ведущий
телепрограммы “Умницы и умники”,
зав. кафедрой мировой литературы и
культуры МГИМО

А. В. ШЕСТОПАЛ

Зав. кафедрой философии МГИМО

В. Р. ЛЕГОЙДА

Генеральный директор
АНО “Фома Центр”

В. А. ГУРБОЛИКОВ

Редактор Издательства
АНО “Фома Центр”

Д. Д. ПЕТРОВ

Арт-директор АНО “Фома Центр”

Дизайн и верстка

М. А. ЕГОРОВА

Пре-пресс

А. Д. БАКАНАС

Корректоры

**Л. П. МАКАРКИНА,
В. Ю. БОГДАНОВА**

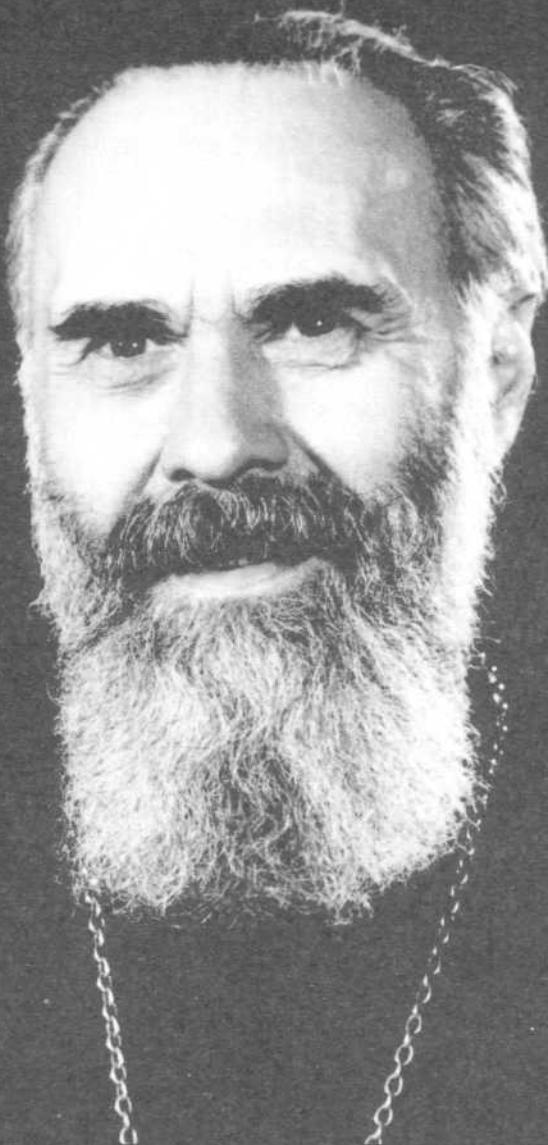
Издается АНО “Фома Центр”

Исполнительный директор А. В. ГУРБОЛИКОВ

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются

Ваши письма и статьи
направляйте по адресу:
110435, г. Москва, ул. Погодинская,
д. 20, стр. 3, к. 35

Наш телефон: 246-74-92

В 2003 году скончался митрополит Сурожский Антоний. Казалось бы, это сугубо церковный человек, иерарх Православной Церкви, но известие о его смерти прозвучало практически во всех светских средствах массовой информации: газетах, радио, центральных телеканалах. Почему кончина митрополита Антония всколыхнула многих, даже далеких от Церкви людей? Безусловно, прежде всего поражает то, что он смог сделать: привлечь к Православию тысячи и тысячи коренных англичан и создать целую епархию Православной Церкви в Англии. Но думается, что причина не только в этом. Владыка оказал влияние на жизнь множества людей именно здесь, в России. Впрочем, предоставим рассказ о митрополите Антонии им самим...

Павел СЕЛЕЗНЕВ,
студент МГИМО (У) МИД России,
сотрудник издательства
«Олма-Пресс»,
г. Москва

Митрополита Антония я видел всего три раза. И один раз брал интервью для «Фомы». Он уделил мне целый час общения.

В Лондоне существует только один храм, принадлежащий Русской Православной Церкви. Поэтому найти его было не сложно. Изначально я не планировал брать интервью. Просто было интересно посмотреть на тот самый храм, который я видел на фотографиях, почувствовать дух старой российской интеллигенции. Конечно, я знал о митрополите Антонии. Его книги были одни из первых, которые я прочитал, заинтересовавшись православием. Я сразу его полюбил. Просто потому что чувствовал, что все, что он говорит, является правдой, от которой веет простотой и любовью к людям. Именно эта простота обезоруживала и позволяла прислушаться к Евангелию, задуматься о Христе. Тогда я считал владыку исторической глыбой, в какой-то степени мифом.

Зайдя в храм, я встретил тишину. Ко мне подошла милая женщина и обратилась по-английски. Я сказал, что русский, и тогда она поинтересовалась, кто мне нужен. Растревавшись, назвал имя митрополита. Я же тогда не знал, что он сильно болел, никого не принимал, и только раз в неделю, если я не ошибаюсь, служил Литургию. Она сказала: «Да, владыка в храме. Подождите его».

И тут проявилось мое журналистское естество. Я решил взять интервью у владыки. Хотя в редакции «Фомы» меня просили сделать интервью с любым священником РПЦ в Англии, даже не думая о такой удаче.

Вдруг я увидел старика, выходящего из алтаря. Он был весь седой, с лицом желтоватого цвета, в черной рясе с широким монашеским кожаным ремнем. Стариком оказался Митрополит Антоний. Он благословил меня. Я запомнил родинку на его холодной и легкой руке. Передо мной стоял сам митрополит, человек известный во всем мире. Но я этого не ощущал. Потому что в тот момент был только он и я. И радостное спокойствие и тишина. Жажда Господа.

Мы договаривались с владыкой о времени, когда я мог бы взять интервью, но странно, слова владыки не нарушали это глубокой тишины. Потому что он был рядом и я понимал, что он — тот, к кому хочется буквально прилепиться и следовать ко Христу. Это было мое первое впечатление от встречи с ним.

Позже он служил молебен и читал проповедь. Я видел людей, которые слушали его. Среди них были не только русские, но и англичане. Видел, как они слушали владыку. И верили ему. Ведь то, что он говорил, было просто и с любовью. Прислушивались больше не к тому, что он говорил, а к тому, как и с какой глубокой верой. Он стоял уставший, опираясь на посох. Он был слаб, но говорил о Христе с такой неколебимой верой, что, конечно же, был сильнее всех нас, слушающих его.

Потом было интервью. Мы поднялись в маленькую комнатку. Уже тогда он был для меня родным. Я не чувствовал, что передо мной митрополит. Нет. Предо мной был дедушка, которому я открыл все, что у меня наболело. И он по-отечески мне отвечал. Не осуждая. Чтобы что-то объяснить мне, он обращался к своему опыту, к своей жизни. Он не боялся рассказывать о каких-то своих ошибках в жизни. Он любил Господа искренне хотел, чтобы я почувствовал эту любовь. Вообще в каждом его слове была любовь. Любовь к церкви и к человеку. Помню, когда он говорил, я все время обращал внимание на хлебную крошки, которая запуталась в его усах. И это делало его еще более простым и по-домашнему близким.

Один священник как-то сказал мне, что несмотря на то, какое я займу положение в обществе, несмотря на то, какой я буду обладать властью над людьми, надо всегда оставаться в душе желтым цыпленком. Ребенком, который просто может встать на колени и от чистого сердца помолиться Богу. Не как Всемогущему Сверхъестеству, а как Отцу. А это порой бывает так сложно...

У Митрополита Антония была именно такая вера. Чистая, искренняя и сильная.

Я тогда сказал: «Владыка, я не могу молиться папу Николаю как святому. Я не ощущаю его святым».

«А ты так и скажи в молитве Господу. Господи, научи и вразуми меня. Царь Николай, я не считаю тебя святым. И если я не прав, то помолись обо мне Господу, чтобы он наставил меня». Вот таким запомнился мне владыка.

Я всегда знал, что на этой земле есть один маленький человечек, к которому я всегда смогу обратиться, с которого я всегда могу брать пример. Человек, вера которого рассказала мне, что такое любить Бога и человека. И я знал: несмотря на то, что он далеко в Лондоне, я приеду к нему и расскажу о своей жене, детях, о своей скорби и радости. Я разговаривал с ним всего один раз. Но он стал мне самым близким человеком. Потому что душа моя томится от неверия и хочет верить так же, как верил в Христа Митрополит Антоний.

С того момента, когда я узнал, что владыка умер, что-то сломилось во мне, я ощущал себя брошенным и потерянным. Я строил планы, откладывая что-то очень важное на потом. Митрополит Антоний умер. Его больше нет у меня. Наверное, это эгоизм. Но я понял, что значит потерять родного человека.

**Игорь ГЕРАЩЕНКО,
член союза художников,
г. Москва**

Как-то владыка Антоний рассказывал такую историю. В восьмидесятых годах народу в храме было очень мало, приход был бедненький. Владыка жил при храме. Однажды кто-то стучится в дверь, владыка выходит: у двери агрессивного типа бомж, пришел грабить церковь. Владыка говорит: "Приготовься, сейчас я тебя буду бить. Предупреждаю тебя заранее, несмотря на то, что человек я пожилой, побить я могу очень сильно, а поскольку я хирург, то и покалечить могу. Я тебя предупредил? Теперь давай будем драться". Бомж - к двери, хвост поджал и ушел. Владыка очень весело об этом потом рассказывал: "А что делать? Я же не дам храм грабить, охраны у нас нет, надо в одиночку защищать храм. Защитим!" Мне кажется, такое поведение очень характерно для владыки.

**Ирина РАТУШИНСКАЯ,
член Международного союза
писателей, прозаик, поэт,
г. Москва**

С владыкой Антонием я познакомилась в декабре 1986 года. Меня как раз освободили из политлагеря, и после этого мы с мужем приехали в Англию. Владыка Антоний был первый священник, которого я видела в течение пяти лет. При советской власти заключенные не могли встречаться со священниками, для нас это было достаточно тяжело, потому что умереть в лагере вероятность была достаточно большая, и мы прекрасно знали, что если умирать - то без исповеди и причастия. Когда я оказалась в Лондоне, моя подруга Алена Кожевникова немедленно вникла

В 1981 году Ирина Ратушинская была осуждена за свое творчество на семь лет тюремного заключения. Дело Ратушинской получило широкую огласку во всем мире, и в 1985-м Ирину досрочно освободили. Вскоре после выхода на свободу Ирину и ее мужа Игоря Геращенко, находившихся в Великобритании с визитом, лишили советского гражданства. С 1986 по 1998 год Ирина и Игорь жили в Лондоне, были духовными чадами митрополита Антония. В 1998 году Ирина с мужем и сыновьями вернулась в Россию.

в суть проблемы и сказала: "Пойдем, я познакомлю тебя с владыкой Антонием. Он все твои перепетии знает и готов с тобой встретиться". Когда мы вошли в храм, мы увидели монаха в черной одежде и в сандалиях, который мыл пол в храме. Это и был митрополит Антоний Сурожский.

И с тех пор, с момента нашего знакомства с владыкой, мы жили в духовном смысле, как малые дети у Бога за пазухой. Потому что у нас всегда был храм, куда можно было прийти со своими проблемами. Чувство, которое возникало в этом храме, можно было сравнить с тем, о котором сказали послы князя Владимира: "Как будто мы были в Царствии Небесном". После нескольких лет лагеря, после всего, что пришлось пережить, мы оказались в духовных детях владыки Антония...

Первое, что меня поразило в нашем лондонском храме - это был приход без шипящих женщин, где никто никого не толкал в бок, не делал злобных замечаний. Потом я узнала, что владыка приложил серьезные усилия для того, чтобы научить приход веселиться правильно. Никто не делал замечаний, все занимались молитвой. Он строго следил за тем, чтобы в храме никто не шикал, говорил, что за такое поведение оставит без причастия надолго. И в то же время эта строгость сочеталась в нем с веселием сердца. Никто никогда не уходил из храма подавленным, все выходили счастливыми.

Второе, что меня поразило, - владыка никогда не готовил своих проповедей, - во всяком случае, мне так казалось. Он выходил, некоторое время молчал, потом начинал говорить. И говорил действительно то, что приходило в эту минуту на сердце. Я его как-то спросила: "Владыка, такое впечатление, что все ваши проповеди - это экспромт". Он ответил: "Это не совсем экспромт. Я ведь выхожу, смотрю молча на вас всех, молюсь, а потом говорю то, что мне Бог на душу положит". Проповеди его всегда были достаточно короткие и всегда этой проповедью какое-то время можно было жить.

Одна из первых проблем, с которой мы обратились к владыке, была решена им необычным образом, так, как совсем нельзя было и ожидать. Проблема была и печальной и смешной одновременно. Православным не положено было носить крестов в лагерях. Впрямую такого запрета не было, был запрет носить металлические вещи. Под предлогом того, что крест металлический, его благополучно срывали. Мой муж по одному из образований - ювелир, он вырезал мне крест из моржового бивня и повесил на веревочку. Передать его в лагерь было сложно, но он ухитрился это сделать, освятить же не успел. Я с этим крестом весь лагерь и прошла, а те, кто меня обыскивал, предпочитали его не замечать. И уже в Лондоне я обратилась к владыке Антонию с просьбой освятить крест. Он его взял, ушел с ним в алтарь, отсутствовал несколько секунд или минут, в храме сложно понять, как время течет. Вернулся и

сказал: "Нет, его не надо освящать, он освящен". Этого я не поняла и стала объяснять: "Владыка, он точно не освящен, мой муж не успел его освятить, когда передавал, и в лагере, конечно, тоже нельзя было этого сделать..." Он говорит: "Деточка, поверьте, я способен отличить освященный крест от неосвященного. Этот крест уже освящен".

Потом мы жили в Лондоне, у нас родились дети, владыка Антоний крестил их. Он же благословлял нас возвращаться в Россию. У нас не было привычки бегать к владыке за благословением по пустякам - вырвать зуб или принять какие-то мелкие бытовые решения, мы не спрашивали его постоянно, что делать, как поступать. Но когда мы приняли решение возвращаться в Россию - это было очень серьезно: брать маленьких детей, еще младенцев, и возвращаться в Россию, неизвестно куда и на что, - мы пришли к владыке за благословением. Он тогда сказал: "Поезжайте, дети. Если бы я был моложе и не был связан служением, то я бы сделал на вашем месте то же самое".

Из нестандартных, невозможных вещей, которые он сделал, я могу вспомнить одно из доказательств того, что у него был дар пророчества. У нас случилось так, что за три недели до рождения наших мальчиков двойняшек у моего мужа в Киеве умер отец. Никто не ждал этой смерти, он умер внезапно, Игорь в тот же день помчался в Киев. Я осталась на сносях, одна в доме, с огромным животом, мне действительно было очень тяжело. Мы не успели никому об этом сообщить, надо было быстро реагировать, Игорю надо было прийти в себя, оформить визу в один день, купить билет. Мне же нужно было помочь ему упаковаться, запастись телефонами скорой помощи, поскольку за руль я уже сесть не могла, и остаться одной в доме, надеясь, что Бог милостив. Я проводила Игоря вечером. На следующее утро позвонил владыка. Он нам очень редко звонил, он был слишком занятой человек. Он позвонил и спросил: "Ну как ты себя чувствуешь?" Я говорю: "Нормально, владыка, спасибо". "Иgorь уже в Киеве, да? Смотри, держись, не вешай нос, я всё знаю". Он НЕ МОГ знать. В те дни, когда я была одна дома, а я уже не могла выходить из дома, ноги распухли, он звонил каждый день, проверял, всё ли со мной в порядке. И в то время мне даже в голову не пришло, откуда же он знает. Мне казалось это так естественно: если мне трудно и немного страшно (а кроме того, я очень любила своего свекра), КОНЕЧНО, владыка звонит и спрашивает, как дела. Однако, потом я переспросила у Алены Кожевниковой, - нет, она тоже ничего не говорила владыке, ее и в Лондоне не было тогда. Не мог он знать! Мы мало общались с русской эмиграцией, никто не знал, о том, что у нас случилось!..

Это произвело на меня огромное впечатление. Я никогда об этом не говорила, пока он был жив. Теперь мне кажется, можно и нужно об этом говорить.

И еще один важный момент. В присутствии владыки Антония не хотелось говорить. Просто можно было находиться рядом и в тот момент понимать всё. На самом деле я очень мало с ним общалась словесно. Просто приходишь - и всё и так ясно.

По-моему, у всех, кто знал владыку, было ощущение, что это человек святой. Что это человек, который может очень многое и скрывает это.

Насколько я знаю, не запрещено местное почитание святого до канонизации, таковым местным почитанием наша семья и занимается. Мы ему молимся.

**Ульяна ЛОПАТКИНА,
прима-балерина
Мариинского театра,
г. Санкт-Петербург**

Все началось с очень простых вещей. Я была обычновенной девушки и думала не только о балете. Я всегда мечтала о любви, о настоящей и единственной. Мне нравилось думать о замужестве, представлять себя невестой... Любовь для меня была тайной, загадкой и мечтой. А я всегда тянулась к таинственному и чудесному.

Как-то мне попалась книжка «Таинство любви» Митрополита Антония Сурожского. Представляете, как меня заинтриговало название! Я читала ее в перерывах между репетициями. В то время мы с моими школьными подружками были новенькими в театре, и все проявляли к нам большой интерес, мы все время были на виду. Один солист заметил название этой книжечки и говорит: «Что такое ты читаешь?» Он пробежал глазами первую страницу, а там - о самопожертвовании, о служении, о взаимной помощи, о любви до гроба. И он сразу отреагировал: «Все это неправда! В жизни так не бывает. Не читай больше такие книжки».

А почему? Зачем самим опускать планку своих чувств, и жаловаться потом, что «любовная лодка разбилась о быт»?

И вера, и религия — о любви. Ведь Бог есть Любовь. Это не что-то нудное, непонятное и устаревшее. Нет! Это какая-то великая тайна о Любви.

Для меня книги митрополита Антония Сурожского стали своеобразной точкой отсчета. Началом изменения моего отношения к любви. Я думала, что любовь — это летящая радость, трепет, восторженное состояние души. А там я увидела совсем другие слова:

о подвиге, о терпении, о прощении... Оказывается, любить — это делать все время что-то через свое «не могу» ради другого.

Спустя несколько лет — перед самым моим замужеством, при переезде на новую квартиру, — я снова наткнулась на эту книжку. Я села с ней посреди неразобранных коробок на полу и просидела до двух ночи. Как трогательно было видеть эти карандашные галочки, которые я ставила давным-давно в автобусе, держа книжку на коленях. Я что-то даже подчеркивала в ней. И самое интересное — сейчас я читала и снова находила в этой маленькой книжечке много нового. Может быть, теперь я бы подчеркнула совсем другие строки.

**Протоиерей Максим КОЗЛОВ,
настоятель храма святой
великомученицы Татьяны
при Московского
государственном университете,
г. Москва**

В конце 70-х годов, когда мне было 13 или 14 лет, я находился в самом начале пути своих духовных исканий, и одним из тех, кто кардинально повлиял на мой приход в Церковь, был слышанный мною по радио Би-би-си митрополит Антоний. На Би-Би-Си тогда делались очень хорошие религиозные передачи, не в пример нынешним, по своей сути, антицерковным. И вот те проповеди Владыки, любовь и уверенность, которая в них была, стали для меня очень большим побуждением поверить и принять то, что говорит Церковь Христова. Слушая по радио митрополита Антония, я поверил — то, что он говорит — это, действительно, правда.

На всю жизнь для меня особенно значимыми оказались слова Владыки о том, что все Евангелие говорит о Любви. Не о дисциплине, не о послушании, не об уставе, не о хранении чистоты одежд, но главный и конечный смысл Евангелия — это Любовь. Митрополит Антоний был не просто пересказчиком этого смысла, он был реальным его свидетелем, и евангельская любовь становилась реальностью для тех, кто хотя бы раз видел его или слышал.

А когда он несколько раз приезжал в Москву во второй половине 70-х, начале 80-х годов, то сразу же по телефонным проводам и по каким-то еще, не ведомым для меня каналам, распространялась весть о том, в каком храме Владыка будет служить, где он, может быть, будет проповедовать. Все бегали из одного храма в другой и надеялись побывать на службах, которые он ведет, надеялись услышать его проповедь. И, несмотря на всю эту суету, меня не покидало ощущение радости: может быть, из-за той самой

подлинности его слов, слышанных мною на Би-Би-Си, может быть, из-за того, что там собирались люди, которым это было нужно, а, возможно, меня радовало то, что все окружающие, были моими сверстниками — молодыми людьми. Между нами, молодыми людьми, завязывались знакомства, и всех нас объединял митрополит Антоний, его уникальная, неповторимая личность.

Моя последняя встреча с Владыкой произошла во время празднования 1000-летия крещения Руси, в 1988 году. Я был тогда уже преподавателем московских духовных школ (правда, еще не в сане, а в пиджаке). Шел юбилейный Собор, и все мы были там так или иначе задействованы. В редкую минуту перерыва, прогуливаясь по саду, я вдруг увидел, что по соседней дорожке идет митрополит Антоний, и подошел к нему за благословением.

Никакого особенного разговора тогда не состоялось, я не могу припомнить даже, что он сказал тогда, но это было то, что только опытом ложится на сердце: это была встреча со святым. Потому что благословение, улыбка, какое-то совсем простое слово (не было ничего такого, что можно было пересказать), все это дало опыт душе. Это было то, о чем говорит архимандрит Софоний: «тот отблеск небесной славы в глазах другого человека, который делает тебя верующим, верующим по-другому, чем до того, как его встретил».

**Марина ЖУРИНСКАЯ,
редактор журнала
«Альфа и Омега»**

Я думаю, что владыка Антоний сыграл такую же роль в моей жизни, как и в жизни очень многих людей, которые так или иначе с ним сталкивались, роль некоторого потрясения. Мы жили в условиях несвободной Церкви, и голос владыки Антония, на Би-би-си прежде всего, а также его самиздатовские сборники — это был глоток свободы. Это тогда потрясало.

Однако с течением времени стало свободно и у нас, но Владыка продолжал быть потрясением при каждой с ним встрече. Я не знаю, заметил ли кто-нибудь: ни одного номера «Альфы и Омеги» (а сейчас мы делаем тридцать восьмой) не вышло без материалов владыки Антония. И это принципиальная позиция, в том смысле, что в журнале материалы направлены на разных читателей: разумеется, не все будут читать святоотеческую экзегетику, не все любят работы по истории Церкви... Но мы считаем, что владыку Антония могут читать все: люди простые, люди не

очень простые, люди совсем сложные; люди новоначальные, люди нецерковные, а также священничество, монашество и миряне, то есть люди Церкви.

В чем уникальность митрополита Антония? – в том, что мы являемся свидетелями создания Церкви. Епархия – это тоже вид Церкви. В Англии была создана православная епархия! Громадная, абсолютно жизнеспособная, очень жизнедеятельная – это надо еще осмыслить, это надо еще понять. Мы привыкли к тому, что это некоторая данность, но вот теперь пришло время подумать. Ведь это же с Божьей помощью сделал один человек – владыка Антоний. Он туда поехал простым иеромонахом; как-то в частной беседе он сказал про эти ранние времена: «Я был тогда мальчишкой, я был никто, я был настоятелем Лондонского собора...»

Почему ему это удалось? Почему он стал самым знаменитым православным проповедником двадцатого века? Почему такие бесконечные тиражи, почему такие бесконечные переиздания? У Владыки же не было богословского образования, он этого не скрывал и в общем-то не очень любил, когда его называли богословом, а если честно – совсем не любил. В чем тайна? Я думаю, что исток этой тайны – в многократном повторением в разных аудиториях рассказе о том, как он уверовал. Ему тогда было четырнадцать лет, он стал читать Евангелие и ощущал присутствие Христа. Это был опыт Боговидения. И вот с четырнадцати до восьмидесяти девяти с половиной лет это было главное занятие его жизни: он искал Христа, он жаждал Божия присутствия. Все его проповеди, все его беседы – о Христе, и так много личного и автобиографического в них именно потому, что он, имея опыт Богообщения, жаждал поделиться этим с другими людьми, пригласить их стремиться к тому же...

В его текстах часто встречается словосочетание «быть с Христом лицом к лицу». Вот в этом ключ – к этому он стремился сам, к этому он звал тех, кто его слушал. Владыка очень много писал о смерти как о переходе из здешней жизни в жизнь вечную. Я надеюсь, что он достиг цели своего упования. Главное, что ему нужно было в жизни – это пребывание с Христом лицом к лицу, поэтому кончину владыки Антония можно по праву назвать блаженной кончиной, как это определил Святейший Патриарх в своем послании к Сурожской епархии. Потому что для лицезрения Христа лицом к лицу у него теперь нет препятствий. Господь дал ему сбросить узы плоти, которые душу, возросшую в молитвенном опыте, уже только обременяют, и призвал его к Себе. Конечно, это обычные слова, которые говорят о всяком усопшем человеке, жившем праведной жизнью. Но вот именно в связи с кончиной владыки Антония я ощутила эти слова как бы свежо и въяве, и внове: Именно применительно к нему они преисполнены самого первозданного смысла...

Елена КАМБУРОВА,
певица,
г. Москва

Владыка Антоний рассказывал однажды об умирающем, к которому пришел священник, очень быстро с ним поговорил, сказал два-три слова и передал Антонию – «Что ж с ним говорить, он уже умирает», и как раз владыка Антоний просидел с ним целую ночь, читая Евангелие. Важность присутствия священнослужителя у одра человека, который уходит из жизни – мне это очень близко и понятно.

Владыка Антоний поражает своей манерой говорить, интонацией, интеллигентностью произнесения слова. Я слушаю его так, как слушают музыку. Слушаю с удовольствием его голос, его неспешную манеру говорить – она несет в себе гармонизирующее начало, все становится так просто, ясно и светло. Поэтому когда я чуть-чуть «не в фокусе», мне в последнее время хочется не музыку поставить, а его кассеты.

Я могу одну и ту же кассету переслушивать именно оттого, что меня чарует (хотя здесь «чарует» – это не то слово) этот голос. Манера, которой сегодня не говорят. Это чистый чудесный русский язык.

Владыка Антоний не боится говорить хорошо о представителе другого вероисповедания. Например, вот он говорит о баптистах – говорит о том, что они истинные последователи в деле – того, о чем они говорят на словах – почему бы этому нам не поучиться у них. Мне еще очень нравится предельно демократичная манера говорить не только о простых, но и о сложных вещах. Все очень доступно, и я думаю, что любой человек – и высокоинтеллектуальный, и гораздо менее интеллектуальный в равной степени могут слушать и читать то, о чем он говорит, и все это понимать.

Видно, что он очень любил своих прихожан. В нем не было ни на грамм формального отношения! Хотя понятно, что в каких-то делах он мог быть жестким, и несколько раз, когда Владыка Антоний говорит о каких-то эпизодах из жизни, видно, что он мог поступить очень жестко. В нем мягкость соединяется с сильной личностью, которая способна, если нужно, на жесткие поступки.

**Олеся НИКОЛАЕВА,
поэт, прозаик, публицист,
член союза писателей,
Г. Москва**

Друг моего мужа, студент Московской духовной академии, лаврский иеродиакон (теперь он уже архиепископ) в начале 80-х принес нам послушать кассеты с записью лекций митрополита Антония, и меня поразил в них живой опыт личного свидетельства владыки о Христе. Именно такой человек был мне нужен, именно от него мне необходимо было получить ответ, совет и благословение. И когда митрополит Антоний приехал в Москву на Собор в 1988 году, он пригласил нас (моего мужа — священника Владимира Вигилиянского и меня) в гостиницу "Украина", где он тогда жил.

И вот я приступила к владыке со своими проблемами. Прежде всего, в творчестве меня настораживало с духовной точки зрения то, что сам процесс литературной работы (ну хорошо, назовем все своими именами: вдохновение) полностью поглощает человека: когда я таким образом тружусь, то практически перестаю замечать мир и в буквальном смысле "не наблюдаю часов". Но как же тогда трезвение? Мало того, я чувствую в себе энергию и силы, не объяснимые моим собственным физическим естеством — в этом состоянии я могу работать ночи напролет. Но как же быть с различием духов, как понять, не лукавый ли меня подбадривает? А кроме того — бывает, я пишу то, чему и сама порой удивляюсь, ибо я как бы этого и не ведала до того, как назвала, и лишь назвав, узнала. Словно творящая душа видит большее, чем мое дневное житейское "я"...

Но все же — может, это и не "творящая душа", а "навет вражий", может, вообще я в какой-нибудь прелести, не приведи Бог? И, может, пока как поэт я блаженствуя, как христианка я погибаю? Все это я и поведала владыке Антонию. И еще прибавила, как пытаюсь бороться с этой творческой энергией: раз — и прерываю ее волевым усилием, подключаю свое православное сознание и выворачиваю стихотворение к концу так, чтобы оно увенчивалось чем-нибудь благочестивым и проверенным, духовно надежным, — либо евангельской аллюзией, либо скрытой цитатой из святых отцов, либо правоучением. Но стихотворение от этого перекашивается, заваливается, как человек, которому связали ноги, теряет жизнь...

И тут владыка остановил меня и сказал строго, почти грозно: "Не смейте этого делать! Вы же все портите! Вспомните, в Евангелии есть притча о злаках и плевелах. Человек поселял на поле доброе семя,

но пришел враг и насадил между пшеницей плевелы. Когда же рабы предложили господину выдергать плевелы, что он ответил им? Он сказал им: "Нет, чтобы выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы". Вот и вы в тот момент, когда начинаете искусственно ломать то, что пишете, как вы говорите, дивясь и блаженствуя, и на этом месте водружать нечто общезначимое и общеизвестное, портите свою пшеницу, свое, быть может, доброе семя. Оставляйте все, как есть, пусть даже с плевелами, и уже не ваше дело судить это".

Так сказал мне митрополит Антоний, чтобы я поняла: там, где есть дух Православия, всегда дышит свобода. Но там, где свобода, всегда есть риск.

А отец Владимир, мой муж, помимо прочего, спросил у владыки, как ему быть: его попросили в Издательском отделе Патриархии составить житие для канонизации Димитрия Донского, но он был смущен некоторыми фактами его биографии и потому отказался. А теперь на Соборе 1988 года благоверный князь канонизирован, и что же теперь делать с этими сомнениями? И владыка ответил со властью: "Так вы с ним самим молитвенно и объяснитесь. Он же святой!"

И вот мы так замечательно поговорили, и вдруг раздается телефонный звонок. Владыка берет трубку, лицо его превращается в улыбку, и он произносит радостно и даже как-то ласково: "Дорогой владыченька, ну, заходи, заходи!" Потом обращается к нам: "Вы не возражаете, если сейчас к нам придет владыка, с которым мы очень близки? Знаете, к нему по-разному относятся, но я его очень люблю, он очень духовный человек — архиепископ Иоанн Снычев" (в то время он был Куйбышевским архиепископом). "Да как же мы можем возражать!" — изумленно отвечаем мы, тем паче — это имя мало что нам тогда говорило.

Через три минуты раздается стук в дверь и входит архиепископ. Они расцеловываются, и очевидно, что между ними самые теплые, самые трогательные братские отношения, какие бывают лишь между двумя очень близкими людьми. Они похлопывают друг друга по плечам, называют "владыченька" и "владычка", "ты" и "ты", улыбаются, перешучиваются. Становится весело, жарко, тесно. Мы у гостя просим архиерейского благословения, хозяин этой гостиничной кельи нас представляет, про меня говорит: "поэт", и тут владыка Иоанн замечает на столике стопку журналов с моими стихами, которые я принесла показать митрополиту Антонию, и со словами: "а что тут у тебя? ну-ка почитаем", берет один из раскрытых журналов и начинает декламировать, посмеиваясь и несколько запинаясь.

В этот момент я ловлю растерянный взгляд владыки Антония и понимаю, что он испугался, как бы его дружественный гость не стал вовсю иронизировать над моими опусами и своей иронией меня бы нечаянно не обидел.

Ну в принципе, что ж, я была бы и не против такого прочтения, тем более, что это было стихотворение "Переписка Грозного с Курбским" — диалогичное, напористое, "юродивое", что ли. Каждая строфа начиналась либо: "Пишет Курбский Грозному" и двоеточие, либо: "Пишет Грозный Курбскому" и опять двоеточие. А за двоеточием — бесконечная брань, вечный спор западников и почвенников. Но владыка Антоний этого не знал и ринулся на мою защиту.

После секундного замешательства он принял отнимать журнал: "Это не тебе, это мне принесли, ты все равно ничего не понимаешь!" А архиепископ Иоанн стал, в свою очередь, уворачиваться и прятать журнал за спину: "Нет, нет, дай-ка мы сейчас почитаем, что они тут насочиняли".

Так они поначалу стояли, размахивая руками, и перетягивали журнал друг у друга, наконец, победил владыка Иоанн, он выхватил несчастное издание из рук митрополита Антония и побежал от своего друга вокруг маленького журнального столика, стоявшего возле дивана, пытаясь что то прочесть на ходу, несмотря на то, что был преследуем буквально по пятам. И когда они сделали уже несколько кругов, смеясь и задыхаясь, владыка Антоний вдруг вскочил на диван и, оказавшись над самой головой своего гостя, который на мгновение упустил его из вида, торжествующе отобрал у него журнал да еще легонько хлопнул его этим журнальчиком по голове.

Владыки смеялись, запыхавшись, а мы с мужем хохотали почти до слез — это было так весело, исполнено такой радости и такой любви, какая бывает лишь между близкими друзьями, братьями. Ну ведь они и были и друзья, и братья...

И вот уже потом, через несколько лет, я узнала, что этих замечательных архипастырей Церкви принято среди политизированных партийно-групповых людей противопоставлять друг другу — мол, владыка Иоанн — духовный лидер "патриотов", а владыка Антоний — духовный лидер "либералов" (хотя какой он либерал? — монархист, традиционалист, антикатолик, антиэкуменист). Я даже сталкивалась с неформальными светскими и "православными" тестами, когда опрашиваемых пытаются сортировать вопросами: "А как вы относитесь к митрополиту Иоанну? А как вы относитесь к митрополиту Антонию?" И если ответишь: "К владыке Иоанну я отношусь с большим почтением", то тебя тут же запишут в черносотенцы, а если признаешься: "Владыку Антония я бесконечно люблю", тебя тут же определят чуть ли не в масоны. Превратили этих двух славных и светлых архиереев в некие плоские знаковые фигуры, которыми лупят своих оппонентов.

На самом деле, они, конечно же, стоят неизмеримо выше этих человеческих, слишком человеческих разделений и группировок. И именно в окружении Небесного, а не земного, в контексте того, что там, а

не здесь, подобает нам теперь вглядываться в дивные образы этих архипастырей, рядом с которыми сподобил нас Господь и жить, и творить, и каяться, и веселиться, и горевать, и праздновать.

Елена КОЖЕВНИКОВА,
с автором и ведущая
русских религиозных передач
на Би-би-си и радио "Свобода"
с 1978 по 1992 год

Владыка Антоний был в моей жизни самым великим даром Божиим. Встретились мы с ним в 1978 году, мы вместе работали над религиозными программами на радио, которые в тогдашнем СССР играли очень и очень большую роль потому, что именно владыка вел эти передачи. Для тысячи, миллионов людей он смог стать духовным отцом. Бог милостив, владыка был и моим духовником, я считаю, что и до сих пор он остался моим духовником.

Владыка был очень реалистичен в жизненных проблемах, с ним можно было посоветоваться о чем угодно. Еще его одно потрясающее качество — он умел выражать такие сложные мысли таким доступным языком, что это было равно понятно и самым сложным личностям и самым простым.

Только один раз в жизни я видела, что он отказался читать проповедь. Владыка вообще мог быть очень строгим. Он не был таким сладеньkim. Он был воин, воин Христов. В тот раз я не была в субботу на всенощной. Приехала на воскресную литургию, служба закончилась, владыка вышел, — он был небольшого роста, но когда он говорил, складывалось впечатление, что гигант. Он вышел на амвон и начал говорить без обычного "во имя Отца и Сына и Святого Духа": "Вчера вечером в нашу церковь впервые пришла женщина с маленьким ребенком. Ребенок шумел, бегал, и кто-то из вас смел подойти к этой женщине и сделать ей замечание: дескать, ее ребенок мешает вам молиться. Да как вы смеете в доме Божьем кого-то учить! Эта женщина ушла. Я не знаю, кто из вас сказал ей это, и знать не хочу, но я приказываю, чтобы тот, кто это сделал, всю оставшуюся жизнь молился за спасение души этой женщины и ее ребенка. Вообще я никого из вас видеть не хочу!" Повернулся и ушел.

...Это мое личное мнение, владыка никогда этого не говорил, но у меня действительно создавалось впечатление, что он очень многое видит. Я уверена, что очень скоро он проявится чудесами. Я лично верю, что между нами был живой святой.

В материале использованы фото В. Лагуткина

Когда сегодня произносят слова "герой нашего времени", то имеют в виду, скорее, героев отнюдь не положительных. Так уж повелось, что в русской классике далеко не лучшие люди чаще всего становились "героями". Однако сейчас мы хотим поговорить о героях нашего времени именно в положительном смысле, рассказать о людях, судьбы которых могут стать для нас живыми примерами. Ведь так важно знать, что и в наше время есть те, у кого стоит учиться, кто, пройдя свой путь, доказал: жизнь не бессмысленна, не пуста.

Герои нашего времени

Фото. В. Лагуткина

"НЕТ, ТЫ НЕ ОДИН"

Митрополит Антоний: Эпизоды из жизни

Митрополит Антоний родился в 1914 г. Раннее детство провел в Персии, где его отец был российским консулом. После революции семья несколько лет скиталась по Европе и в 1923 году осела в Париже. Будущий митрополит окончил здесь среднюю школу, затем биологический и медицинский факультеты университета. В 1939 г., перед уходом на фронт хирургом французской армии, тайно принес монашеские обеты; в мантию с именем Антония был пострижен в 1943 г. В годы немецкой оккупации - врач в антифашистском движении Сопротивления. После войны продолжал медицинскую практику до 1948 года, когда был призван к священству, рукоположен и направлен на пастырское служение в Великобританию. Епископ (1957), митрополит и Патриарший Экзарх в Западной Европе (1966); освобожден от этой должности по собственному прошению в 1974 г.; с тех пор полностью посвятил себя пастырскому окормлению все увеличивающейся паствы своей епархии и всех, кто обращается к нему за советом и помощью. Скончался 4 августа 2003 г. в Лондоне.

ПЕРВЫЕ УРОКИ

С меня в детстве ничего не требовали неразумного, то есть у меня никогда не было чувства, что требуют, потому что родители большие и сильные и поэтому могут сломить ребенка. Но, с другой стороны, если что-то говорилось - никогда не отступали.

Принцип воспитания был такой, что убеждения у меня должны сложиться в свое время свои, но я должен вырасти совершенно правдивым и честным человеком, и поэтому мне никогда не давали повода лгать или скрываться, потому что меня не преследовали. Скажем, меня могли наказать, но в этом всегда был смысл, мне не приходилось иметь потаенную жизнь, как иногда случается, когда с детьми обращаются не в меру строго или несправедливо: они начинают просто лгать и устраивают свою жизнь иначе.

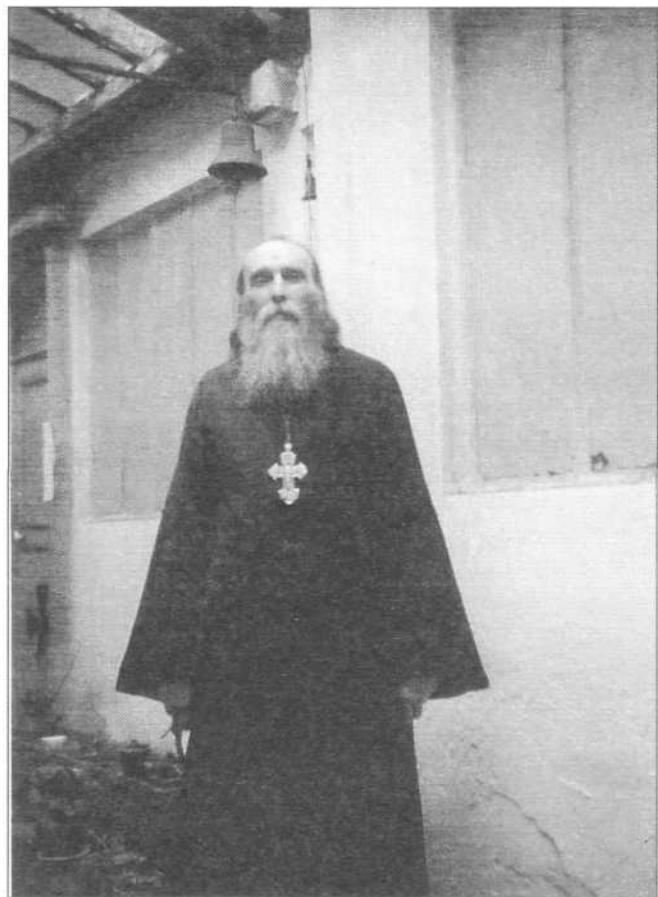
Ко мне ласково относились, но не баловали - в том смысле, что это не шло за счет порядка, дисциплины или воспитания. Кроме того, меня научили с самого детства ценить маленькие, мелкие вещи, а уж когда началась эмиграция, тогда сугубо ценить, скажем, один какой-то предмет; одна вещица - это было чудо, это была радость, и

это можно было ценить годами. Скажем, какой-нибудь оловянный солдатик или книга - с ними жили месяцами, иногда годами, и за это я очень благодарен, потому что я умею радоваться на самую мелкую вещь в момент, когда она приходит, и не обесценивать ее никогда.

Во Франции, когда мы попали туда с родителями, довольно-таки тяжело было жить. Моя мать работала, она знала языки, а жили очень разно, в частности - все в разных концах города. Меня отдали живущим в очень, я бы сказал, трудную школу: это была школа за окраиной Парижа, в районе, куда почью, начиная с сумерек, и полиция не ходила, потому что там резали. И, конечно, мальчишки, которые были в школе, были оттуда, и мне это далось вначале чрезвычайно трудно, я просто не умел тогда драться и не умел быть битым. Били меня беспощадно - вообще считалось нормальным, что новичка в течение первого года избивали, пока не научится защищаться. Ну, били, били и, в общем, не убили. Научили сначала терпеть побои, потом научили немного драться и защищаться - и когда я бился, то бился насмерть, но никогда в жизни я не испытывал так много страха и так много боли, и физической, и душевной, как тогда. Поэтому что я был хитрая скотинка, я дал себе зарок

ни словом не обмолвиться об этом дома: все равно некуда было деться, зачем прибавлять маме еще одну заботу? И поэтому я впервые рассказал ей об этом, когда мне было лет сорок пять, когда это уже было дело отзвеневшее. Но этот год было действительно тяжело, мне было восемь-девять лет, и я не умел жить. Агрессивная сторона во мне не очень развилаась, но вот эта убийственная другая сторона, чувство, что надо стать совершенно мертвым и окаменелым, чтобы выжить, - ее мне пришлось годами потом изживать, действительно годами.

Мой отец жил в стороне от нас, он занял своеобразную позицию: когда мы оказались в эмиграции, он решил, что его сословие, его социальная группа несет тяжелую ответственность за все, что случилось в России, и что он не имеет права пользоваться преимуществами, которые дало ему его воспитание, образование, его сословие. И поэтому он не стал искать никакой работы, где мог бы использовать знание восточных языков, свое университетское образование, западные языки, и стал чернорабочим. И в течение довольно короткого времени он подорвал свои силы, затем работал в конторе и умер пятидесяти трех лет (2 мая 1937 г.). Но он мне несколько вещей привил.

Он человек был очень мужественный, твердый, бесстрашный перед жизнью; помню, как-то я вернулся с летнего отдыха, и он меня встретил и сказал: "Я о тебе беспокоился этим летом". Я полу淞тулько ему ответил: "Ты что, боялся, как бы я не сломал ногу или не разбился?" Он ответил: "Нет. Это было бы все равно. Я боялся, как бы ты не потерял честь". И потом прибавил: "Ты запомни: жив ты или мертв - это должно быть совершенно безразлично тебе, как это должно быть безразлично и другим; единственное, что имеет значение, это ради чего ты живешь и для чего ты готов умереть". И о смерти он мне раз сказал вещь, которая мне осталась и потом отразилась очень сильно, когда он сам умер; он как-то сказал: "Смерть надо ждать так, как юноша ждет прихода своей невесты".

ЛЮБОВЬ ОТЦА ГЕОРГИЯ

В 1925 году я уже не был живущим в школе, у меня было немножко больше времени, и я попал в первую свою русскую организацию, скаутскую, вроде пионеров, которая отличалась от других тем, что кроме обычных летних лагерных занятий, таких, как палатки, костры, готовка на улице, лесные походы и так далее, нам прививалась русская культура и русское сознание; лет с десяти-одиннадцати нас учили воинскому строю, и все это с тем, чтобы когда-нибудь вернуться в Россию и отдать России все, что мы смогли собрать на Западе, чтобы мы могли быть действительно и физически, и умственно готовы к этому. Так нас учили в течение целого ряда лет.

В 1927 году (просто потому, что та группа, в которой я участвовал, разошлась, распалась) я попал в другую организацию, которая называлась "Витязи" и была создана Русским Студенческим Христианским Движением, где я пустил корни и где остался.

Что касается Церкви, то я был очень антицерковно настроен из-за того, что я видел в жизни моих товарищей католиков или протестантов; Бога для меня не существовало, а Церковь была чисто отрицательным явлением.

И вот в этой организации я обнаружил одну сначала очень меня озадачившую вещь. В 1927 году в детском лагере был священник (прот. Георгий Шумкин. - Ред.), который нам казался древностью - ему было, наверное, лет тридцать, но у

Протоиерей Георгий Шумкин (1894-1965 гг.), священник, в котором юный Андрей Блум (будущий Владыка Антоний) обнаружил живую веру и поразительную любовь к людям.

него была большая борода, длинные волосы, резкие черты лица и одно свойство, которое никто из нас себе не мог объяснить: это то, что у него хватало любви на всех. Он не любил нас в ответ на предложенную ему любовь, ласку, он не любил нас в награду за то, что мы были "хорошие" или послушные, или там что-нибудь в этом роде. У него просто была через край сердца изливающаяся любовь. Каждый мог получить ее всю, не то чтобы какую-то долю или капельку, и никогда она не отнималась. Единственное, что случалось: эта любовь к какому-нибудь мальчику или девочке была для него радостью или большим горем. Но это были как бы две стороны той же самой любви, никогда она не уменьшалась, никогда не колебалась.

ЧУДО

Великим постом какого-то года, кажется, тридцатого, нас, мальчиков, стали водить наши руководители на волейбольное поле. Раз мы собрались, и оказалось, что пригласили священника провести духовную беседу с нами, дикарями. Ну, конечно, все от этого отлынивали как могли, кто успел сбежать, сбежал, у кого хватило мужества воспротивиться вконец, воспротивился, но меня руководитель уломал. Он меня не уговаривал, что надо пойти, потому что это будет полезно для моей души или что-нибудь такое, потому что, сошлись он на душу или на Бога, я не поверил бы ему. Но он сказал: "Послушай, мы пригласили отца Сергея Булгакова, ты можешь себе представить, что он разнесет по городу о нас, если никто не придет на беседу?" Я подумал: да, лояльность к моей группе требует этого. А еще он прибавил замечательную фразу: "Я же тебя не прошу слушать! Ты сиди и думай свою думу, только будь там". Я подумал, что, пожалуй, и можно, и отправился. И все было действительно хорошо, только, к сожалению, отец Сергий Булгаков говорил слишком громко и мне мешал думать свои думы, и я начал прислушиваться, и то, что он говорил, привело меня в такое состояние ярости, что я уже не мог оторваться от его слов.

Помню, он говорил о Христе, о Евангелии, о христианстве. Он был замечательный богослов, и он был замечательный человек для взрослых, но

у него не было никакого опыта с детьми, и он говорил, как говорят с маленькими зверятами, доводя до нашего сознания все сладкое, что можно найти в Евангелии, от чего как раз мы шарахнулись бы, и я шарахнулся: кротость, смирение, тихость - все "рабские" свойства, в которых нас упрекают начиная с Ницше и дальше. Он меня привел в такое состояние, что я решил не возвращаться на волейбольное поле, несмотря на то, что это была страсть моей жизни, а ехать домой, попробовать обнаружить, есть ли у нас дома где-нибудь Евангелие, проверить и покончить с этим; мне даже на ум не приходило, что я не покончу с этим, потому что было совершенно очевидно, что он знает свое дело, и, значит, это так.

Я у мамы попросил Евангелие, которое у нее оказалось, заперся в своем углу, посмотрел на книжку и обнаружил, что Евангелий четыре, а раз четыре, то одно из них, конечно, должно быть короче других. И так как я ничего хорошего не ожидал ни от одного из четырех, я решил прочесть самое короткое. И тут я попался, я много раз после этого обнаруживал, до чего Бог хитер бывает, когда Он располагает Свои сети, чтобы поймать рыбью, потому что, прочти я другое Евангелие, у меня были бы трудности. За каждым Евангелием есть какая-то культурная

база, Марк же писал именно для таких молодых дикарей, как я, - для римского молодняка. Этого я не знал - но Бог знал. И Марк знал, может быть, когда написал короче других.

Я сел читать, и тут вы, может быть, поверите мне на слово, потому что этого не докажешь, со мной случилось то, что бывает иногда на улице, знаете, когда идешь - и вдруг повернешься, потому что чувствуешь, что кто-то на тебя смотрит сзади. Я сидел, читал и между началом первой и началом третьей глав Евангелия от Марка, которое я читал медленно, потому что язык был непривычный, вдруг почувствовал, что по ту сторону стола, тут, стоит Христос. И это было настолько разительное чувство, что мне пришлось остановиться, перестать читать и посмотреть. Я долго смотрел, я ничего не видел, не слышал, чувствами ничего не ощущал. Но даже когда я смотрел прямо перед собой на то место, где никого не было, у меня было

"Я сидел, читал и между началом первой и началом третьей глав Евангелия от Марка, которое я читал медленно, потому что язык был непривычный, вдруг почувствовал, что по ту сторону стола, тут, стоит Христос. И это было настолько разительное чувство, что мне пришлось остановиться..."

то же самое яркое сознание, что тут стоит Христос, несомненно. Помню, что я тогда откинулся и подумал: если Христос живой стоит тут - значит это воскресший Христос. Значит, я знаю достоверно и лично, в пределах моего личного, собственного опыта, что Христос воскрес и, значит, все, что о Нем говорят, - правда. Это того же рода логика, как у ранних христиан, которые обнаруживали Христа и приобретали веру не через рассказ о том, что было от начала, а через встречу с Христом живым, из чего следовало, что распятый Христос был тем, что говорится о Нем, и что весь предшествующий рассказ тоже имеет смысл.

ЭТО - ЖИЗНЬ

Я старался осуществить свою вновь обретенную веру различным образом: я был так охвачен восторгом и благодарностью за то, что со мной

случилось, что проходу никому не давал; я был школьником, ехал на поезде в школу и просто в поезде к людям обращался, ко взрослым: вы читали Евангелие? вы знаете, что там есть? Я уж не говорю о товарищах в школе, которые претерпели от меня многое.

Второе - я начал молиться: меня никто не учил, и я занялся экспериментами, я просто становился на колени и молился, как умел. Потом мне попался учебный часослов, я начал учиться читать по-славянски и вычитывал службу - это занимало около восьми часов в день, я бы сказал, но я недолго это делал, потому что жизнь не дала. К тому времени я уже поступил в университет, и было невозможно учиться полным ходом в университете - и это. Но тогда я службы заучивал наизусть, а так как я ходил в университет и в больницу на практику пешком, то успевал вычи-

Трехсвятительское подворье, вид 1930-60-х гг. Здесь Андрей Блум встретил своего духовного отца - архимандрита Афанасия (Нечаева).

"Знаете, есть присловье на Афоне, что нельзя бросить всё на свет, если не увидишь на лице хоть одного человека сияние вечной жизни... И вот он поднимался из церкви, и я ВИДЕЛ сияние вечной жизни. И я к нему подошел и сказал: не знаю, кто вы, но вы согласны быть моим духовником?.. Я с ним связался до самой его смерти... это единственный человек, которого я встретил в жизни, в ком была такая мера свободы - не произвела, а именно той евангельской свободы, царственной свободы Евангелия".

**Алексей Шестопал,
заведующий кафедрой философии МГИМО (у) МИД России,
доктор философских наук, профессор**

Я назвал бы героем нашего времени патриарха Алексия. Мне он дорог и в человеческом плане, и в профессиональном. Во-первых, он человек, который открыт общению с очень разными людьми, достойно ведет себя в подчас очень сложных ситуациях. У него можно учиться мужеству преодолевать неудачи. В профессиональном плане он необычайно тонко интерпретирует сложные вопросы общественной жизни, очень точно реагирует на события национального и мирового масштаба.

Особенно он мне был близок в драматичные осенние дни 1993 года, когда в Москве началась стрельба. Он тогда организовал то, что вошло в историю как Свято-Даниловский переговорный процесс. Хотя эти усилия и не дали результатов и переговорщики вышли из-за стола, чтобы взяться за оружие, но это стремление к миру, эта модель, форма необычайно важна. То мужество, с которым он держался, произвело на меня очень большое впечатление.

Мой герой – это...

Наш опрос

**Елена Загорулькина,
студентка МИСИ (МГСУ)**

Вокруг меня очень много людей, как близких, так и тех, кто мимолетно появляется на горизонте. Да, многие достойны восхищения, да, они интересные люди, но не Герои.

Мне кажется, Герои – это те, кто живет не для себя, те, кто что-то делает для других с полной самоотдачей. Вот, например, мой тренер по альпинизму Леонид Сергеевич, человек, взрастивший не одно поколение молодежи. Он не стремился сделать из них спортсменов-альпинистов, он просто пытался привить им любовь к горам, к гармонии с самим собой и с природой, помог многим из них преодолеть комплексы и по-другому посмотреть на повседневные проблемы. Часто к нам в секцию приходили ребята-перевокурсники, которые только приехали в большой город, где у них нет друзей, где они вдали от родных и близких. Наша секция заменила им семью: друг, проверенный горами, становится тебе больше, чем другом. Он говорил, что мы – как один большой котел, в который каждый привносит что-то свое. (Потом примерно это же я услышала от своей подруги, которая говорила о христианском молодежном клубе: «Мы приносим свое настроение сюда, и мы в ответе за атмосферу здесь.» Все очевидно и элементарно, но осознание даже этого приходит не сразу.)

Он не давал нам спокойно жить, постоянно задавая вопросы, а мы мучились, пытаясь ответить на них. Многое нам было непонятно из его слов, по смыслу доходил много позже. Наверное, Леонид Сергеевич больше всех моих знакомых и друзей достоин называться Героем.

тывать утреню по дороге туда, вычитывать часы на обратном пути, причем я не стремился вычитывать, просто это было для меня высшим наслаждением, и я это читал. Потом отец Михаил Бельский дал мне ключ от нашей церковки на улице Монтань-Сент-Женевьев, так что я мог заходить туда в любое время, но это было сложно. И по вечерам я молился долго - ну, просто потому, что я очень медлительный, у меня техника молитвы была очень медлительная. Я вычитывал вечернее правило, можно сказать, три раза: прочитывал каждую фразу, молчал, прочитывал второй раз с земным поклоном, молчал и вычитывал для окончательного восприятия - и так все правило. Все это вместе взятое занимало около двух часов с половиной, что было не всегда легко и удобно, но очень питательно и насладительно, потому что тогда доходит, когда ты всем телом должен отозваться: Господи, помилуй! - скажешь с ясным сознанием, потом скажешь с земным поклоном, потом встанешь и скажешь уже, чтобы запечатлеть, и так одну вещь за другой. Из этого у меня выбросло чувство, что это - жизнь: пока я молюсь - я живу, вне этого есть какой-то изъян, чего-то не хватает.

ПРОЩАНИЕ С ОТЦОМ

Мой отец был тихий человек, мало говорил; мы редко общались. На Пасху ему стало нехорошо, он прилег. Я сидел рядом с ним, и впервые в жизни мы говорили с полной открытостью. Не слова наши были значительны, а была открытость ума и сердца. Двери открылись. Молчание было полно той же открытости и глубины, что и слова. А затем настала пора мне уйти. Я попрощался со всеми, кто был в комнате, кроме отца, потому что чувствовал, что, встретившись так, как мы встретились, мы больше не можем разлучиться. Мы не простились. Не было сказано даже "до свидания", "увидимся"; мы встретились - и это была встреча навсегда. Он умер в ту же ночь. Мне сообщили, что отец умер; я вернулся из госпиталя, где работал; помню, я вошел в его комнату и закрыл за собой дверь. И я ощущал такое качество и глубину молчания, которое вовсе не было просто отсутствием шума, отсутствием звука. Это было сущностное молчание, - молчание, которое французский писатель Жорж Бернанос описал в одном романе как "молчание, которое само - присутствие". И я услышал собственные слова: "А говорят, что есть смерть... Какая ложь!"

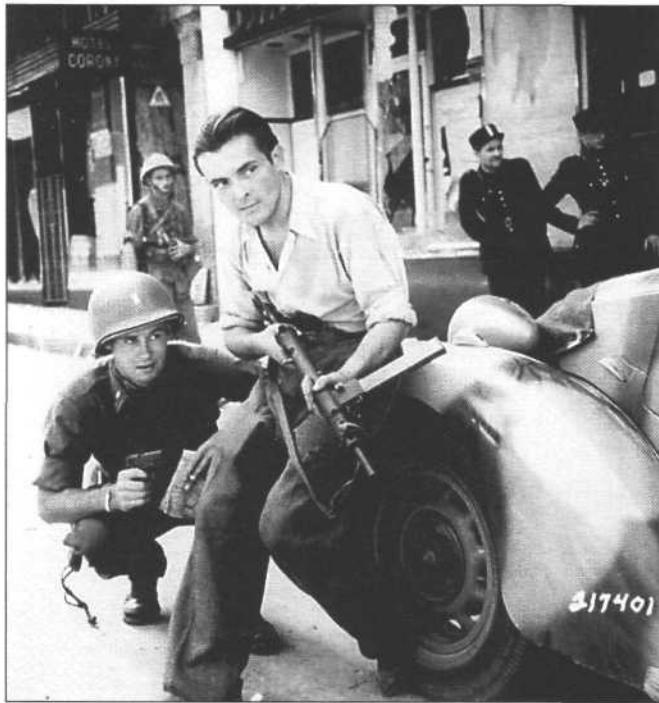
МОРКОВКА И НОЖ

Решив идти в монашество, я стал готовиться к этому и делал все ошибки, какие только можно сделать в этом смысле: постился до полусмерти, молился до того, что сводил всех с ума дома, и так далее. Обыкновенно так и бывает, что все в доме делаются святыми, как только кто-нибудь захочет карабкаться на небо, потому что все должны терпеть, смиряться, все выносить от "подвижника". Помню, как-то я молился у себя в комнате в самом возвышенном духовном настроении, и бабушка отворила дверь и сказала: "Морковку чистить!" Я вскочил на ноги, сказал: "Бабушка, ты разве не видишь, что я молился?" Она ответила: "Я думала, что молиться - это значит быть в общении с Богом и учиться любить. Вот морковка и нож".

Медицинский факультет я окончил к войне, в 1939 году. На Усекновение главы Иоанна Крестителя (11 сентября. - Ред.) я просил своего духовного отца принять мои монашеские обеты: постригать меня было некогда, потому что оставалось пять дней до ухода в армию. Я произнес монашеские обеты и отправился в армию, и там пять лет я учился чему-то; по-моему, отличная была школа. Чему учился? - послушанию, например. Я поставил вопрос отцу Афанасию: "Вот я сейчас иду в армию - как я буду осуществлять свое монашество и, в частности, послушание?" Он мне ответил: "Очень просто. Считай, что каждый, кто дает тебе приказ, говорит именем Божиим, и твори его не только внешне, по всем твоим нутром. Считай, что каждый больной, который потребует помои, позовет, - твой хозяин, служи ему, как купленный раб".

ВОЙНА И ОККУПАЦИЯ

На войне же была все таки какая-то доля опасности, и поэтому сознание, что ты действительно в руках Божиих, доходит иногда до очень большой меры. Попутно делаешь всякого рода открытия: о том, что ты не такой замечательный, что есть вещи гораздо важнее тебя; о том, что есть разные пласти в событиях. Есть, скажем, пласт, на котором ты живешь, и тебе страшно или какие-то еще чувства одолевают тебя, а есть помимо этого еще какие-то два пласта: выше, над тобой - воля Божия, Его видение истории, и ниже - как течет жизнь, не замечая событий, связанных с твоим существованием. Помню, как-то я лежал на животе под обстрелом, в траве, и сначала жался крепко к земле, потому что как-то неуютно было, а потом надоело жаться, и я стал смотреть: трава

Боец французского сопротивления участвует в уличном бое в Париже, 1944 год.

“Трава была зеленая, небо голубое, и два муравья ползли и тащили соломинку, и так было ясно, что вот я лежу и боюсь обстрела, а жизнь течет, трава зеленеет, муравьи ползают, судьба целого мира длится, продолжается, как будто человек тут ни при чем; и на самом деле он ни при чем, кроме того, что портит все.”

рургией в подвальном помещении госпиталя Отель-Дьё, и поэтому, когда началось восстание, я пошел туда - там было гораздо больше работы, там я был нужнее. Кроме того, очень было важно, чтобы там были люди, которые могли законно требовать новых припасов лекарств и новых инструментов, чтобы их переправлять: к нам приходили из этих ячеек, а мы им передавали казенные инструменты, иначе им невозможно было бы получить их в таком количестве. Одно время французская полиция поручила мне заведовать машиной “скорой помощи” во время бомбежек, и это давало возможность перевозить куда надо нужных Сопротивлению людей.

Еще одно интересное открытие периода войны, оккупации. Одна из вещей, с которыми нам в жизни, и тем более в молитве, приходится бороться, - это вопрос времени. Мы не умеем - а надо научиться - жить в мгновении, в котором ты находишься: ведь прошлого больше нет, будущего еще нет, и единственный момент, в котором ты можешь жить, это теперь, а ты не живешь, потому что застрял позади себя или уже забегаешь вперед себя. И дознался я до чего-то в этом отношении милостью Божией и немецкой полиции. Во время оккупации я раз спустился в метро, и меня сцепали, говорят: покажи бумаги! Я показал. Фамилия моя пишется через два “о”: Bloom. Полицейский смотрит, говорит: “Арестовываю! Вы - англичанин и шпион!” Я говорю: “Помилуйте, на чем вы основываетесь?” - “Через два „о“ фамилия пишется”. Я говорю: “В том-то и дело - если бы я был англичанин-шпион, я как угодно назывался бы, только не английской фамилией”. - “А в таком случае, что вы такое?” - “Я русский”. (Это было время, когда советская армия постепенно занимала Германию.) Он говорит: “Не может быть, неправда, у русских глаза такие и скучны такие”. - “Простите, вы русских путаете с китайцами”. “А, - говорит, - может быть. А все-таки, что вы о войне думаете?” А поскольку я был офицером во французском Сопротивлении, ясно было, что все равно не выпустят, и я решил хоть в свое удовольствие быть арестованным. Говорю: “Чудная война идет - мы же вас бьем!” - “Как,

была зеленая, небо голубое, и два муравья ползли и тащили соломинку, и так было ясно, что вот я лежу и боюсь обстрела, а жизнь течет, трава зеленеет, муравьи ползают, судьба целого мира длится, продолжается, как будто человек тут ни при чем; и на самом деле он ни при чем, кроме того, что портит все.

Потом кончилась война и началась оккупация, я был во французском Сопротивлении три года, потом снова в армии, а потом занимался медицинской практикой до 1948 года. В Сопротивлении я ничего не делал интересного; это самая, можно сказать, позорная вещь в моей жизни, что я ни во время войны, ни во время Сопротивления ничего никогда не сделал специально интересного или специально героического. У нас был знакомый старый французский врач, еще довоенного изделия, который уже был членом французского медицинского Сопротивления, и он меня завербовал. Заключалось это в том, что ты числился в Сопротивлении, и если кого-нибудь из Сопротивления ранили, или нужны были лекарства, или надо было кого-то посетить, то посыпали к одному из этих врачей, а не просто к кому попало. Были ячейки, приготовленные на момент освобождения Парижа, куда каждый врач был заранее приписан, чтобы, когда будет восстание, каждый знал, куда ему идти. Но я в свою ячейку так и не попал, потому что за полтора-два года до восстания меня завербовало французское “пассивное Сопротивление” и я занимался мелкой хи-

вы, значит, против немцев?" - "Да". - "Знаете, я тоже (это был французский полицейский на службе у немцев), убегайте поскорее".

"ПОЙДИ НА ЭКЗАМЕН И ПРОВАЛИСЬ"

Я, например, одно время страшно увлекся мыслью сделать медицинскую карьеру и решил сдавать экзамен, чтобы получить специальную степень. Я отцу Афанасию про это сказал. Он на меня посмотрел и ответил: "Знаешь, это же чистое тщеславие". Я говорю: "Ну, если хотите, я тогда не буду". - "Нет, - говорит, - ты пойди на экзамен - и провались, чтобы все видели, что ты ни на что не годен". Вот такой совет: в чисто профессиональном смысле это нелепость, никуда не годится такое суждение. А я ему за это очень благодарен. Я действительно сидел на экзамене, получил ужасающую отметку, потому что написал Бог весть что даже и о том, что знал, провалился, был внизу списка, который был в метр длиной; все говорили: ну знаешь, никогда не думали, что ты такая остолопина, - и чему-то научился, хотя это и провалило все мое будущее в профессиональном плане. Но тому, чему он меня тогда научил, он бы меня не научил речами о смиренении,

потому что сдать блестящие экзамены, а потом смиленно говорить: "Да нет, Господь помог", - это слишком легко.

СМЕРТЬ СОЛДАТА

Мне кажется, что очень важно священнику (а если священника нет, то любому человеку, даже неверующему) подойти и дать умирающему почувствовать, что он не один. Когда человек в таком состоянии, то священник или близкий друг должен считать, что этот человек - единственный на свете, и ему отдать все внимание и все время. И тут я хочу дать пример.

В начале войны я был хирургом в полевом госпитале, и в моем отделении умирал молодой солдат. Я его, конечно, посещал днем; а в какой-то вечер подошел, взглянул на него, и мне стало ясно, что он не жилец. Я его спросил: "Ну, как ты себя чувствуешь?" Он на меня взглянул глубоко, спокойно (он был крестьянин, поэтому в нем была такая тишина полей, тишина лесов, тишина неспешной жизни) и мне сказал: "Я сегодня ночью умру". Я ответил: "Да, сегодня ты умрешь. Тебе страшно?" - "Умирать мне не страшно, но мне так жалко, что я умру совершенно один. Умирал бы я дома - при мне были бы и жена, и

Полевой госпиталь времен второй мировой войны. На фронт военврач Андрей Блум, принявший уже монашеские обеты, ушел с таким завещанием духовника:

"Считай, что каждый больной, который потребует помощи, позовет, - твой хозяин, служи ему, как купленный раб".

мать, и дети, и соседи, а здесь никого нет..." Я говорю: "Нет, неправда, - я с тобой посижу". - "Ты не можешь просидеть со мной целую ночь". - "Отлично могу!" Он подумал, сказал еще: "Знаешь, даже если ты будешь здесь сидеть, пока мы разговариваем, я буду сознавать твое присутствие, а в какой-то момент я тебя потеряю и уйду в это страшное одиночество в момент, когда страшнее всего - умирать". Я ответил: "Нет, не так. Я с тобой рядом сяду. Сначала мы будем разговаривать, ты мне будешь рассказывать о своей деревне; дашь мне адрес своей жены. Я ей напишу, когда ты умрешь; если случится, навещу после войны. А потом ты начнешь слабеть, и тебе будет уже невозможно говорить, но ты сможешь на меня смотреть. К тому времени я тебя за руку возьму. Ты сначала будешь открывать глаза и видеть меня, потом закроешь глаза и уже меня видеть не сможешь, уже не будет сил открывать их, но ты будешь чувствовать мою руку в своей руке или свою руку в моей. Постепенно ты будешь удаляться, и я это буду чувствовать, и периодически буду пожимать твою руку, чтобы ты чувствовал, что я не ушел, я здесь. В какой-то момент ты на мое пожатие руки ответить не сможешь, потому что тебя здесь уже не будет. Твоя рука меня отпустит, я буду знать, что ты скончался. Но ты будешь знать, что до последней минуты не был один". И так и случилось.

Это один из целого ряда примеров. Я сидел, как правило, с каждым умирающим в нашей больнице, не только своего отделения, но и других отделений, и каждый раз повторялась пусты

Владыка Антоний с мамой и бабушкой.

"Помню, как-то я молился у себя в комнате в самом возвышенном духовном настроении, и бабушка отворила дверь и сказала: "Морковку чистить!" Я вскочил на ноги, сказал: "Бабушка, ты разве не видишь, что я молился?" Она ответила: "Я думала, что молиться - это значит быть в общении с Богом и учиться любить. Вот морковка и нож".

не та же картина, но то же взаимное отношение: "нет, ты не один".

MAMA

Моя мать три года умирала от рака. Ее оперировали - и неуспешно. Доктор сообщил мне это и добавил: "Но, конечно, вы ничего не скажете своей матери". Я ответил: "Конечно, скажу". И сказал. Помню, я пришел к ней и сказал, что доктор звонил и сообщил, что операция не удалась. Мы помолчали, а потом моя мать сказала: "Значит, я умру". И я ответил: "Да". И затем мы остались вместе в полном молчании, общаясь без слов. Мне кажется, мы ничего не "обдумывали". Мы стояли перед лицом чего-то, что вошло в жизнь и все в ней перевернуло. Это не был призрак, это не было зло, ужас. Это было нечто окончательное, что нам предстояло встретить, еще не зная, чем оно скажется. Мы оставались вместе и молча так долго, как того требовали наши чувства. А затем жизнь пошла дальше.

Но в результате случились две вещи. Одна - то, что ни в какой момент моя мать или я сам не были замурованы в ложь, не должны были играть, не остались без помощи. Никогда мне не требовалось входить в комнату матери с улыбкой, в которой была бы ложь, или с неправдивыми словами. Ни в какой момент нам не пришлось притворяться, будто жизнь побеждает, будто смерть, болезнь отступает, будто положение лучше, чем оно есть на самом деле, когда оба мы знаем, что это неправда. Ни в какой момент мы не были лишены взаимной поддержки. Были моменты, когда моя мать чувствовала, что нуждается в помощи; тогда она звала, я приходил, и мы разговаривали о ее смерти, о моем одиночестве. Она глубоко любила жизнь. За несколько дней до смерти она сказала, что готова была бы страдать еще 150 лет, лишь бы жить. Она любила красоту наступавшей весны; она дорожила нашими отношениями. Наши отношения были глубоки и истинны, в них не было лжи, и поэтому они могли вместить всю правду до глубины.

ПРИВИЛЕГИИ СВЯЩЕННИКА

Нет власти у священника; нет прав у священника; есть только страшная и дивная, подлинно божественная привилегия - любить до смерти и смерти крестной. Кто-то из западных подвижников, спрошенный, что такое священник, ответил: "Священник - это распятый человек". Это человек, который отрекся и отрекается, и каждый час должен заново отречься от себя, от каких бы то ни было прав; не только от ложного права творить зло и быть грешником, но даже и от законных прав человечности, человеческой жизни. Он - образ Христов, он - икона, он - Христова забота, он - Христова любовь; он - Христова кровь, которая может быть излита.

Еще с очень ранних лет, как только я, четырнадцатилетним мальчиком, прочел Евангелие, я почувствовал, что никакой иной задачи не может быть в жизни, кроме как поделиться с другими той преображающей жизнью радостью, которая открылась мне в познании Бога и Христа; и тогда, еще подростком, вовремя и не вовремя, на школьной скамье, в метро, в детских лагерях я стал говорить о Христе. Каким Он мне открылся: как жизнь, как радость, как смысл, как нечто настолько новое, что оно обновляло все; и если не было бы недопустимым применять к себе слова Священного Писания, я мог бы сказать вместе с апостолом Павлом: Горе мне, если я не благовествую (1 Кор 9:16)... Горе, потому что не делиться этим чудом было бы преступление перед Богом, это чудо сотворившим, и перед людьми, которые по всему лицу земли сейчас жаждут, жаждут живого слова о Боге, о человеке, о жизни: не о той жизни, которой мы живем изо дня в день, порой такой тусклой, порой такой страшной, порой и такой ласковой, но земной, а слова о жизни преизбыточествующей, о жизни вечной, бьющей ключом в наших душах, в сердцах, озаряющей наши умы, делающей нас не только проповедниками, но и свидетелями Царства Божия, пришедшего в си-ле, проникающего в нашу душу, пронизывающее го нашу жизнь.

"Господи, помилуй! - скажешь с ясным сознанием, потом скажешь с земным поклоном, потом встанешь и скажешь уже, чтобы запечатлеть, и так одну вещь за другой. Из этого у меня выросло чувство, что это - жизнь: пока я молюсь - я живу, вне этого есть какой-то изъян, чего-то не хватает."

Когда я принимал постриг немного более двадцати пяти лет назад, духовник мне сказал: "Ты ищешь в монашестве подвига и самоутверждения. Помни, что монашество - только в победе Божественной Любви в тебе, то есть в Божией победе над тобой". Я думаю, в этом все дело. Если монашество определять тем, что ты, как мантийный монах, должен отбивать тысячу поклонов и читать пять тысяч Иисусовых молитв, и к тому прибавить все уставные богослужения, - конечно, никогда заниматься богословием и никогда заниматься пастырством, это друг друга исключает просто по времени, физически исключает.

Если монашество заключается в том, чтобы не быть, чтобы только Бог был в тебе и через тебя действовал, чтобы от тебя не осталось ничего, кроме послушности, кроме прозрачности, кроме внутреннего богоприимного безмолвия и богоприимной немощи, тогда можно пастырством, во всяком случае, заниматься, потому что пастырство - это любовь.

Одна из задач духовника в том, чтобы воспитать человека в духовной свободе, в царственной свободе чад Божиих, и не держать его в состоянии инфантильности всю жизнь: чтобы он не прибегал всегда по пустякам, пусто, напрасно к своему духовному отцу, а вырос в такую меру, когда он сам научится слышать то, что Дух Святой вещает неизреченными глаголами в его сердце.

Мне вспоминается один молодой священник, который как-то, приступая к Литургии, вдруг почувствовал, что он не в состоянии совершить это таинство, что ему слишком страшно, что он не может его совершить. Он сказал: "Господи, что мне делать?!" И в тот же момент почувствовал, как между ним и престолом Кто-то встал, так что ему пришлось отступить назад. И в течение всей Литургии он произносил слова, которые предписано священнику произносить, и знал, что Совершитель Литургии - Сам Христос, Который стоял между престолом и им. Это должен бы если не испытать (потому что это чудо, которое не всякому дано), то по крайней мере понимать каждый священник.

В чем я вижу свою задачу, сначала как священника, а затем как епископа? Во-первых, я нашел веру не через Церковь, не через организацию церковную, а непосредственно от Бога и от Евангелия. И поэтому я глубоко верю, что первое, о чем священник должен заботиться, это о своей вкорененности в молитве, в общение с Богом; священник должен постепенно углубляться в понимание евангельского слова, евангельского свидетельства, евангельской проповеди, и это живое слово Самого Бога проповедовать; то есть, во-первых, ознакомлять людей с этим словом, а во-вторых, доводить до сознания людей его жизненность, его глубину, его творческую силу. Начинается все с того, чтобы услышать слово Божие и произнести это слово.

...Административно жизнь заключается в том, чтобы создавать строй, стройность, гармонию, единодушие, и творческую силу высвобождать, а вовсе не вгонять в какие-то рамки. Вот что я мо-

гу сказать об этом; что касается до внешней, структурной администрации, мне кажется, что при взаимном понимании, при творческом сотрудничестве она сама собой заменяется чем-то гораздо более значительным: силой, действием, веянием Святого Духа и следованием по пути, который есть Сам Христос.

Церковь - это место, где люди могут выразить свою связь с Богом вместе, в порядке общей веры, общей молитвы, сознания, что они едины, что они составляют один живой организм, как бы одну личность во множестве лиц; это первое. Сознание, что мы можем говорить с Богом не "Ты и я", а вместе сказать "Отче наш", охватив и других людей чувством любви, чувством уважения, и еще, может быть, очень сильным и очень важным чувством взаимной ответственности.

Во-вторых, и в связи, конечно, с первым, Церковь должна нас учить ответственности, то есть именно тому, что христианин - это человек,

Митрополит Антоний был погребен на лондонском кладбище Олд-Бромптон 13 августа 2003 года. В траурной церемонии участвовал патриарший экзарх всея Белоруссии Митрополит Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев) и другие представители РПЦ. Присутствовавший на похоронах Архиепископ Кентерберийский Роэн Уильямс сказал, что митрополит Антоний внес "огромный вклад в жизнь христианской общины в Великобритании на протяжении полувека, и что его учение и служение обогатили всю христианскую Церковь".

которому Бог поручил заботу о мире, о материальном мире, общественном мире, о каждом отдельном человеке - верующем, неверующем - без разбора. Бог поделился с ним в какой-то мере Своим отношением к миру и Своим видением вещей; и в этом смысле христианин должен ответственно стоять в жизни: жизненной правдой, прежде всего; просто своим поведением; тем, какой он есть и что он делает; а затем, когда нужно, и словом; причем зная, что и слово, и поступок, и стояние в истине и в правде могут дорого ему обойтись.

- С какими чувствами Вы подходите к этому юбилею? [50-летие служения в священном сане.]

- Вы, вероятно, не ожидаете такого ответа, но я прямо скажу: с большой грустью. С грустью о том, что, как я чувствую, я не выполнил ничего из того, что Господь ожидал от меня и ради чего Он меня призвал - не выполнил по моей вине, потому что я не оказался достоин того, что Он возложил на меня. Я не оказался молитвенником за людей, каким должен был бы быть, я не продолжал развивать в себе знания о Священном Писании, об учении Отцов, о Литургии, как должен был бы делать. И по отношению к тем людям, которые ко мне приходили, я думаю, я не был достаточно внимателен - не в тот момент, когда они со мной были, но потом, ибо я не продолжал, как некоторые замечательные священники делали и делают, следить за ними год за годом. Я их видел в моменты кризиса, а затем, когда все успокаивалось, я им давал жить самостоятельно, независимо от меня и, вероятно, без той помощи или поддержки, на которую они надеялись.

С другой стороны, Господь исполнил то, что было сказано апостолу Павлу: "Сила Моя в немощи совершается"... И - я хотел сказать "мне удалось", но это не то выражение - Господь мне помог найти язык, который доходил до умов и до сердец людей и русских и нерусских. Так уж случилось, что Господь мне помог говорить о том, что меня самого тревожило и что имело для меня значение, помог мне вести беседы, читать лекции, которые людям что-то дали. Но в конечном итоге, я думаю, я стою перед Богом с пустыми руками. Я могу только сказать: Да, Господи, Ты совершил то или другое через меня, употребляя меня как Свое орудие, но я оказался недостоин того, что Ты совершил через меня. Вот мой личный итог. Я знаю, что люди будут судить иначе, су-

дить по каким-то плодам, но у меня болит сердце о том, что столько, столько было дано - и так мало исполнено.

Один мой знакомый мне говорил, что до пятидесяти лет мы стареем, а потом начинаем молодеть. Я его спросил: "Почему?" Он говорит: "Потому что после пятидесяти мы можем начать отсчет от ста и считать в обратном порядке". Так что мне сейчас шестнадцать, в будущем году стукнет пятнадцать, и так далее... Но если быть серьезным, то, конечно, годы дают о себе знать. Я уже не могу делать все, что делал раньше. Когда я был более молодым, принимал людей здесь, в комнатке при храме, по четырнадцать часов подряд. Сейчас мне это не под силу... Но "сила Божия в немощи совершается", и "когда я немощен, тогда силен" - вот и все, что могу сказать...

[85-летие.] Что касается до того, что я вношу в жизнь Русской Церкви, это для меня самое большое счастье и обогащение. Я всегда мечтал служить Русской Церкви и русскому народу, и возможность, которая мне предоставлена теперь, уже много лет, - проводить беседы, которые записываются и потом издаются в России, для меня большое счастье. Я не богослов, поэтому я не стараюсь передать нашу веру на чисто богословском уровне, но открыть свою душу и сказать людям: вот что Христос внес в мою жизнь, вот то, что православие мне дало, что русское православие мне дало; и я думаю, что это единственное, что я могу сделать для России.

Составитель подборки Елена Майданович

Митрополит Сурожский Антоний:

"О смерти мы ничего не знаем. Мы не знаем, что происходит с нами в момент умирания, но хотя бы зачаточно знаем, что такое вечная жизнь. Каждый из нас знает на опыте, что бывают какие-то мгновения, когда он живет уже не во времени, а такой полнотой жизни, таким ликованием, которое принадлежит не просто земле. Поэтому первое, чему мы должны учить себя и других, - это готовиться не к смерти, а к жизни. А если говорить о смерти, то говорить о ней только как о двери, которая широко распахнется и нам даст войти в вечную жизнь".

Митрополит СУРОЖСКИЙ АНТОНИЙ

“БЫТЬ ПРАВОСЛАВНЫМ В АНГЛИИ...”*

(О Сурожской Епархии)

О Сурожской епархии известно из русской истории. Город Сурож (Сугдея, теперешний Судак) был основан в Византийской империи в виде миссионерского центра для Крыма и, как предполагалось, впоследствии для распространения православной веры на соседние племена. Одним из ранних его епископов был исповедник святитель Стефан.

А мне досталось это звание по следующей причине. Когда я стал правящим епископом Великобритании и Ирландии (1962 г.), мне сначала был дан титул Лондонского и Великобританского. Я обратился с вопросом к Архиепископу Кентерберийскому Михаилу Рамзею, которого я знал очень хорошо и близко: не создаст ли это каких-нибудь затруднений в отношениях с Англиканской Церковью, поскольку у англикан есть свой Лондонский епископ. Он мне ответил, что если я хочу, чтобы мое назначение правящим епископом было положительным делом для взаимоотношений между англиканами и Русской Церковью, лучше бы мне не иметь английского титула. Я тогда обратился в Патриархию с просьбой дать мне титул, который был бы русский. Причем тут два соображения играли роль. Во-первых, то, что мне сказал Архиепископ Кентерберийский, и, во-вторых, - мне очень хотелось иметь русский титул. Я сам русский, русской культуры, русских убеждений, я чувствую, что Россия - моя Родина; и, кроме того, громадное большинство наших прихожан в то время были русские. Мне очень не хотелось иметь иностранный титул. Мой первый титул, когда я стал (1957 г.) викарием, то есть помощником нашего архиепископа в Париже, был Сергиевский. Но вообще в Русской Церкви

*Храм Успения Божьей Матери и всех святых в Лондоне,
где служил владыка Антоний*

принято, когда создается новая зарубежная епархия, давать титул по епархии, которая существовала в древности и вымерла. Ввиду этого мне и дали титул Сурожского. Мне было отрадно иметь титул чисто русской, древней, но, кроме того, миссионерской епархии, потому что я рассматривал нашу роль на Западе как миссионерскую. Не в том смысле, чтобы я думал об обращении всех англикан в православную веру: это, во-первых, немыслимо, и, во-вторых, я бы сказал, нежелательно, потому что такой быстрый переход из одной веры к другой обыкновенно не держится. Миссию я, а теперь и мои сотрудники понимаем

* Сокращенная версия текста, опубликованного в журнале “Альфа и Омега” №2(5), 1995. В основу текста положен рассказ Владыки, записанный в 1993 году.

так: мы здесь голос Православной Церкви русской традиции. Мы не обязательно должны обращать людей в православие, но должны дать людям знание о православии, любовь к православию и должны передать верующим различных веноисповеданий те частицы, осколки православной истины, которые они сейчас могут впитать, понять и пережить <...>

* * *

Теперь наша епархия представляет собой реальность. В тот момент, когда я был назначен епископом, у нас было всего два прихода. Был лондонский приход, который рос, и оксфордский приход, который держался и постепенно вырастал, но больше в тот момент ничего не было. За последние 30 с небольшим лет лондонский приход вырос с трехсот до тысячи - тысячи душ, не взрослых людей: есть и дети малые, и очень ветхие старики. Самый старший человек у нас был - старушка, которая скончалась ста семи лет. Я помню, как я ее навестил, когда ей было 104 года, и сказал: "Ну что такое сто четыре года, давайте праздновать сто пять лет!" Она ответила: "Ах, отец Антоний, я до ста пяти боюсь не дожить: за последние три месяца

я начала чувствовать, что старею"... Я подумал, что она, вероятно, еще поживет, и она действительно еще три года прожила.

Постепенно, конечно, это поколение начало вымирать, и это потеря непоправимая, не только для более молодого поколения, которое теперь выросло и уже стало взрослым, а для России, потому что эти люди были бы свидетелями того, чего современная Россия не испытала и не знает. Я не говорю сейчас об опыте эмиграции, об опыте тех людей, которые были чужими в чужой стране, и пустили корни, создали сотни храмов, создали русские школы, провозгласили православие так, что не известная на Западе вера стала верой всем известной. Я думаю о том, что они могли бы рассказать о дореволюционной России и каким опытом поделиться; причем и политическим, но главным образом культурным: о том, что было жизнью духа, жизнью и духом русского народа до революции <...>

* * *

Сурожская епархия очень своеобразна. Сейчас она стала многоязычной и многонациональной. Началась она здесь, в 1919 году, в виде одного прихода и состояла исключительно из русских

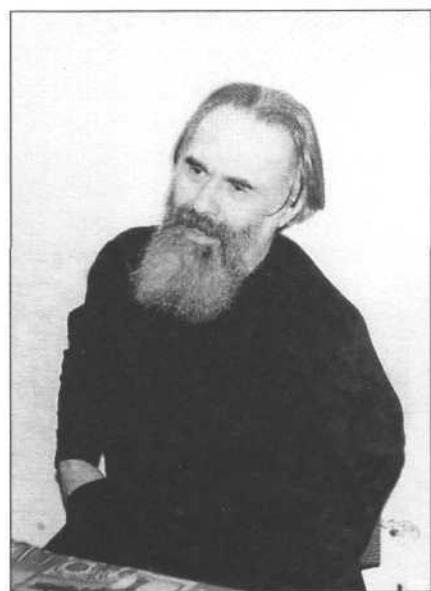
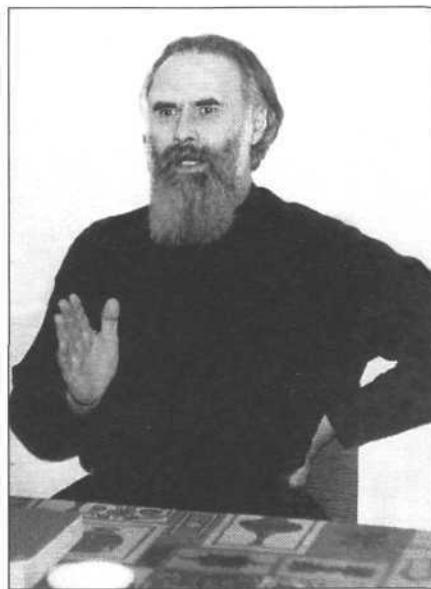
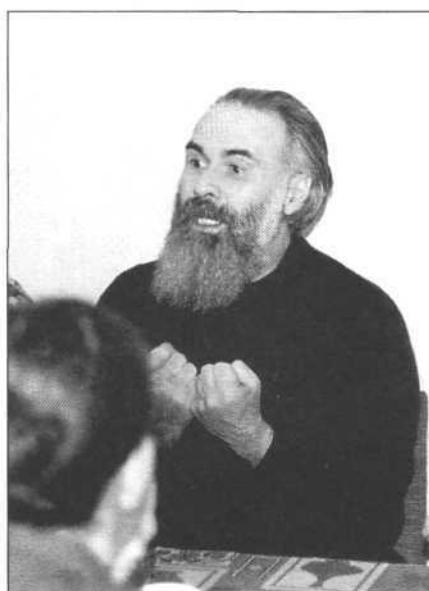
эмигрантов. Создался приход сначала в домовой церкви, а потом (1922 г.) англичане дали русским на пользование храм во имя св. Филиппа недалеко от станции Виктория. Мы делили его с приходом Зарубежной церкви... В течение очень многих лет это был просто русский приход. Может, один-другой англичанин или англичанка переходили в православие ввиду того, что выходили замуж или женились на русских, но в основе это был чисто русский приход. Но в результате этого постепенно среднее и младшее поколение выпали из Церкви. Когда я приехал сюда (1948 г.), меня поразило, что были бабушки, и были дети младше 14-ти лет, то есть моложе того возраста, когда мальчик или девочка может сказать: "Не иду в церковь - и баста!" А среднего поколения не было. И я решил, что так невозможно: важнее православие, чем russkost'. Потому что russkost' может передаваться в самом православии, русское православие не идентично с греческим или сербским. И я решил сделать все возможное, чтобы это среднее пропавшее поколение вернулось в Церковь; а для этого надо было начать служить и беседы вести на английском языке.

Проблема была более сложная, чем может показаться, потому что я приехал в Англию без знания английского языка вообще. Мой приезд был очень дерзким поступком. Мне предложили приехать сюда настоятелем православного храма

православно-англиканского Содружества преп. Сергия и св. Альбана и лектором. И я согласился на том основании, что если 50 миллионов англичан могут говорить на своем языке, то почему еще один человек не может ему научиться? Я рассчитывал, что хорошее знание немецкого и французского мне помогут, и засел за учение. Я читал со словарем, слушал, как люди говорят на английском языке, пробовал всячески - иногда до комичности, а иногда в попад - произносить те звуки, которые они произносили, и так учился. И как только я начал знать английский достаточно, чтобы произносить слова богослужения, хотя говорить еще совсем не мог, я начал служить по-английски.

Потом мы открыли школу для детей с преподаванием русского языка. Тогда мы по-английски совсем не работали, и эти дети нам вернули своих родителей. Это было очень интересно <...>

Ну а потом пошло дальше естественным образом. Когда стало больше людей английского языка, мы начали служить для них отдельно, потом стали прибавлять немножко английского в службу, потом стали чередовать службы. И в результате у нас получился приход, где есть и чисто русские, но все меньше, конечно, потому что первое поколение уже вымерло, ходят их уже стареющие дети. И сейчас мы в пятом поколении смешанных браков. После третьего поколения

русский язык пропадает, он делается пассивным, а потом его вообще нет. Но мы теперь в значительной мере употребляем английский. В Лондоне у нас одно воскресенье в месяц английская служба, одно - славянская, и два - смешанные, пестрые. Всенощные все пестрые: в зависимости от того, кто в церкви, бывает больше или меньше английского. Требы мы совершают на самых различных языках, потому что иногда бывает, что наш прихожанин или прихожанка женится или выходит замуж за человека иного языка. Мы венчали по-славянски, по-английски, по-французски, по-немецки, по-гречески, по-испански, по-итальянски. Слава Богу, нас четверо священников, которые "вскладчину" могут служить на этих языках.

Православие у нас начало расти тоже тем, что различные исповедания, в частности, англикане стали приглашать читать лекции и проповеди. Было время, когда я пять раз в неделю где-нибудь проповедовал или читал лекции. И я никогда не проповедовал православие. Я проповедовал Евангелие с православной точки зрения. Я говорил о Русской Церкви и говорил о ней правду, ту правду, которую в России в то время сказать было нельзя - о гонениях, о состоянии верующих и т. д. И постепенно люди стали узнавать православие. Они и до меня слышали о нем, конечно, - очень много, в частности, от Николая Михайловича Зернова, от его жены, через православно-англиканское Содружество. И был какой-то момент, когда англичане очень заинтересовались, и я прочитал несколько тысяч лекций, по моему. Причем в начале это был позор, потому что, как я уже говорил, мой английский язык был ниже всякого уровня. После одной из ранних лекций ко мне подошел священник и сказал: "Отец Антоний, я ничего более скучного не слышал, чем то, что вы сегодня говорили". Я ответил: "Что же я мог сделать, - я читал свою лекцию по листу. Я написал ее по-русски, мне ее перевели, я научился, как произносить, и вот я ее прочел"... Он посоветовал: "А вы перестаньте читать. Говорите без записок". Я возразил: "Слушайте, я же не говорю на английском языке. Как только я начну говорить, я буду делать комичные ошибки". Он просиял и ответил: "Именно! Тогда мы сможем смеяться, вместо того, чтобы тоско-

вать" ... И я решил: хорошо! - и начал говорить. Причем говорил и делал ошибки, люди смеялись, и я смеялся, и постепенно сколько-то научился говорить на языке.

* * *

Интересно одно свойство православия: то, что мы не занимаемся прозелитизмом.^{**} Мы не гонимся ни за кем и не стараемся никого, как я всегда говорю, "согреть" в православие или даже "обратить" каким-нибудь собственным действием. Но, как апостол Павел говорил, сердце наше всем открыто. Поэтому двери храма открыты, священники наши, включая меня, принимают всех, кто приходит с каким бы то ни было вопросом или духовной нуждой. И к нам приходят очень разные люди по разным побуждениям...

Люди, приходившие в начале, были в основном люди образованные, для которых вопросы интеллектуальные играли громадную роль. И приходилось учить их тому, что надо перенести центр внимания из головы в сердце, - не в эмоции, а в живое, глубокое, честное переживание вещей. И это иногда занимало - и занимает - очень долгое время, потому что люди на Западе, особенно воспитанные философски и богословски, привыкли думать и стараться найти логические выражения тому или другому. А мы им говорим: да, логическое выражение вы найдете, но вы должны искать его в другом месте, не в мозгах... Я помню, философ Франк мне как-то сказал, что ум - это слуга, он должен прислушиваться к тому, что говорит сердце, и исполнять. И мне кажется, что это очень важно <...>

Причем не воображайте, что наши прихожане ангелы, прихожане наши бывают очень и очень трудны. Я помню, как в начале мне некоторые англичане говорили: "Ах, мы пришли к вам в храм, и мы даже не знали, что такое русское радушие. Как нас принимают! Как нам здесь хорошо! Вот Церковь, в которой мы должны жить!" Я всегда отвечал: "Вы три месяца проживите, а потом посмотрите..." Не проходило и трех месяцев, как они приходили, говоря: "Мы уходим! Русские с такой резкостью нас одергивают, когда мы делаем ошибки, так нас поправляют, что это просто невыносимо!" Я отвечал: "Я же вам говорил! Уходите, уходите..." И они уходили, а потом возвращались уже без иллюзий о нас, но зная, что православие того стоит, что даже с русскими можно жить. И мне кажется, что это важно. Потому что в Англии люди привыкли к гладким отношениям: никого не обижать, обте-

^{**} Прозелитизм - деятельность по обращению других в свою веру.

Мой герой — это...

**Инна Карпова,
заместитель главного редактора
журнала "Нескучный сад"**

Герой нашего времени для меня - это человек, в котором любовь к людям сочетается с высоким профессионализмом. Только сочетая эти качества можно что-то изменить в мире, помочь людям сделать что-то стоящее в жизни.

Как журналист я часто ищу встречи именно с такими людьми. Среди них есть врачи, и ученые, и педагоги. Мой папа, инженер НИИ, который умеет все в своей профессии, для меня - такой вот герой нашего времени. И так получалось, что те суперспециалисты, с которыми мне довелось встречаться, всегда оказывались людьми высокой нравственности. Не знаю, случайность это или закономерность. Халтурщик же и вечный дилетант, каким бы замечательным и высокодуховным человеком он ни был, для меня никогда, в целом, не был достойным примером.

**Александр Алексеев,
тест-аналитик РАО "ЕЭС"**

Я знаю одного священника, жизнь которого заключается в служении людям, причем не абстрактным людям и не абстрактным путем (типа перечислил деньги на счет какого-нибудь приюта, и успокоился). Он монах и ничего не имеет, поэтому деньгами он помочь никому не может, он помогает делами, молитвой, утешительным словом. Люди, окормляющиеся у него, объединяются постепенно между собой, у них складываются близкие отношения. Он помогает им смотреть на жизнь и на людей иначе. Его духовные дети - люди из разных слоев общества, и не кичатся своим положением, а помогают друг другу во всем, дают работу, если нужна материальная поддержка, дают и деньги, в общем, это потрясающие люди! Когда одному мальчику, находившемуся при смерти, потребовалась срочно дорогая операция, по просьбе батюшки его устроили в лучшую больницу страны и тут же собрали просто огромную сумму денег.

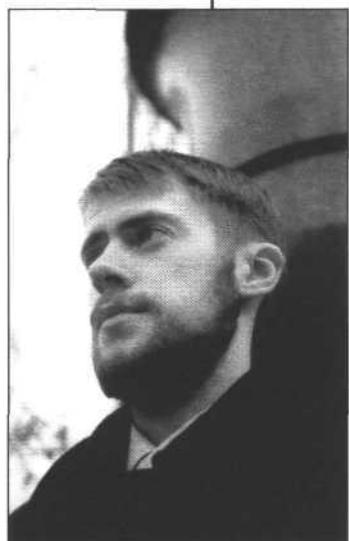
Наверное, он и есть герой. Потому как он является именно той стеной, которая останавливает бушующее житейское море и заставляет задуматься над жизнью, протягивает руку помощи, промывает глаза, учит не просто словами, а своей жизнью, как надо поступать. Пока существуют такие, как он, людям нет оправдания в их беззаконии, потому что нельзя сказать "а мы не знали, как жить и что нам делать, жили так просто в силу привычки".

**Ольга Мартынова,
менеджер экспортного отдела компании "Кадена"**

Мне кажется, героем нашего безумного сумбурного времени должен быть человек, живущий вечными ценностями, а не сиюминутными проблемами. Человек, умеющий понимать и сочувствовать, и прежде всего добрый и терпимый к своему окружению. Именно такой человек и будет знаковым для нашего времени. Но что-то никто на меня в последнее время не произвел неизгладимого впечатления, чтобы хотелось чем-то его выделить или, по крайней мере, удивиться и обратить внимание.

Можно много говорить о дорогих тебе людях, но они тебе дороги не потому, что особенные или выделяются, а просто потому что они частица тебя со всеми твоими проблемами. Хотя, может быть, мой отец.... Он был необычным, потому что всем и всегда старался помочь. Он в первую очередь думал о других. Он был очень хорошим врачом, спас очень много жизней и помог очень многим людям. Может быть, в этом нет ничего необычного, но я больше не встречала людей, способных так хорошо тебя понимать. Да и не только я, а все его пациенты, которые до сих пор нам звонят.

Я помню, как в начале мне некоторые англичане говорили: "Ах, мы пришли к вам в храм, и мы даже не знали, что такое русское радушие. Как нас принимают! Как нам здесь хорошо! Вот Церковь, в которой мы должны жить!" Я всегда отвечал: "Вы три месяца проживите, а потом посмотрите..." Не проходило и трех месяцев, как они приходили, говоря: "Мы уходим! Русские с такой резкостью нас дергивают, когда мы делаем ошибки, так нас поправляют, что это просто невыносимо!" Я отвечал: "Я же вам говорил! Уходите, уходите..." И они уходили, а потом возвращались уже без иллюзий о нас, но зная, что православие того стоит, что даже с русскими можно жить. И мне кажется, что это важно. Потому что в Англии люди привыкли к гладким отношениям: никого не обижать, обтекаемость такая. А русские общались с ними, как с людьми. Когда англичане делали ошибки, их исправляли, когда что-нибудь было не то, высказывали это, и это очень много им помогало.

То, что люди пережили, приходя к нам в храм, я выражу словами одного из них: "Здесь что-то или Кто-то есть".

каемость такая. А русские общались с ними, как с людьми. Когда англичане делали ошибки, их исправляли, когда что-нибудь было не то, высказывали это, и это очень много им помогало.

То, что люди пережили, приходя к нам в храм, я выражу словами одного из них: "Здесь что-то или Кто-то есть".

* * *

Как я сказал, мы не принимаем людей легко. Опыт показывает, что они сначала приходят и прислушиваются, приглядываются, "принюхиваются". Потом в какой-то момент они загораются очень пламенным желанием принять православие и отталкиваются от той веры, которая была их верой; и вот в этот период я их никогда не принимаю: я не принимаю человека, который отрекается от своего прошлого. Потом начинается период, когда человек входит глубже в православие и начинает чувствовать, как он должен быть благодарен той Церкви, которая его сделала вообще христианином, когда у него нет уже романтики такого чрезвычайного подъема. Он может спокойно войти в православие, как блудный сын, который домой пришел, именно домой, а не в какое-то исключительное место. И когда он может обернуться и сказать: да, моя Церковь - католическая, англиканская, протестантская, секта какая-нибудь - мне все-таки открыла Христа, и я глубоко благодарен ей, - то мы их принимаем. Причем большей частью (хотя не везде это возможно) мы заботимся о том, чтобы познакомиться с семьей, чтобы они поняли этот его поступок, и они почти всегда присутствуют и участвуют в принятии; часто даже их священник приходит.

Конечно, не везде может быть подготовка такого рода. У нас есть возможность видеть человека, давать ему час-полтора в неделю, давать ему молитвенное правило, следить за тем, чтобы он его выполнял, спрашивать подробно о его внутреннем как бы созревании. Во всяком случае, какая-то подготовка должна быть, - конечно, не умственная. Речь не идет о том, чтобы человек выучил все, а о том, чтобы он включился в веру церковную, то есть верил в основные истины, в сокращенном виде - в Символ веры. Потому что есть вещи в Символе веры, которые человек будет понимать по мере того, как он будет жить в Церкви. Мы стараемся ему объяснить богослужение, чтобы он мог черпать из богослужения все, что можно почерпать, весь его смысл, ритм и т. д. <...>

"Слава русского православия на Западе, мне кажется, в том, что мы не являемся этнической церковью. Мы являемся носителями русской духовной культуры, с ее свойствами, с переживанием Бога как предельной красоты, истины, и правды, и жизни, воплощенными в богослужении, в благоговейном его совершении. Цельность и простота нашего богословия, наша открытость всемирному мышлению, сострадание, которое родилось от великого страдания - все эти свойства открывают Православие другим людям. Поэтому я уверен, что русский народ, Россия должна сказать живое слово Православия, особенно после того, как она прошла через горнило испытаний 70 лет с лишним, через гонения, ужас, искания, через тьму и свет. Она может сказать более убедительно, чем те православные народы, которые не проходили через трагедию, которые не обрели заново свою веру, уже сознательно, лично, по-зрелому, по-взрослому. Но не потому, что мы русские, а потому что такова была наша судьба".

Мы ожидаем, что он будет читать Евангелие, вдумываться, искать совета; во всяком случае, читая Евангелие, не только будет искать, в чем Евангелие его обличает, а искать еще, может быть, больше, что его в Евангелии так глубоко трогает, что он чувствует свое как бы сродство, свою близость с Богом. Чтобы отношения с Богом были личные, а не строились на общих положениях; чтобы можно было говорить с Богом, начиная с того, что ты сам понимаешь и что Он понимает - если можно так выразиться.

* * *

Богослужебно у нас жизнь гораздо беднее вашей, потому что у нас один храм на Лондон; в Лондоне сейчас больше ста километров в попечине, и если служить утром и вечером, то не удалось бы посетить никаких больных, никаких стариков, и никто в церковь не мог бы прийти, потому что никто не живет ближе полутора часов пути; каждый день приходил бы один какой-нибудь человек. Поэтому мы служим около двухсот служб в год, так что многих служб мы не совершаляем, но зато мы ездим, и вместо того, чтобы, скажем, причащать больных запасными Святыми

Освящение воды в Темзе, 60-е гг.

Дарами, мы часто служим литургию в комнате больного или в доме какого-нибудь старика; и тогда собираются другие православные, которые живут вокруг. Едешь с полным облачением, с антиминсом, с сосудами, и в зависимости от того, кто едет, можешь прихватить кого-нибудь попеть, или не прихватить. Я люблю служить один, и тогда я читаю тайные молитвы вслух, и этот человек участвует в литургии, иногда после того как он несколько лет не мог в церковь ходить; и православные соседи могут приехать и участвовать. Это очень плодотворно. В больнице, конечно, этого сделать нельзя; в тюрьме это разрешается. У меня есть пропуск тюремного священника, поэтому я могу посещать все тюрьмы в Англии, и когда там бывает несколько православных, можно отслужить литургию.

* * *

В соборе у нас есть практика внебогослужебных бесед. Первые годы, что я был здесь, у нас была довольно большая русская группа, и тогда у нас бывали беседы еженедельно. Потом стали появляться люди английского языка; к тому времени я научился немножко английскому, и мы начали вести беседы по-английски. А потом был долгий период, когда русских бесед не было, потому что все русские, жившие здесь, говорили по-английски лучше меня, для них специальные беседы не нужны были. И мы стали вести беседы на английском языке, сначала еженедельные, а потом, когда я стал подуставать, два раза в месяц. За последние полтора-два года (то есть с 1989 г.), когда открылся путь из России на Запад и стали приезжать русские из Советского Союза, не говорящие на английском языке, или такие, которые хоть говорят, но, конечно, не живут им, мы возобновили русские беседы, и теперь они происходят раз в месяц <...>

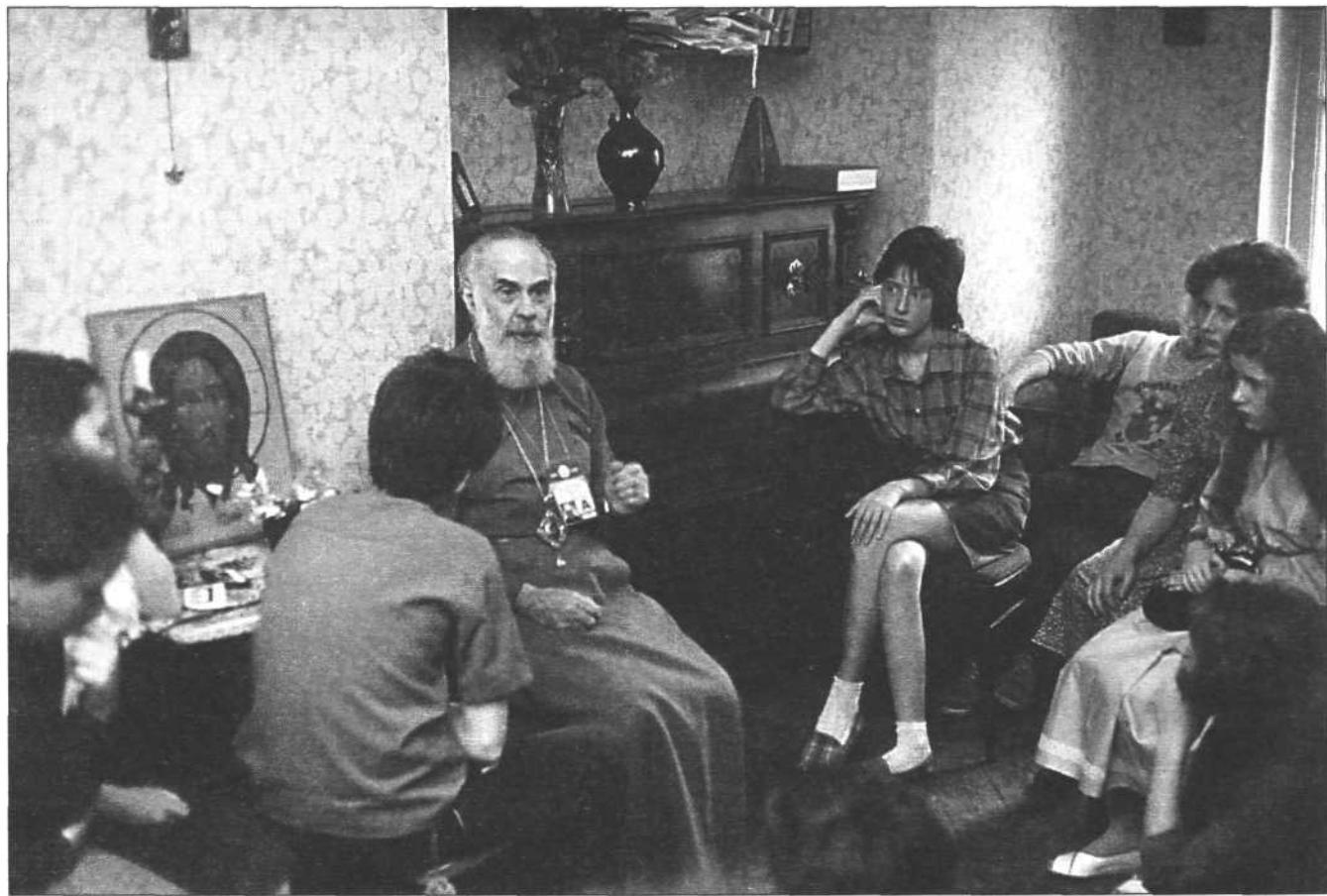
Я помню одну теперешнюю прихожанку. Она ко мне пришла неверующей и говорит: "Вы мне должны объяснить, что такое Бог". Я ей ответил: "Бог - наш Отец". Она с ужасом вскочила со стула: "Что угодно, но не это!" Я спросил: "А в чем дело?" И оказалось, что ее отец был тираном, мучителем всей семьи, он измучил и жену и детей, и для нее слово "отец" значило самое страшное, что может быть в жизни. Мы после этого с ней говорили, постепенно она пришла к православной вере, но говорила: "Я не могу стать православной. Я никогда не смогу поступать так, как русские поступают. Я слишком скована, я никогда не смогу купить свечу, стать на колени, поцеловать икону, поставить свечу; как же я буду православной?.." Я посоветовал: "А вы будьте православной в душе и ничем этого не выражайте".... Прошло несколько лет; она приходит, покупает свечу, кладет земные поклоны, ставит свечи, целует иконы. Все это постепенно выросло в ней, как внутренний опыт. А если бы я ее дрессировал, сказав: "Вот, поступай так, поступай сяк", - то эта "дрессировка" - я нарочно употребляю это слово - ей помешала бы вырасти внутренне, хотя внешне она все делала бы, как следует.

В этом смысле меня пугает то, что сейчас часто бывает в Русской Церкви: людей стараются научить, как себя вести, тогда как надо было бы им говорить: "Веди себя, как хочешь (ну, в пределах разума или приличия) и жди, чтобы в те-

бе родились такие чувства, которые сделают для тебя естественным то, чего Церковь от тебя ожидает и что верующие делают". Святой Августин в своих писаниях говорит: "научись любить, и делай, что хочешь..." Это не значит, конечно, произвол, это не значит бесчинство, разврат, но это значит: не заковывайся сначала в формы, потому что форма тебя задушит, если это не естественная твоя форма.

Наши верующие гораздо живее (я говорю, конечно, в среднем), чем верующие других вероисповеданий, потому что быть православным среди моря инославных требует выбора и решимости. Прихожане едут два-три часа в церковь и столько же обратно. Самое простое - пойти в соседний англиканский или католический или протестантский храм, - нет, приходят. И поэтому люди, которые встречаются в церкви, все знают, что у них одна вера, одна духовная традиция, что они пришли в этот храм, не потому что он самый близкий или удобный, а по убеждению. И у нас бывает очень много посетителей, которые приходят молиться, просто молиться среди людей, представляющих собой живую верующую

семью единой веры, единого религиозного опыта. Благодаря тому, что мы небольшая община, мы друг друга хорошо знаем. Я почти сорок лет на одном месте, я знаю каждого человека по имени, я знаю его родителей, знаю бабушку и дедушку, знаю близких и дальних, и потому отношения удивительно глубокие и близкие. Нет ни одного человека, кто у меня не исповедовался; крестил я всех, кто теперь уже отцы семейств, я - или если не я лично, то мы - теперь венчаю их детей; поэтому есть сознание общины, личной дружбы. Многие со мной на "ты", потому что мы друг друга знали Бог весть сколько лет; конечно, отношения от этого рождаются семейные. У нас нет такого чувства величия епископа или какой-то его удаленности: живем вместе. И потом, я живу гораздо проще - слава Богу! - чем приходится жить архиерею в России, где у него большая административная работа и вообще сложная жизнь. У нас собор, в соборе сторожка, я в этой сторожке живу, я на себя готовлю, я свою комнату чищу, я на себя секретарствую - и блаженствуя, потому что это единственное, что у меня остается от монашества, говоря о внеш-

ней стороне. В десять часов вечера я закрываю церковь и до следующего утра я один; это дает мне возможность иметь вот эти две жизни - свою монашескую жизнь, где я могу молиться: если ничего не стряслось за ночь, то никого нет; и с другой стороны - пастырская работа.

* * *

<...> По обстоятельствам двух родов мы заняли в Англии очень особое положение. Первое обстоятельство то, что у нас было очень много рассеянного люда и относительно мало компактных групп; а второе - поскольку в Англии очень мало русской эмиграции, чисто житейски она не может содержать священников в том числе, которое нужно было бы иметь ввиду рассеянности. И вот я предложил - и это было принято одним за другим нашими священниками - что каждый, кто будет посвящаться, будет сам себя содержать работой, а приходской, пастырской работе отдавать все - в пределах разума - свое свободное время. И это мы рассматриваем не как несчастье. Тот факт, что он священник в какой-то среде, делает его священником данной среды; эта среда является его паствой. Например, отец Иоанн на западе Англии преподает драматическое искусство, и в результате все его студенты сталкиваются с верующим убежденным православным священником, который, конечно, им не навязывает православие, но им открывает его. А те люди, которые к православию не приближаются, идут к нашему священнику со своими духовными или семейными или душевными проблемами. Поэтому я всем нашим священникам объяснял в свое время, что их паства - не только православные, которые уже нашли себе родной дом в православном храме, их паства - те люди, которым нужен Христос, которым нужно Евангелие в его чистоте, которым нужна пастырская забота. А эти люди - вне храма, их надо искать, надо идти к пропавшим овцам, а не к тем овцам, которые уже находятся в ограде. И в этом отношении наши священники рассматривают необходимость заработка не как несчастье, а как замечательную возможность расширять свою пастырскую деятельность. Причем не "обращать" в православие, а давать изнутри православия все богатство, которое люди могут воспринять, до момента, когда

они воспримут самое православие. Или, если не воспримут, они во всяком случае уходят обогащенными тем, чего раньше у них не было <...>

Я помню одну неграмотную женщину, которая была как бы воплощением русского деревенского православия, она в начале даже не понимала моих проповедей. Она меня научила говорить не птичьим языком, а нормальным. Раз после проповеди она ко мне подошла и говорит: "Ах, отец Антоний, как же вы хорошо проповедуете! Я стою и плачу, плачу - потому что ни слова не понимаю". После этого я понял, что надо говорить так, чтобы люди понимали.

* * *

<...> Мы здесь завели за правило никогда не рукополагать человека иначе как по народному выбору. Мне кажется очень несчастным явлением, хотя большей частью неизбежным, что человека готовят в семинарии или академии и потом посыпают на приход, о котором он не имеет понятия, к людям, которые его не просили и не выбирали.

А здесь, когда человек хочет священства или дьяконства, думает об этом и ко мне приходит и говорит об этом, я ему ставлю первый и основной вопрос: если бы ты стоял перед Христом, как Иаков и Иоанн на пути в Иерусалим, и Христос поставил бы вопрос: готов ли ты пить Мою чашу, готов ли ты погрузиться в тот ужас, в который Я буду погружен? - смог ли бы ты от всей души, серьезно ответить: "Да, я готов!"? "Могу" ты не можешь сказать, хотя бы: "готов"; сказать милостью и силой Божией, которая в немощи совершается. Если так, то можно думать о рукоположении, иначе нельзя вообще этот вопрос ставить. Поэтому иди домой и переживи это, пока ты не сможешь серьезно, из глубин сказать: "Да, я знаю свою немощь, но я знаю силу Божию, я знаю, что Бог меня действительно зовет". Следующий вопрос: слышал ли этот зов народ или нет?.. И я предлагаю приходу вопрос о возможном рукоположении. И не ставлю никого в приход, где его не хотят, не выбрали и не готовы принять <...>

Кроме того, я настаивал здесь из года в год на том, что стать священником - это не честь и не преимущество, это служение. То есть ты делаешься слугой, а не начальником или главой. Христос об этом ясно говорит: Если кто хочет быть

"Вопрос стоит не: "то, что мы делаем с землей, нас погубит", а: "то, что мы делаем с землей, является нарушением нашего человеческого призыва".

Мой герой

— это...

Фото предоставлено официальным сайтом
радиостанции "Эхо Москвы" www.echo.msk.ru

**Николай Бурляев,
актер, режиссер, народный артист России:**

Кумиров человеку творить нельзя, но в моей жизни есть несколько личностей, которых я могу назвать героями нашего времени, которые были моими учителями и наставниками на первых порах моей творческой жизни. Один из них из области кинематографа, другой - театра. Оба они равно велики для этих видов искусства. Имя первого Андрей Тарковский, имя второго - Николай Мордвинов. Оба они - это счастье мое - были первыми моими наставниками. Именно по ним я измерял работу в театре и кино, отношение в искусстве. Оба они исповедовались в каждой картине, в каждой роли, на каждую шли как на последнюю в жизни.

Вся жизнь Андрея Тарковского, его повседневность, общение с людьми были для меня эталоном. И я ждал каждой нашей встречи. Он поражал своей бескомпромиссностью, которая граничила с экстремизмом. Тогда никто так не жил. Он бесстрашно делал то, что хотел. Да, он платил за это большую цену, делал один фильм в 4-5 лет, жил достаточно бедно. Но все равно мужественно шел этим крестным путем, показывая всей режиссуре того времени, что можно делать то, что ты хочешь. Для меня это было самым главным.

С Андреем Тарковским мы никогда не говорили о вере. Но я чувствовал, что он верующий, и только ждал этому подтверждения от него самого. И наконец после его ухода я узнал, что это правда. У Андрея Арсеньевича в одном из дневников есть просто потрясающие строки, обращение к Господу, как молитва: "Образ - это впечатление от Истины, на которую Господь позволил нам взглянуть своими слепыми глазами... Боже! Чувствую приближение Твое, чувствую руку Твою на затылке моем, потому что хочу видеть Твой мир - каким Ты его создал, и людей твоих, какими ты стараешься сделать их.

Люблю Тебя, Господи, и ничего не хочу от Тебя больше.

Принимаю все твое, и только тяжесть злобы моей, грехов моих, темнота низменной души моей не дают мне быть достойным рабом твоим, Господи!

Помоги, Господи, и прости!"

Николай Мордвинов тоже был крещеным, но когда он умер, его отпевали не в церкви, а заочно. Когда исполнилось 100 лет со дня его рождения, мы отпраздновали эту дату в Доме кино. Там был батюшка, мы все вместе, соборно молились за душу Николая Дмитриевича. Это была еще и дань творчеству этого гениального артиста.

Не могу не вспомнить один важный для меня урок Николая Дмитриевича, спасшего мою дальнейшую актерскую судьбу. Об этом я написал в своей книге. В 5 лет от роду я был испуган и с тех пор начал заикаться, но в театре играл спокойно, вообще не заикаясь. И вот на одном из спектаклей я вздумал заикнуться. Потом еще и еще. И уже не мог унять своей речи от страха. Ведь я выдал зрителям свою тайну: что я заикаюсь. Партнеры смотрели на меня с удивлением и жалостью, но ничем не могли помочь. Кое-как я доиграл спектакль и побрел со сцены следом за Николаем Дмитриевичем, зашел с ним в его гримерную. Он добро поглядывал на меня и не начинал разговор первым. Наконец я сказал, что не могу завтра играть и уйду из театра. "Скажи, ты хочешь быть артистом?" - спросил он. "Не знаю... какой я артист... заика..." "Нет, Коленька, ты артист. И ты будешь артистом. Знаешь, у циркачей есть такой закон. Если артист падает с каната или трапеции, он должен немедленно влезть обратно и повторить свой номер. Иначе поселится страх. Ты будешь завтра играть". Ночь я провел без сна, еле дождался утра. Пошел в театр, играл и поборол свой страх. Спасибо моему дорогому учителю.

"Мы должны поверить в человека верой такой же, какой мы верим в Бога, такой же абсолютной, решительной, страстной, и должны научиться прозревать в человеке образ Божий, святыню, которую мы призваны привести обратно к жизни и к славе, так же как реставратор призван вернуть к славе икону испорченную, затоптанную, простреленную, которую ему дают".

первым, будь всем слугой... Я среди вас, как служащий... Поэтому если человек хочет уподобиться Христу в Его служении, то должен действительно считать, что он на дне и будет делать - если можно так сказать - всю грязную работу. Он не будет в чести, он будет заботиться о грехах, о несчастьях, о бедноте, о горе и т. д. На этом уровне и служить.

И это относится в значительной мере не только к священнику, но и епископу. У нас в течение столетий получился сдвиг. Епископ и священник заняли высокое положение в иерархии, тогда как на самом деле, как отец Софроний мне раз сказал, Церковь - это пирамида вверх дном. То есть тот, кто является епископом или священником, должен быть на самом низу, на нем как бы строится Церковь. И мы в какой-то мере потеряли это сознание народа Божия, то есть мирян как людей не священного сана, а как тела Христова. У апостола Петра сказано: вы царственное священство, вы - народ избранный... А на что и почему избранный? Не потому, что мы такие замечательные, а - потому что мы Ему поверили, Он нам доверил спасение мира. Он нас посыпал в мир с вестью о спасении, а это делается иногда очень большой ценой. Мученики - не только те, которые физически были распяты и сожжены или обезглавлены, но люди, которые забыли о себе совершенно, для того только, чтобы помнить о других. Поэтому очень важно, что миряне являются священством, то есть людьми, которые посланы в мир его освящать. А "царственное священство", мне думается, объясняется тем, что, кажется, святой Василий Великий говорит: всякий может управлять, но только царь может умереть за свой народ.

И вот этот момент очень важный, потому что всякий человек рукоположенный, будь он дьякон, будь он священник или епископ, - это человек, которому поручено освящать мир, если нужно, ценой своей жизни, не только словом и не только примером, но тем, как он относится к своей смерти и как он свою жизнь отдает. И в этом смысле мы народ святой, то есть народ, взятый в удел, Божий удел, то, что мой духовник, отец Афанасий как-то мне перевел: войско неубывающее. Потому что каждый, кто падает на поле битвы на земле, восстает бессмертным, непобедимым в вечности. И поэтому связь между народом, прислужником, иподиаконом, дьяконом, священником, епископом должна быть очень тесная. Это тело, в котором каждый исполняет свою какую-то задачу, но задача всех - весь мир освятить, то есть вырвать из плена зла и отдать Богу.

* * *

Для детей мы создали 38 лет тому назад приходскую школу, которая растет. Сначала было шесть человек детей, потом две дюжины, а теперь их очень много. Два раза в месяц после литургии у них бывает урок, потом их водят в соседний парк играть, чтобы они друг с другом знакомились, - это очень важно, чтобы они составили семью, которая в будущем станет приходской общиной; а летом мы устраиваем для них летний лагерь. Мы начали с небольшой группы, а теперь, вот в этом году (1987 г.), у нас будет сто человек. Опять-таки, по-вашему это капля в море, но по-нашему это важно. Они две недели будут жить вместе, утром и вечером будет молитва, по утрам у них групповые занятия по предметам веры и др., потом спорт, походы. И это создает между детьми отношения, которые им позволяют, когда они подрастут и дойдут до возраста, когда дети бунтуют против родителей, вместо того чтобы делиться своими впечатлениями или искать совета и помощи в школе или на улице, идти к своим товарищам по лагерю, по школе, то есть по Церкви, в конечном итоге, и получать, конечно, совершенно иного рода ответы <...>

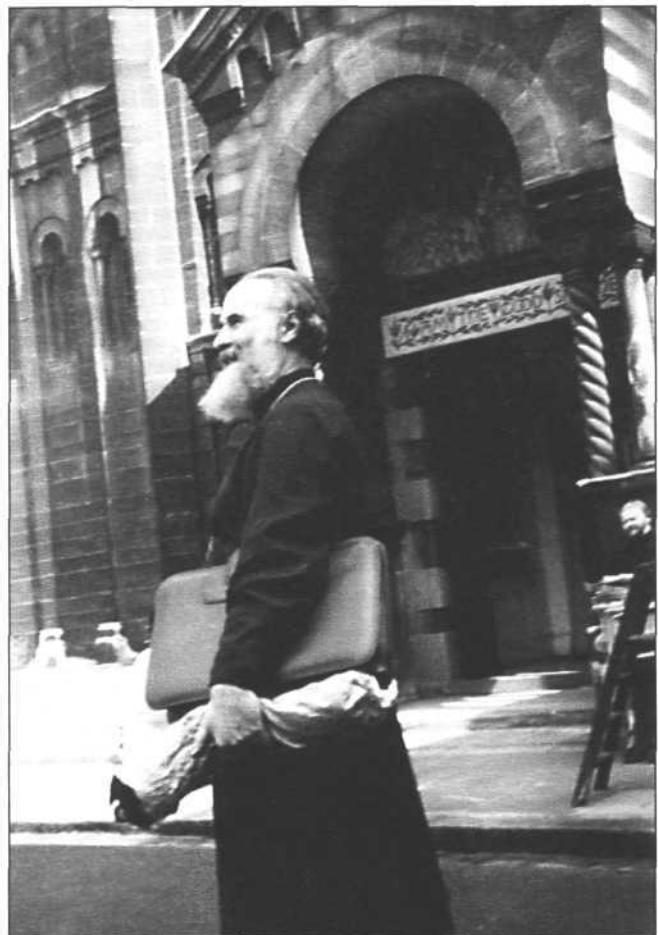
* * *

Покупка Лондонского собора началась с того, что храм святого Филиппа решили сносить, потому что Англиканская Церковь ту площадь продала автобусной станции. И после целого ряда перипетий нам предложили этот храм. А можно и про перипетии рассказать...

Для начала (1956 г.) нам его предоставили бесплатно, но с условием, что мы будем его полностью ремонтировать и за ним следить под надзором епархиального англиканского архитектора. Это, конечно, было не так дешево, но все-таки не аренда. Прошло 20 с лишним лет, меня вызвали и говорят: "Вот что. Вы должны или купить этот храм, или уходить из него, потому что китайский ресторан хочет его купить, чтобы внизу устроить танцульку, а на галереях и под галереями поставить столики". Я обомлел. Наша община за это время начала расти, крепнуть, это была уже не умирающая община. И я сказал: "Никакой речи нет, покупаю!" Мне говорят: "Помилуйте, мы же вам не сказали, за сколько..." - "Это неважно. У меня все равно медной полушки на покупку нет..." Они не вдохновились таким ответом и спросили: "А как же вы поступите?" - Я ответил: "Это мое дело. Я этот храм покупаю".

Мы созвали собрание прихожан, и я сказал: "В этом храме мы молимся уже 23 или 24 года. В этом храме мы хоронили своих родителей (я свою маму и бабушку здесь хоронил), мы венчали вас, мы крестили вас, мы ваших детей крестили, многие из вас стали православными здесь. Неужели мы этот храм отдадим под ресторан и танцульку?" - "Нет, покупаем!" Я говорю: "Да, только имейте в виду, что этот храм мы будем покупать на свои деньги, своим трудом. Ни у кого не будем просить денег или помощи, пока мы сами не сделаем всего, что только можем сделать. Поэтому давайте, сколько можете, денег на этот храм, продавайте все, что у вас есть стоящего, делайте, или стройте, или мастерите, что умеете мастерить, и собирайте деньги".

И мы начали собирать деньги. Например, одна старушка англичанка написала историю Русской Церкви в Англии. Правды в ней было относительно мало, фантазии очень много, но она эту историю отпечатала и стала продавать по книжным лавкам, и собрала больше трехсот фунтов на этом. Другие люди стали приносить деньги - кто мало, кто много... Так, уговорами и сердечным влечением прихожане в течение приблизительно полутора лет собрали 50 тысяч фунтов. Но с нас требовали сначала сто тысяч. Мне Патриархия поставила вопрос: "А что если мы вам этот храм купим?" Я наотрез отказался, сказав: "Если вы дадите хоть полушку, этот храм будет на бумаге принадлежать вам, а реально - советскому правительству. Мы этого не хотим, мы хотим оставать-

ся свободными, какими до сих пор были..." Тут нам еще Бог помог. Англикане, запросив сто тысяч фунтов, пожалели, что продешевили, и назначили архитектора, который должен был оценить храм, в надежде, что он оценит его выше. Он его оценил в 80 тысяч. В результате мы выгадали двадцать тысяч. К тому времени мы действительно истощили все свои возможности, больше собрать мы не могли; и то мы собирали с большой натугой. Я помню, вдова профессора Семена Людвиговича Франка, когда я взял этот храм, мне по телефону говорила: "Отец Антоний, я всегда знала, что вы сумасшедший, но не предполагала, что вы можете быть сумасшедшим в такой мере! Как мы можем содержать этот храм? для чего? мы же умирающая община в двести человек..." Я ответил ей: "Да, мы этот храм будем содержать, и на наших костях мы этот храм подымет, потому что православие нужно тысячам людей, и мы его дадим этим людям".

К тому времени обо всем этом узнала одна очень едкая журналистка и написала в Times:

“Какой позор! Англиканская Церковь повсеместно закрывает свои храмы, потому что никто в них не ходит; здесь община, которая все растет и крепнет, и ее хотят выгнать ради того, чтобы китайский ресторан этим зданием воспользовался...” В результате Times и Church Times мне предложили написать воззвание. И когда я написал воззвание, случилось чудо. Я не знал, что у нас столько доброжелателей и друзей. Мы стали получать деньги: маленькими суммами - два фунта, три фунта, десять фунтов; некоторые вклады были большие, но в основе маленькие суммы денег от бесчисленного количества людей. И некоторые из них мне запомнились.

Один старик мне написал из средней Англии: “Мне теперь 86 лет. Я живу в старческом доме, средств у меня нет. Я католик, но вы мне так помогли своими книгами, что я хотел бы вам чемнибудь помочь. Я вам посыпаю теперь три фунта, - это все, что я могу дать; но еще вдобавок посыпаю свое обручальное кольцо. Оно золотое - продайте на храм”.

Другой случай. Русский старичок (Владимир такой) пришел ко мне: “Я вам принес тысячу фунтов”. Я поразился: “Откуда вы их можете взять?” - “Это мои сбережения за всю жизнь”. - “Но почему?” - “А вы знаете, - говорит он, - я стоял в храме, поднял глаза и вижу, как шелушится потолок. И я в этом потолке увидел свои руки, какими они были, когда я в концентрационном лагере был. Руки до плеч у меня гнили. Я пошел к врачу, тот сказал: “Обе руки отрубить надо!” Я попросил отсрочки на две недели и стал молиться Божией Матери - и выздоровел. И когда я увидел этот потолок, то словно Божия Матерь мне говорила: “Ты помнишь, что Я сделала для тебя, когда ты должен был потерять обе свои руки? Что ты сделаешь для Моего храма?”. И я решил все вам отдать, что у меня было”. Это второй такой случай, который у меня запал в сердце и, я надеюсь, никогда не забудется.

А третий случай, о котором я хочу упомянуть, анекдотического рода. Мы здесь записывали наше богослужение на кассетки, и они попали в Швейцарии одной старушке. В то время в этих кассетках всегда было мое воззвание; она вдохновилась и периодически, нерегулярно стала нам посыпать фунт-другой. Прошло несколько лет, ей было уже около девяноста восьми, я получаю от нее посыпочку: легонький пакет. Я

развернул, там какой-то твердый предмет в бумаге и письмецо, где она пишет: “Владыко, я только что потеряла последние зубы. Они золотые, я вам посыпаю их на покупку храма”... Это, конечно, анекдот, но глубоко трогательный, хотя можно от души рассмеяться. Но вот на сбережениях этого старика, на зубах этой старушки (обручальное кольцо я сберег и отдал одной чете, которая была слишком бедна, чтобы купить кольцо) мы приобретали этот храм. И мы собрали достаточно денег, чтобы чистоганом выплатить 80 тысяч, которые с нас требовали, сделать полный ремонт храма и еще сберечь немножко денег (1979 г.). И это - милостью Божией и любовью прихожан, жертвенностью их, готовностью ради православия, ради веры своей, ради Русской Церкви, которую мы здесь представляем этим храмом, пожертвовать всем, что у них было.

* * *

Как я раньше говорил, большинство наших священников и дьяконов - не русские, а люди, которые нашли православие, выбрали православие, и которые знают его очень глубоко и сердцем и умом. И мне кажется, что это большая милость Божия, когда человек, сам ставший православным, делается священником и может передавать православие другим людям, которые тоже не родились православными. Он их понимает, как не понимает человек, родившийся в нашей вере; но кроме того, у него есть такая сила и глубина убеждения, которая очень умилительна...

* * *

Что дальше будет из нашей епархии - нам совершенно “безразлично” в том смысле, что это дело Божие. Наше дело - сеять. Как земля воспримет семя, как Бог взрастит его - не наша ответственность. Есть такое слово, которое мне очень дорого, латинская поговорка Fructuat dat rereat: пусть он приносит плоды, с тем чтобы в свое время самому исчезнуть... Я не знаю, что будет с нашей епархией. Я думаю, что в какой-то момент она послужит семенем будущего православия здесь, что тогда все здешние православные сольются в одно, и будет, возможно, не Сурожская епархия, и не греческая Фиатирская епархия, и не Сербская епархия, а нечто новое, может быть - Православная Церковь Великобритании и Ирландии.

Публикацию подготовила Елена МАЙДАНОВИЧ

ЖИТЬ – ЭТО МЕДЛЕННО РОЖДАТЬСЯ

Выставки графических работ Людмилы Георгиевны КИСЕЛЕВОЙ всегда собирают много публики: так хочется воспринимать чье-то удивительно светлое, жизнерадостное мироощущение, когда вокруг – затяжной кризис радости бытия. Автор работ – не только член Союза художников России, но и журналист, и писатель, и опора десяткам ребятишек. Людмила Георгиевна живет в дальнем Подмосковье, старинном городе Боровске, под ее опекой – четыре детских дома Калужской области. Установив телефон рядом со своей кроватью, она всегда вовремя соединяет тех, кто остро нуждается в помощи, с теми, кто может помочь. Людмила Георгиевна с детства не ходит. Прогрессирующая мышечная дистрофия очертила для нее мир пространством одного окна. Это пространство безгранично. Теперь она лежит... Но больше становится света вокруг нее, и добрых дел, и людей, готовых помочь и просиявших помощи.

Автопортрет

Пробуждение

– Вы помните себя в детстве, когда впервые почувствовали, что Вы не такой ребенок, как другие, что Вы не можете двигаться как все, играть со всеми?

– Конечно, почувствовала я это очень рано, потому что соседские ребятишки выказывали ко мне определенное отношение. Вообще, по моему убеждению, человеческую личность рождает и формирует отношение окружающих. Ты вот сам про себя думаешь, что ты сильный, хороший, а все вокруг на тебя смотрят и говорят: “Ну что она такое? Это кусок мяса, это не человек”. Соседские дети, даже самые маленькие, мне кричали: “Эй, безногий инвалид!” И это порождало соответствующую атмосферу: тебя не понимают; ты с самого рождения отсечен от этого мира. По-моему, среди относительно цивилизованных стран эта проблема свойственна лишь нам. Можно, конечно, и иначе относиться – как в Спарте, например. Там инвалидов убивали во младенчестве, без разбора. Известно, к чему это привело. Здоровые люди, те, что остались жить, просто утратили возможность творчества. Не было у них тех дарований, которые Бог по-

слал больным и слабым, а те были уничтожены. В каком-то смысле у нас сейчас происходит то же самое: разве что со скалы инвалидов не бросают. Ну, конечно, пенсию какую-то дают, могут быть социальные льготы – в санаторий, например, на месяц определят... Но ведь все зависит от того, что с самого детства с человеком происходило, в какой среде он рос. У нас это только частные усилия – как мама с папой к ребенку относятся, так он и воспитан будет. А со стороны государства необходимо создать условия, чтобы инвалид стал социальной личностью.

– Красноречивым примером здесь может стать Ваш личный опыт, Ваш жизненный путь. А как Вы вообще пришли к мысли, что надо бороться, стремиться к чему-то, не опускать рук? Что Вы что-то можете? Ведь зачастую люди даже абсолютно здоровые отступают перед трудностями, выбирают путь наименьшего сопротивления.

– Как я выбиралась? Знаете, маленькая я себя очень сиротливо, одиноко чувствовала. Я была очень застенчивая, неразговорчивая, очень слезливая, совершенно не ощущала себя кому-нибудь нужной в этом мире. Хотя девчонки-подружки все-

гда прибегали ко мне, рассказывали о своих бедах и радостях, но какая-то невидимая стена все же оставалась между нами. И учителя ко мне из школы приходили, и в пионеры меня приняли в третьем классе - а все было не то. Ну, пришла учительница, привела ребятишек, они посидели со мной, как это бывает - для галочки, посидели и ушли. На этом дружба пионерская закончилась. Они еще пару раз приходили, тоже под руководством учителя. Но опять - пустая формальность. И так лет до пятнадцати. Потом мама добилась, чтобы меня послали лечиться в институт им. Турнера в Ленинграде. Там принимали на лечение детей до шестнадцати лет, то есть я была уже в пограничном возрасте. Когда мы приехали, меня отказались лечить - мол, при таком заболевании ничем помочь не смогут. Но судьба всегда складывается так, что обязательно находится какой-нибудь заступник. Был в институте очень хороший человек, профессор Новожилов. Он сказал: "А давайте попробуем, полечим, сейчас новое лекарство появилось, вдруг ей поможет!" Тогда только-только стали применять аденоцитрифосфорную кислоту - это кислота, которая содержится в организме человека и является основой мышечной ткани, если я правильно объясняю. И меня оставили. Я твердо убеждена, что остались меня не лечиться, а учиться. С Ленинградом у меня до сих пор какие-то кровные узы, очень меня туда тянет, потому что там создалась такая среда, которая буквально на сто восемьдесят

градусов перевернула мое мировоззрение. Во мне, растерянной, расхлябанной девочке, "не нужной никому", вдруг стало просыпаться чувство, что я могу, что я что-то умею. Мне трудно проследить, с как это происходило. Скажу лишь, что воспитатели уделяли мне внимание, они хотели, чтобы я была участницей этой жизни. Увидели, что я рисую потихоньку - и принесли мне альбом и книжку, срисовывать с чужих рисунков. Ребята делали альбом по произведениям Гайдара, вот и меня тоже подключили. Копировала я очень хорошо. Потом мне стенгазету поручили рисовать, затем Новый год, Дед Мороз... Потом воспитатели услышали, что у меня голос есть, что я пою хорошо - они меня петь посадили, и хором, и не хором - по-всякому. Началось движение: я что-то делаю, мне это нравится, у меня получается... То есть я что-то умею, что-то могу!

Потом мне поручили палатой руководить, следить за чистотой - чтобы пол мыли, чтобы пыль протирали. И как меня там приучили, так я до сих пор дома за этим слежу, у меня в прямом и переносном смысле аллергия на пыль. (Смеется).

Потом пошли не только бытовые дела. Дети в этом институте все разные лежали. Были те, кто не хотел лечиться: их положат на вытяжку - а им не хочется лежать. Вот я должна была и там порядок навести - чтобы дети понимали, что они же лечиться приехали. А по вечерам, уже без воспитателей,

Гренада

мы, девчонки, беседовали на разные темы. Нам хотелось не просто жить-поживать, учиться-баловаться, но и обсуждать прожитые дни. Мы стали устраивать что-то вроде публичной исповеди: кто из нас поступил плохо, кто хорошо, почему так, какие последствия... Нам это понравилось.

- Иными словами, Вас пробудили для жизни, включили в жизненный процесс?

- Да, можно так сказать. Это сделали воспитатели, и особенное влияние тогда оказала Полина Владимировна Богдарина. Я ее до сих пор вспоминаю, она была удивительный человек. Она слез надо мною не лила, не обнималась, дистанцию всегда соблюдала. Она вообще детям никогда не показывала, что жалеет их. (Это, кстати, очень важный педагогический момент.) Но при том была очень внимательна. В результате вокруг меня создалась такая жизнеутверждающая среда.

"Я могу!"

- Я начала рисовать с натуры. Медсестры там все молоденькие, красивые были, и я рисовала их в профиль - по-другому не умела. Они потом все бегали смотреть: "Как Раечка похожа! как Танечка похожа!" Это тоже здорово стимулировало: я могу! Вообще, это самое "я могу" очень медленно в человеке просыпается. Важно, например, когда к тебе кто-то приходит и говорит: "А ты сделай!" Ты делаешь, и у тебя получается, и твое "я могу" набирает силу. Сначала рисуешь - я могу! Потом кем-то командуешь, чтобы работали, - я могу! Могу! Затем воля укрепляется, и постепенно приходит ощущение, что если это могу, то, наверно, и другое тоже, и хочется пробовать, снова пробовать...

Потом моя московская родственница, тетя Варя, прислала адрес Заочного университета искусств, который находится в Москве и в который не надо ездить. Я туда поступила, стала учиться. По учебникам выполнила только два задания: мой педагог, Григорий Ефимович Тарасевич, понял, что я способна на большее, и составил мне индивидуальную программу. Вообще педагогов у меня было несколько. С самым последним, Алексеем Семеновичем Айзенманом, у нас завязалась многолетняя дружба. Он любил к нам в гости приезжать, мы его с пирогами и застольем встречали. Он дарил мне художественные альбомы - из того, что сам любил, и этим формировал мой вкус. Мы переписывались постоянно, до самого его ухода из жизни.

Закончила я университет, укрепляясь в той мысли, что умею что-то делать. Поднялась на очередную ступеньку. И тут встал вопрос: а как даль-

ше? Здесь опять решающую роль сыграл Алексей Семенович. Он сказал: "Надо вашу выставку в Боровске устроить!" А у нас в городе раньше вообще никто не слыхал, что такое выставка. Поэтому, когда мы обратились в наш отдел культуры, там ответили: "Да как же мы это сделаем?"

Вообще такие вопросы - да как? да что? - они меня до сих пор возмущают. Так во мне укрепилось это "я могу", что мне странно, когда другой человек говорит: "А как это сделать?" Давай я тебя научу, если сам не понимаешь, или посоображай, голова-то есть. Вот и у нас в доме, в нашей квартире, часто начинается: "Ой, я не знаю, ой, не могу! Ничего не получится!" Приходится искать варианты: давай сделаем так, или вот так... И тут оказывается, что это все можно сделать, а проблема только в том, что не хочется себя беспокоить.

- И что же с Вашей выставкой получилось?

- В итоге первую мою выставку организовал в нашем городе Калужский дом творчества. Народу, как ни странно, очень много пришло. Приехал Алексей Семенович, приехала журналист областной газеты - Татьяна Пыжикова. Первая публикация о тебе - это так важно, так значительно. Это была еще одна ступенька к соединению с миром. Конечно, первая выставка стала поворотным моментом в моем творческом развитии. На ней были представлены учебные работы, выполненные с натуры, так, как того требует учебное заведение. Может быть, по-своему они были интересны: портреты, пейзажи города... Но это были, скорее, наброски, этюды, они никак не тянули на картины. Зрителей пришло много. Они увидели фрагменты родного города: узнаваемые ландшафты, знакомые лица... И тогда я подумала: а что будет, если придут чужие люди, которым эти пейзажи не напомнят родных уголков? Чем им будут интересны мои работы? Мне казалось, что задача для меня, человека, который живет внутри замкнутого пространства, многое не видит и потому не может изображать реальность, - восполнить пробел тем, что найти способ передавать свои размышления. Таким способом для меня стала графика. Стали появляться фантазийные работы. Например, рисунок "Пусть светит!", где девочка держит зонтик над звездой. Конечно, никто из нас в реальности сделать этого не может. Но мысль моя была о том, что у каждого человека есть своя звезда, и каждому нужно эту звезду беречь. Это звезда-судьба, звезда - предназначение служить кому-то. Девочка испытывает сильное напряжение, потому что стоит на пальчиках, а так ведь долго не простояшь. Это так непросто - беречь свою звезду, свою жизнь, чтобы твой свет не погас...

*Мой герой
— это...*

**Иеромонах Сергий (Рыбко),
настоятель храма Сожествия Святого Духа
на Лазаревском кладбище**

Сейчас уже покойный духовный отец Серафим (Тяпочкин)... Исповедник, отсидевший 21 год. Сначала он был из "белого" духовенства. А когда его матушка умерла, принял монашество. К сожалению, я познакомился с ним незадолго до его смерти, в 1980 году. Мне было 19 лет, очень интересовался движением хиппи. Впечатление, которое батюшка на меня тогда произвел, живо во мне до сих пор.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что инок формируется в юности. Отцу Серафиму я обязан всем. То, что я встретил настоящего, живого святого человека... Словами это впечатление не передашь. Это любовь, очень смиренная, кроткая, готовая положить за тебя душу. И невероятная для физически немощного человека сила духа. Его образ всегда перед моими глазами как образ истинного подвижника, монаха. В его монастыре были долгие молитвенные правила, службы, которые длились практически весь день. Теперь обычное богослужение я не воспринимаю, мне чего-то не хватает.

Уже потом узнавались эпизоды из его жизни. Я все больше удивлялся, что в наше время появился такой святой. Вероятно, именно он сумел взять в Куйбышеве икону святителя Николая чудотворца из рук Зои - известное "стояние Зои". На Рождество она пошла танцевать с иконой, приросла к полу, а Великим Постом ожила. Я видел газеты 50-х годов, в которых было описано это чудо. Журналисты пытались его опровергнуть, но не получилось.

Есть свидетельства близких батюшке людей, которым отец Серафим об этом рассказывал. В частности, у нас в Оптиной пустыни подвизался в 80-х годах бывший келейник митрополита Мануила Лемешевского. В то время он был в чтецом в Куйбышевском соборе. Отец Серафим был тогда еще Дмитрием Тяпочкиным. И этот келейник рассказывал мне, что когда произошла вся эта история, начался страшный ажиотаж, милиционское оцепление. Люди толпами приезжали посмотреть на Зою. В собор позвонил уполномоченный по делам религии: "Объявите в ближайшее воскресенье, что это все враки". Настоятель ответил, что сходит сам посмотрит. Если ничего нет, то объявит. Уполномоченный замялся, перезвонил через час: "Ладно, не надо ничего объявлять". То есть он сам признал факт "стояния Зои".

После того, как отец Серафим сумел взять икону, его посадили на 3 года. Причем, он был оклеветан собратьями из своей же епархии. Когда батюшка отсидел почти весь срок, его вызвали, чтобы отдать паспорт, и спросили: "Гражданин Тяпочкин, что вы собираетесь делать дальше?". "Господу служить", - честно ответил батюшка. И его снова посадили.

Еще батюшка рассказал своему внуку, что когда сидел в лагерях, однажды начальство послало его куда-то по делам. И он заблудился в тайге. Уже ночь, темно, волки воют. Он стал молиться. Молился несколько часов. А когда поднял глаза, увидел, что появились огни, которых раньше не было. Оказалось, что он находится рядом со своим лагерем. То есть он во время молитвы был перенесен. "Такие чудеса Господь иногда творит с нами грешными", - закончил тогда отец Серафим тогда свой рассказ внуку. Это был личный разговор, во всеуслышание батюшка никогда не рассказывал про такие случаи. Он всегда скрывал свои духовные дарования.

Город надвигается

Когда опускаются руки

- Но ведь в Вашей жизни все далеко не так гладко, как на словах выходит. Неужели никогда не опускались руки от того, что слишком много на Вашем пути препятствий, слишком много "но" и "если"?

- Опускались. Вообще такие моменты - "я могу" и полное отчаяние - они тесно соседствуют, они даже сходные. Вот пример. Я сильно полюбила одного человека. У нас были теплые, очень светлые отношения. Он жил далеко, изредка приезжал, но в основном мы разговаривали по телефону, писали друг другу письма. У нас было сотрудничество: он работал в газете, печатал мои материалы, ему нравился мой образ мыслей, близкий ему. У нас была такая дружба, которая очень редко встречается. Это не только сотрудничество, это родство по теплоте души, сердца, по взглядам. Такая радость оттого, что есть такие отношения, есть такой человек, с которым так счастливо удалось соединиться...

Надо сказать, что к тому моменту тщеславие мое перешло уже все границы. Такое восхождение: одна выставка, потом другая, по разным городам, потом письма посыпались, и вот - ты такая известная стала, ты же сама выбралась! И так себя сильно уважать начинаешь, такой ты молодец! Забываешь в этот момент, совершенно забываешь о людях, что тебя поднимали. О воспитателях, что тебя в жизнь включили, о педагоге, который мастерству научил, о родителях... О родителях вообще в самую последнюю очередь думаешь - что они тебя растили, что создавали тебе необходимые условия. Как-то это забывается, кажется, что ты сама всего добилась. Помню, что когда впервые на телевидении обо мне сделали передачу, один мой друг, посмотрев ее, сказал: "Никогда раньше не слышал, чтобы человек так часто повторял слово "я". То есть это мое "я" очень сильно выросло.

Потому, наверно, так было угодно Богу, что я полюбила. Того самого, родного мне душой человека, друга. Эта любовь превратилась в очень страстное чувство. Не так я страдала телесно, сколько от потребности внутреннего соединения своей женской души с душой мужчины. Вот тут меня и подкосило. Стало очень трудно жить, опустились руки. Я вообще всегда обращала внимание на свою внешность: косметикой пользовалась, прически всякие делала, кокетлива была, и молодые люди всегда были рядом, и не только молодые. Это мое "я", женское "я", тоже укреплялось: могу с ними общаться, ими "вертеть".

И это женское "я" вдруг рухнуло. Вознеслось оно высоко на гору, а потом с этой горы я очень

больно, очень долго падала, к самому подножию. А потом и гора сама рухнула. Такое ко мне чувство несостоимости пришло - думаю, ну, вот и все... Как человек ты можешь и то, и это, а как женщина ты - ничто. А ведь так не бывает, чтобы как женщина и как человек внутри разделялись. Это же всегда вместе - а тут такой разрыв получился. Попыталась извлечь опыт из этого положения - ничего совершенно не могла найти. Стало неинтересно рисовать, неинтересно переписываться с людьми, которые мне писали, - с друзьями, с теми, кто о помощи взывал. Как-то я очень сильно разрушилась. Потом пыталась от этого освободиться - но от страсти легко не освободишься. Тогда я этого еще не понимала.

Видимо, на нервной почве я заболела. У меня образовался инфильтрат. Меня увезли в больницу, где я давным-давно не была, стали усердно спасать. Операцию мне нельзя делать - я наркоза не вынесу, все было на грани жизни и смерти. Я выздоровела физически, но долго не могла укрепиться душой. Просто вышла из строя.

В этом клиническом состоянии я постоянно рисовала в воображении: руки вверх возносила, одну - пять пальцев, другую - пять пальцев, выше, выше, куда-то к небу - и все. Я даже при этом не молилася. Думала, что пережила свою страсть, все-таки болезнь должна была ее вытеснить. Ничего подобного! Не может это просто так пройти. Тем не менее, мы продержались какое-то время, не общались.

Клин - клином?

- Удалось ли Вам справиться с Вашей болью?

- Боль проходит только если ее вытесняет чувство посильнее. Моя жизнь резко осложнилась. Мама страдала сердцем, но, как многие сердечники, пила лекарства и ходила на работу. Ни в больницу, ни в санаторий она не ложилась, потому что не могла от меня отойти. А тут отец заболел гриппом, она от него заразилась, заболела воспалением легких, ей какие-то уколы стали делать, которые на сердце повлияли. Она у меня на глазах умерла, за три часа. Пришли, сделали укол - и она стала умирать. Я осталась с отцом. Что будет завтра? как мы без мамы?.. Казалось бы, куда уж тяжелее - мама ушла, отец болеет, я сама только что из больницы... Но чувство мое, вот эта страсть - не проходит. Как жаба впилась - и ничего нельзя проделать.

- Как Вы думаете, почему?

- Потому что молитвы нет, Бога нет. Где-то внутри - да, возможно, что-то отозвалось, но это не

было сознательным отношением. Это было какое-то странное, очень схожее с тем, как в больнице, ощущение - неумираемость. Не знаю, кто меня носить будет, кто меня мыть будет... У здорового человека не возникает этих вопросов, для меня же они всегда были основными, но теперь этих вопросов не стало - как будет, так и будет. Верой это не назовешь, это какое-то чувство, что все устроится, все будет как надо. Еще не вера, а "предверие". Когда маму, еще живую, на носилках в больницу понесли, я впервые молиться попробовала, чтобы Бог ей помог...

Муравейник

- Судя по тому, как наложен Ваш быт, предчувствие Вас не подвело. Но проделанный путь

Двое

тоже не был легким. С чего началась Ваша самостоятельная жизнь - жизнь без родителей?

- В детстве ко мне часто ходила одна подружка, Женя. Потом наши с ней пути-дороги разошлись, у нее своя жизнь началась. Но некоторое время, еще при маме, она все же приходила - помогала стирать. Однажды, когда мама уже болела, я спросила у Жени, как бы в шутку: "Жень, придешь ухаживать за мной, если мама умрет?" - "Да приду, а что такого? Мне надоела эта стирка, приду к тебе жить!" Всегда в жизни так получается: сначала шутя говоришь, а потом всерьез выходит. Женя пришла, когда узнала, что мама умерла. А потом так и осталась, полтора года у меня жила. Ощущение было, словно наркоз дали. Утрата матери, страх перед жизнью, забот полно - отец настолько отчаянно себя чувствовал (он уже тогда был болен раком), что мне надо было за ним присматривать, за домом следить, на огороде сажать что-то... Все это на мне. Женя - человек чужой, только что пришла в дом. И я постепенно становилась хозяйкой. Но командовала на этот раз не палатой, как в больнице, а хозяйством побольше - жить-то надо! Кто-то ведь должен ту же капусту покупать, пенсию копеечную отцовскую, пока он жив был, получать... Я-то привыкла, пока родители за мной ходили, что я умная такая - сижу, рисую, статьи пишу, общаюсь, философствую о жизни. А быт, на котором и держится жизнь, - в стороне от меня. Мама с папой огурчики солят, мама с папой капусту делают, мама с папой за квартиру платят... Теперь же я все должна была организовывать. То же и сейчас: лежу на одном месте, но видеть, слышать и помнить за всех должна.

- То есть? Вы ведете в доме хозяйство?

- Да, пришлось мне стать командиром. За квартиру платить, за газ, за питание - это мои заботы, я являюсь в нашей "палате номер шесть" хозяйкой. Я должна деньги добывать, "це-у" каждому давать, что купить, теперь вот еще ремонтом занимаемся. Приходится все в памяти держать, где у нас что находится, куда что надо положить, что докупить... У меня везде глаза, везде уши (улыбается). Вот так мы и живем.

- Какая роль отведена Вам в Ваших повседневных внутрисемейных отношениях?

- Мне приходится регулировать все наши отношения, чтобы конфликтов не назревало. Такая у нас сейчас жизнь - "общежитская". Коля, мой муж, очень боялся этой жизни. Он привык, что мы вдвоем, что нам хорошо и мы сами себе хозяева. У него всегда порядок на кухне, всегда все блестит, женщины, что в гостях у нас бывают, - все любят. Он очень умелый человек, и дом у него на-

лажен. А когда появляется новый хозяин, жизнь разлаживается, потому что один надеется на другого, другой думает на кого-то еще. Мы же все люди... Поэтому мне сейчас очень непросто живется - нужно "разруливать" наших домашних и всех, кто нам помогает, чтобы друг с другом не ссорились. Частенько, когда праздники у нас, мы сидим за общим столом. Конечно, стараемся в одном направлении жить - помнить, что мы христиане, что нам надо находить общий язык и пытаться честно друг с другом обращаться, не держа камня за пазухой.

- И Вас как начальника слушаются?

- Еще бы они меня не слушались! Я же командир! (смеется). Шучу, конечно. Мы все время вот так шутим, у нас очень много веселья по этому поводу. Рита, помощница моя, когда только приехала, не понимала этого. Я говорила: "Рит, мы же так и умрем с тобой под тяжестью жизни, если я не буду подшучивать. Я так и тебя поддерживаю, и себя, а иначе нервы не выдержат!"

Человека формирует среда

- Вы когда-нибудь чувствовали, что с окружающими Вас людьми общение получается неравным, что Вы в тягость им?

- Знаете, люди, которые всегда вокруг меня - они, как ни странно, говорят, будто вообще не помнят, что я в другом физическом состоянии нахожусь, чем они. Поэтому отношение ко мне у них такое же, как к другим.

- Многие физически полноценные люди испытывают страх перед смертью. А Вы?

- Страха перед смертью у меня никогда не было. Случалось, что я плохо себя почувствую, посылаю за батюшкой: "Скажите, что умираю". А батюшка наш человек с юмором. Он приходит и спрашивает: "Ну что? Опять не умерла? Как ни приду - она опять не умерла, опять все жива и жива!"

Муж, брат, и сестра, и мать

С Николаем Миловым Людмила Георгиева познакомилась спустя много лет после того, как рассталась со своей тяжкой любовью.

"Однажды, посреди январской зимы, я проснулась ранним утром, было темно и отчетливо пахло черемухой. Забыть и заспать это было невозможно. И приснился мне сон: две мужские ладони, ко мне протянутые рядышком, зовущие положиться на них, я боюсь и сомневаюсь, и хочу, и не решаюсь, и вдруг - как в холодную воду! - свою голову на руки, как на плаху (будь что будет!), и словно тяжкий крест моей жизни ру-

Встретились...

ки эти приняли - так легко стало моей голове, так благостно на душе, так перестала чувствовать тяжесть тела.

...В мае, когда цвела черемуха, мы с Николаем справляли свадьбу".

(Л. Киселева "Сотворение жизни", автобиография)

Они вместе более пятнадцати лет.

- Что для Вас - Ваш муж?

- На разных этапах все по-разному. Когда я была покрепче, до того, как Коля пришел в мою жизнь, помогала мне в основном только мама - и обед, и туалет, иочные заботы - она около меня, и нужды ни в ком больше не было. Отец переносил меня из комнаты в комнату, усаживал, и его функции на этом заканчивались. С годами, когда мама ушла, эти заботы перелегли на разных людей. Потом пришел Коля... Он, конечно, стал мне мамкой. Муж - родной человек. Коля долгое время был со мною один. Он тогда занимался моржеванием. С утра вставал, бежал, окунался в жутко холодную речку - морозы стояли до двадцати пяти градусов. Прибегает - волосы в сосульках. Я лежала, ждала его. Телефона рядом не было, но я ничего не боялась.

Мы с ним любили романтические вечера устраивать, при свечах, вдвоем. Он такой человек, что сам очень любопытен в жизни, потому старался и для меня все устроить. Говорит: "Ну, пойдем на улицу!" - и меня со второго этажа сносит. - "Там лавочка во дворе стоит, темно, никто тебя не увидит!" Луна, соловьи - рай. Мы сидели на лавочке, хорошо... Так он преодолевал во мне мой комплекс - что-де пойдут какие-то разговоры. И через мои страхи, через мое "могу" просыпалась вера в его "могу". Но прогуляться по городу нам вдвоем никак не удавалось - коляски не было. А Коля хотел еще больше расширить для меня пространство. И я поверила, что он сможет.

Однажды к нам пришла телеграмма с юга: "Здравствуйте, хорошие ребята! Мы живем в Сочи, хотим вас пригласить на море, вы у нас погостите, мы все устроим!" Стали мы мечтать, в состоянии эйфории были: мы же все можем! Коля говорит: "До лавочки во дворе я тебя доношу, что же, до Сочи не донесу?" Но Коля романтик, а я всегда реалистом была. Я его охладила здравым смыслом, и стали мы думать, где коляску взять: до поезда надо на чем-то доехать, в Сочи до моря нужно доехать... Обратились в райсобес. И как-то быстро, хотя всегда так трудно с этим было, пришла коляска. Коля говорит: "Давай обкатывать, поедем гулять!" Каково это мне было! Я же никогда не сидела в инвалидной коляске. Я сижу на диване, для всех здоровая. Я не хотела, чтобы меня видели инвалидом. Тоже преодоление было: для меня - чтобы в коляску сесть, для Коли - показать всем, что у него такая жена. Мы с ним сначала ночью пошли гулять, когда все спали. По улочкам Боровска бродили. Отец в детстве возил меня на машине по магистралям, а тут - по переулочкам, по узеньким тропинкам... Интересно!

Пришел Илья Муромец...

- Когда Коля совсем слег (он сорвал себе спину, у него теперь страшные боли бывают), я стала искать через объявления в газете кого-то за зарплату. Очень много людей звонило. Вот тогда я поняла, как разрушена наша страна: и молдаване, и украинцы, и турки - кто только мне не звонил! И все это люди, которые в Москве себе работу ищут. Но вот позвонила нам наша знакомая и сказала, что хочет свою племянницу порекомендовать, девушку двадцати трех лет. "Как же, - я говорю, - она меня, пятьдесят килограммов, носить будет? Ей же потом детей рожать". Но Рита оказалась необычной девушкой - очень сильная, маленький такой Илья Муромец. Она на пекарне работала в ночную смену, по семьдесят килограммов мешки таскала, днем отсыпалась, потом

опять в ночь на работу. А здесь у нас свои трудности, но жизнь другая - мы к ней как к родной относимся, хорошо, если и ей родными станем.

- Вы платите ей зарплату?

- Да, стараемся прилично платить. И потому мне каждый месяц приходится искать спонсоров, которые готовы на это денег дать. Рита часто без выходных совсем, иногда и у нее кризис наступает - она уже не может, ей надо вырваться. У нее друзья в Москве живут, ей с ними увидеться хочется. А она без отдыха со мной сидит. И я очень боюсь, что с годами она начнет уставать. Это неизбежно, что силы будут уходить. Сейчас, правда, они с Колей и за грибами, и на рыбалку выбираясь стали - ей все это интересно, она, оказывается, всю жизнь мечтала за грибами сходить. Но нужен второй человек по уходу за мной, желательно одинокий, чтобы мы ему родными стали. И деньги нужны, которые мы могли бы ему платить.

- А Рита знакома с Вашим творчеством?

- Когда она к нам приехала, в Обнинске как раз моя выставка открывалась. Ее туда сразу и отвезли. Вернулась она в такой эйфории, ходит, смотрит на меня, как на икону, никак не поверит, куда она попала. До нас она комнатку снимала за пятьдесят долларов, соседями какие-то пьяницы были. Порой возвращается она, а дверь заперта, и ключа нет. На лестнице приходилось спать. Поэтому, когда она к нам пришла, так и сказала, что у нас как в раю. Я говорю: "К раю очень быстро привыкают, и рай потом адом начинает казаться, будут и бессонные ночи, и много чего еще..." Но Рита за все берется, все делает безропотно. Иногда и у нее руки опускаются, я ее поддерживаю: "А что это ты за всех посуду моешь? Ну-ка пусть каждый за собой убирает, здесь у нас по десять человек в день бывает!" Но она такая застенчивая, что боится сказать. Она лучше сама все сделает, но никому ничего не скажет.

По улице слона водили...

- Зачастую бывает так, что люди, сталкиваясь с тем, как их воспринимают в обществе, ломаются. Но это, кажется, совсем не про Вас.

- Знаете, меня тоже ломало. В юности у меня одно время была коляска. Самодельная - папа знакомого мальчика смастерил. (В то время такие вещи сложно было получить.) И с тех пор я очень хорошо помню такую сцену. Мне семнадцать лет, тетя меня возит по городу, по нашим холмам. Вот она меня медленно-медленно с горы спускает, а из дома напротив, через дорогу, одна женщина кричит: "Ой, идите скорей, смотрите, кого везут!" Тетка

**Ольга Александрова,
продюсер телепередачи "Личный вклад", НТВ**

Если сочетание "герой нашего времени" образовывать не от слова "героический", а от понятия "героя" как персонажа, главного действующего лица, то у нашего времени много героев. Сегодня общество состоит из очень разных структур, далеких друг от друга, поэтому у каждой свои герои. Например, та, в которой я бываю большую часть времени, - это круг телевизионных работников, который можно отнести к среднему классу или выше среднего, где люди думают о том, чтобы одеваться соответственно случаю, где женщины, зарабатывающие 2000 долларов в месяц, судорожно копят на драгоценности за 2500. И это действительно важно для такого круга, героя которого, очевидно, находятся в сериале "Секс в большом городе". И понятно, что у моей мамы, учительницы средней школы небольшого города, совсем другие герои. Что касается меня, то я никогда не увлекалась постерами на стене. А главное, что я не испытываю потребности в таких героях. И хотя есть люди, которые чем-то для меня важны, но они не герои от этого. Это мои друзья, в которых мне что-то нравится, а что-то нет.

Вообще, в нашем обществе нет героя для большинства. А если порассуждать, то в каждом из нас есть что-то плохое и что-то хорошее, даже героическое, потому что как мало окончательных подонков, так и ангелоподобные личности - редкость. В общей массе мы все одинаковые.

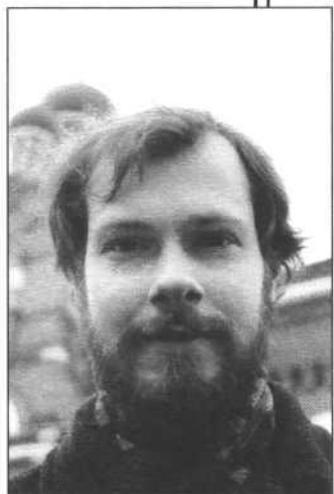
*Мой герой
- это...*

**Юрий Рябых,
сотрудник Отдела внешних церковных связей
Московского Патриархата**

Что есть героизм? На мой взгляд, героизм - это соотношение идеала и того, насколько человек умеет его реализовать, несмотря на препятствия. Он может и не достигнуть этого идеала, но героизм именно в стремлении к нему, чтобы реализовать то, за что не берутся другие (хотя им и нравится этот идеал, но они считают, что он не по силам). То есть герой - это не какой-то особый человек. Он вырос в общей для всех среде, в тех же условиях, но прикладывая над собой усилие, он совершает прорыв, его жизнь становится примером, который вдохновляет.

Я не считаю, что герой нашего времени обязательно должен быть современником, самое главное, чтобы его жизнь была актуальна для меня. Особенно это касается жертвенности, причем вне зависимости от того, чем человек жертвует - материальным положением, авторитетом, социальным статусом, физическими силами или временем. Это вдохновляет сегодня, когда большинство живет для себя, стремится создать комфорт, свое пространство, что лишает человека его высшего призыва - любви. В этом плане для меня пример - преподобномученица Елизавета Федоровна, которая оставила высоту своего величия и приняла монашество, чтобы служить простым людям. Но геройство не в том, чтобы бездумно бросить tolpe свое богатство, сделать такой яркий жест, а в том, чтобы положить все свое богатство (как духовное, так и материальное) не ради абстрактного человечества, а для конкретных людей. Еще пример любви - мать Мария Скобцова, которая в концлагере пошла вместо другой женщины в печь.

Такие примеры важны, чтобы было на кого ориентироваться, чтобы вдохновляться на доблесть, на твердость в своих ежедневных поступках, в стремлении к идеалу, Который есть Христос.

Семнадцатилетие

моя ей в ответ: "Дура, что ты орешь! Кого везут? Что я, обезьяну, что ли, везу?!" Такой вот разговор. Конечно, это было по сердцу, особенно если ты молоденькая - мне же семнадцать лет было.

- **Неужели это единственный эпизод такого рода за всю Вашу жизнь?**

- Нет, конечно, все всегда глазели на меня и глазеют до сих пор. В нашей стране к инвалиду многие вообще относятся как к обезьяне. Все это я на себе прочувствовала. "По улице слона водили..." Многие через это проходят. У меня есть знакомая, у которой мальчик больной, она его тоже на коляске возит. Вот и ей кричат буквально в глаза: "Да как тебе не стыдно, чего ты ребенка, такого урода, вывезла, показываешь всем, кто у тебя родился!" Дикари какие-то!

- **Что Вас поддерживает в такие минуты?**

- А куда я денусь? Я же не выпрыгну из своей шкуры, и как-то по-другому жить не смогу. Все равно в этой ситуации остаешься. Ты же не можешь умереть оттого, что о тебе кто-то сказал, буд-

то ты инвалид, обезьяна, кусок мяса. Больно. Но мы же немало боли в жизни испытываем. Мы не бежим от этого стреляться. Кто-то бежит, а инвалид не побежит - потому что не может. Так люди и живут с этой болью.

Видимо, я по натуре сильная, но мне всегда хотелось доказать: я такая же, как вы. Из-за этого я стала рисовать - не ради себя, но чтобы показать, что и я могу, и, наверное, мне в чем-то даже больше возможностей дано, чем другим.

- **Сейчас отношение окружающих к Вам не изменилось?**

- Теперь люди ко мне относятся скорее с уважением. Никто меня не дразнит, никому в голову не приходит сказать что-то такое. Бывает, мне даже завидуют. Вот у нас сейчас ремонт, мы делаем балкон, чтобы можно было меня на воздух выносить, - и не все соседи это понимают, некоторые ругаются.

Придите все страждущие...

- **Как Вам кажется, насколько важно человеку с ограниченными возможностями быть хоро-**

шим человеком? Насколько важно осознавать, что ты можешь дать миру, именно такой, какой ты есть?

- Очень важно быть не просто хорошим, но интересным человеком. Если хочешь, чтобы тебе помогали, приходили к тебе, - заинтересуй людей. Надо реально смотреть на вещи: никто к тебе не придет, если лично не будет заинтересован. Кто-то просто помогает - ради Христа, кто-то за деньги ухаживает. Но каждый, кто делает что-то для другого, делает это в какой-то степени и для себя. Поэтому что если даже ради Христа человек помогает, значит, он хочет Христу послужить и трудом для больного человека что-то в небесную сокровищницу положить. За деньги - это тоже понятно, потому что это же тяжелая работа, это все равно, что на стройке кирпичи таскать. Правда, у нас не столько физически тяжело, сколько психологически. С больным человеком ведь очень сложно жить, и какой бы он хороший ни был, руки и ноги у него плохие, и эти руки и ноги надо обхаживать, укладывать. Вот и сделай так, чтобы тебе без раздражения помогали.

- Наверное, чаще больной человек думает о том, почему у него ноги не ходят, как у других, или не хватает руки, и что современная медицина бессильна...

- Знаете, у меня, например, вообще никогда не было желания лечиться. Было чувство, что я вот такой и должна быть, и надо только понять, как это может пригодиться. Многие инвалиды пишут, что в первую очередь о том жалеют, что никогда не смогут нормально жить. Они готовы уже на жизни своей крест поставить. У них не возникает мысли - как жизнь свою обустроить, как дело себе найти. Я пишу в ответ: понимаете, это же данность, ничего не поделать, так что хватит ныть. Нельзя же нарастить себе ногу, если она короче другой, нельзя встать и пойти, если прикован к кровати. Значит, мысли должны быть в другую сторону направлены: как жить в таком положении. Это и есть главное.

- Как Вы думаете, каково духовное служение инвалида миру?

- Это уж от способностей твоих зависит. С духовной точки зрения - стяжите мир в душе своей, и возле вас спасутся тысячи. Поэтому, если у тебя мирное настроение, то люди и придут к тебе за этим миром. Приходят часто со своим настроением - с унынием, проблемами... А ты с человеком поговорил, и он - от того, что видит тебя спокойного, веселого - просто заражается этим настроением.

- Например?

- Была такая ситуация у моей подруги. Рассказывает, что все у нее плохо, ничего не помогает. Я ей говорю: "Ты возьми тетрадку, раздели вертикально пополам и пиши с одной стороны хорошее, а с другой - плохое, и посмотри, посчитай". Несколько дней она так писала, потом звонит и говорит: "А ты знаешь, у меня хорошего больше, чем плохого!" Вот и нечего унывать. Надо научиться на жизнь свою с радостью смотреть, видеть, что у тебя доброго произошло.

- Кто еще приходил к Вам за душевным равновесием?

- Когда в журнале "Юность" появились мои рисунки, ко мне посыпались письма от таких же инвалидов. Девочки молоденькие писали. Например, что вы-де такая талантливая, вы рисуете, я вот тоже рисую, но мои рисунки никому не нужны. Я пишу ответ: давай, учись, есть такой заочный университет - адрес высыпаю. Она поступает, проходит время, связь теряется. Потом получаю от нее письмо: университет успешно закончил, сейчас работает на обойной фабрике, рисует узоры, ей очень нравится. Она мне прислала рисунки - очень профессиональные. Я думаю, что это не университет ее научил, но талант у нее открыл. Вот такие люди часто ко мне приходили.

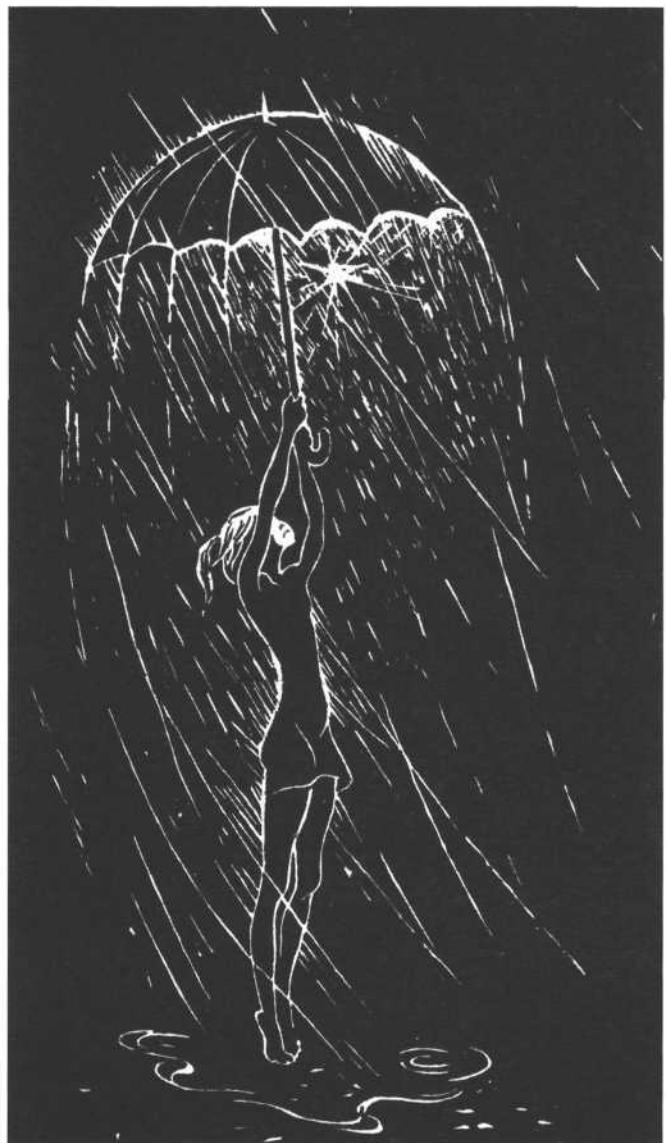
"Мастер-класс"

- Людмила Георгиевна, Вы-то сами как думаете, что отличает Вас от других людей в такой же ситуации, в чем Ваш секрет?

- Я все время думаю, что прожила столько лет лишь потому, что научилась приспосабливаться - куда книжку, куда подушку положить, и так далее. Многие ведь как мыслят: не работают руки, значит, подложи их себе на живот, а мама пусть кормит. Я так не могу. Когда у меня рука стала слабеть, я придумала, куда себе подушку подложить и какого размера, чтобы дальше рукой работать. Идет время, рука все слабеет, опять ищу средства, чтобы "рычаг" свой пристроить. Так каждый год - чем хуже становлюсь, тем больше стараюсь приспособиться.

- А почему Вы так уверены, что делаете правильно?

- Мне кажется, все от Бога. Мы же без Бога не можем ничего. Ну, как мне приходит в голову, что нужно книжку под локоть подложить, когда рука отказывает? Меня же не учил никто. Будь у нас учебники для инвалидов с полезными советами: если-де у вас рука не работает, подставьте книжку... Но у нас ведь ничего этого нет! У нас каждый для себя изобретает индивидуально.

Пусть светит!

Чувство нужности должно родиться

- Но ведь безвыходных ситуаций не бывает. Кому как не Вам знать, что есть на земле место для каждого человека, пусть он физически и не полноценен...

- Каждому человеку, прежде всего, дело нужно найти. Ведь человек без дела - разве человек? У меня в связи с этим есть очень хорошее предложение. Инвалидам иногда выдают коляски, иногда машину "Оку", - вот точно так же надо инвалидам, если у них мозги соображают, компьютер выдавать. Ребенок, например, может на нем учиться. Для здорового это, конечно, не всегда полезно, но для инвалида, который сидит и ничего больше не может делать, - это способ работы. У нас был та-

кой случай. К нам за помощью обратилась мама Саши Кононова, он родился с ДЦП. Мальчику было тогда двадцать два года. Как он родился - это отдельная история. У мамы его долго не было детей. Врачи сказали, что роды будут тяжелые, - очень поздний ребенок. Так и было: врачи тянули малыша, а он оторвется - и обратно. Удары сильные по позвоночнику Саша получил, в результате родился совсем тряпичкой, и его в шкафчик бросили, как всех покойных детей. Но мама не смирилась: "Я чувствую, что он жив, зачем вы его туда положили?" Она тогда впервые стала молиться: "Господи, если Ты есть, я буду в Тебя верить! Помоги!" Конечно, как она там молилась - не важно, молилась как могла, чтобы ребенок ее был жив. И вот его достали из шкафа, а у него пульс бьется. Он остался жить, но ДЦП никуда уже не денешь. Мама его страшно переживала. Ее мать пришла, а она стоит у окна и плачет: "Мам, у нас с тобой инвалид родился!" А мать ее мудрая женщина была: "Ну и что же, родился человек и родился, значит, будем растигать инвалида!" Абсолютно нормальное отношение: будем растигать.

- И как растили?

- Мама помогала ему учиться: он головой соображал, а она писала за него. После школы он поступил в историко-архивный институт, закончил с красным дипломом, потом его в аспирантуру позвали. Но не до того было: нужно было придумать, как на пропитание заработать. И вот тут понадобилась конкретная помощь - компьютер. У Саши один палец действует, он с помощью этой машины работать мог бы. Мама его обратилась ко мне, я написала в журнал "Домовой". И нашлись люди, привезли ему мощный по тем временам компьютер, принтер, сканер. Потом, когда они приезжали ко мне, я спросила: "Ну, и что ты там на этом компьютере делаешь?" А мама с великой радостью отвечает: "Ой, он бланки печатает всем вокруг - к нам теперь часто люди обращаются, кому за квартиру платить, кому еще что-то. Мы три рубля за бланк берем, мы теперь сметану покупаем!" Вот такая бедность. Так люди живут. Мальчик с красным дипломом институт закончил, а приткнуться ему негде. Я говорю: "Бланки бланками, но ты и писать попробуй!" И вот недавно он мне книжечку прислал - выдержки из разных произведений и его раздумья по этому поводу. Интересная книжка.

Важно поставить человека на ноги, чтобы он знал, для чего живет. Очень важно, чтобы рядом с инвалидом в жизни оказался хоть один человек, который сказал бы: "Давай, займись вот этим, и этим!" А общие фразы типа: "Ну, ты держись!" - не помо-

гут. За что держаться? За воздух? Главное - вдохновить человека, показать, что он может что-то реальное делать, чтобы он почувствовал, что он нужен.

То есть нужно конкретное дело. Пусть сразу не будет получаться, но поддержать - необходимо. А все остальное к делу приложится. Чувство нужности - это главное, что у инвалида должно рождаться. Да и разве только у инвалида?

- А если в человеке живет обида на весь мир - за то, что он не такой, как все?

- Здесь многое зависит от родителей. Моя мама, например, всегда со мной строго обходилась: нечего канючить, есть у тебя университет - вот и давай, учись. Я иногда плакала: у меня чувства - а она ничего не понимает! Но мама все понимала, и я потом поняла, что обижаться напрасно. Она все делала правильно. Переживания - они же никуда не денутся, их же не выгонишь из души, но давать им волю, ставить на первое место, выливать их на другого человека - нельзя. Инвалид не должен себя жалеть - ни в коем случае. Стоит только пожалеть себя, мол, бедный я несчастный, как сразу начинаешь думать, что все тебе должны. На самом деле никто никому ничего не должен. Будь благодарен, что у тебя родители хорошие, будь благодарен людям, которые с тобой рядом. А обиженным быть нельзя. Можешь покапризничать, что тебе тяжело физически, но ты не должен по жизни быть таким занудой.

Бодрствовать...

- К Вам приходит множество писем - с исповедями, с рассказами о судьбах. На чем, по Вашему опыту, люди чаще всего ломаются в сложных жизненных ситуациях?

- Инвалиды на том же ломаются, на чем и здоровые люди: пить начинают. Хотя, как мне кажется, инвалиды волею крепче. Именно потому, что у них такие условия жизни и они вынуждены сопротивляться этим условиям. У меня сложилось впечатление, что инвалиды все же больше заботятся о том, как им жить, чем здоровые. Здоровый человек напился самогонки - и ушел от проблем. Инвалид не всегда так может, даже в силу физических причин: надо кого-то за той же самогонкой послать, а такой человек не всегда находится. Приходится что-то делать, искать альтернативный вариант. Но если выпивка есть, то чаще всего инвалид напивается.

- Как же этого избежать? Быть к себе как можно строже?

- Все-таки нужно реально мыслить. У всякого человека есть свои желания. Хочется мир посмот-

реть, с девушками пообщаться, хочется двигаться, в институте учиться, жениться, ребенка хочется... И когда всего этого нет, начинаются проблемы: тогда дайте что-то взамен - путевку на курорт вне очереди, паек продуктовый, еще что-нибудь такое. Зачем же еще себя ограничивать и быть к себе строже, если ты и так весь бедный-несчастный?

- Хорошо, пусть человек решил для себя мыслить позитивно: есть данность, что я инвалид, надо учиться с этим жить. Но ведь решить - это еще не начать. Для многих гораздо проще идти проторенной дорогой жалоб, ни к чему не стремиться. Внешнего стимула нет, на внутренний не хватает сил. Почему?

- Человек душой не живет. Господь каждому дает душу, а человек ее не растит. А душа - она растет должна. Если душа не развита, то человек живет только плотью, а плоть - она же на примитивном уровне существует, в категориях только основных потребностей: хочу то, хочу это. Если же душа просыпается, человек начинает жить другими категориями, думает о себе как о личности: каким должен себя воспитать, что должен читать, что писать, рисовать - как развиваться. Пробуждение души очень

Материнство

важно. Это касается не только инвалидов, но в равной степени и здоровых людей. А инвалиду это важнее, потому что он не может жить плотью - у него плоть неполноценная. Значит, надо жить душой.

- Что это значит, по-Вашему?

- Пробуждение души - это серьезное отношение к своей жизни, построение жизни своими руками. Но это еще и внутренний рост, когда ты стремишься познать мир и через познание мира знаешь себя. Для чего-то ведь ты существуешь, ты, такой, какой есть, значит, ты некое звено.

Со-причастие

- Почему Вы пришли к вере?

- Я не могу сказать - пришла. Просто осознала однажды существование Бога, потому что Бог был всегда рядом. Внешне у меня ничего не изменилось. Не могу сказать, что я жила вот так, потом пришла в церковь, в Православие, и у меня другая жизнь началась, - нет. Всегда рядом со мной были добрые люди, помочь всегда приходила в нужный момент, всегда подсказки были, как поступать, как жить, как свое тело держать... А когда пришло осознание всех этих событий, мы с Колей стали Бога благодарить. Живем с молитвой, в церковь ходим, причащаемся. Мы с Колей обрели что-то главное, к чему медленно шли, живя другой жизнью. Нравственные категории наши сформировались раньше, до прихода в церковь, я пришла к Богу со своей гордыней. Конечно, никуда она не делась - как была, так и осталась, мы по-прежнему остаемся твердыми людьми. Ведь когда осознаешь, что есть способность и возможность властвовать, управлять, - конечно, ты с этим свойством так и будешь жить. Ты уже властвуешь без насилия - просто хочется человека как-то наставить, как-то помочь, - но это тоже власть. И у нас с Колей, если бы я продолжала в том же духе, могла разрушиться семья. Духовник наш вовремя сказал: "Не придавливайте мужа настолько, чтобы он перестал себя чувствовать личностью". Вот я и начала с собой бороться. Когда любишь человека, надо его отпускать. Если по-другому человек сделал, ну, пусть так и будет. И тогда придет согласие.

- Как Вы думаете, инвалид скорее к Богу придет, чем здоровый человек?

- Инвалиды, как и здоровые люди, - отнюдь не все верующие, хотя им бы и прийти к Богу быстрее других, раз у них судьба такая. Однако это очень редкое явление, и верующих среди инвалидов, наверное, даже меньше, чем среди здоровых. Многие думают: "Да о каком Боге вы говорите, вы

посмотрите, в какой я ситуации! Куда же Он смотрит, этот Бог? Раз я ни в чем не виноват, то зачем я такой?" То есть они на Бога обижены, еще не успев поверить.

- Говорят, от отчаяния до веры - один шаг. Вы согласны?

- Понимаете, в отчаянии не бывает разумения, когда бы человек задумался, как он живет. Отчаяние - это эмоции, которые человека захлестывают, и ему просто плохо, пока он не переживет, не перемучается внутри себя. Здоровый - кто блудить пойдет, кто повесится, кто-то придумает в путешествие отправиться, чтобы избавиться от этого состояния. Инвалид так не может - он наедине с собой остается. Потом к человеку приходит терпение. Оно ведь тоже не просто так Богом дается. Ситуации человеку самые разные, отчаянные посылаются, и Господь смотрит, терпит человек или нет, каким он становится, смягчается или наоборот - ожесточается. В этих испытаниях и выявляется, что же есть человек. Наверное, Господь ищет куда прийти, потому что душа сама по себе для Бога не раскрыта. Видимо, что-то там внутри созревает, созревает, потом Господь приходит - и человек верует. Вера просто так не придет - хоть сто книжек о Боге прочитай. Вера многим посыпается болью.

Мне столько боли было послано - и от невзаимной любви, и от смерти любимых людей, и от насмешек, что я инвалид... Боль терпишь, терпишь, а потом на это место страдания приходит что-то. Ты не осознаешь - но приходит утешение. Я боюсь об этом говорить. Может быть, так не у всех бывает, а я опять обобщаю. Но так здорово жить, чувствовать мир, цвет, свет, цветы, деревья, небо...

- Как утешение пришло к Вам?

- Я думаю, что, наверное, оно приходит, когда человек молится. Вот ты живешь, живешь - в неком состоянии, которое сам ты, может быть, Богом пока не назовешь, но чувствуешь: что-то есть, потому что тебя это держит, потому что это и называется жизнью. Ты благодаря этому живешь. Как морковка: она же сама растет, ты ее только посеял в землю, а потом от тебя не зависит, что она надуется и приобретет форму морковки. Так и утешение твое, и вера - они в тебе, но это не твое, это от Бога.

- Что для Вас значит радость?

- За людей очень радостно бывает, если в жизни что-то доброе случилось - таланты какие-то открылись, рисовать, писать человек начал... Хотя, может быть, это тщеславное чувство: дескать, не без твоей помощи это произошло. Мне вообще для себя жить бы было неинтересно. Многие живут

удовольствиями - на пароходе поплавать, покушать хорошо... Это все здорово, мне тоже очень хочется куда-нибудь на пароходе поплыть. Но я имею в виду радость для души.

Я не могу одна, мне надо быть с людьми. Я всё время стремлюсь к тому, чтобы рядом со мной кто-то находился, это чувствовал. Может, потому люди и приходят ко мне, что я могу не только словами сказать: "Ты что унываешь, смотри, как хорошо жить!" Чаще всего человек это не воспринимает. Я стараюсь найти, чем его заинтересовать - балетом ли, книгами, поговорить с ним, что-то такое в нем отыскать, чтобы он уехал окрыленный. И я замечала, что так бывает: вот человеку уходить пора, он оденется, встанет у притолоки и стоит, трется спиной, трется. Я говорю: "Дверь проторь!" А он в ответ: "Да я не могу, у меня ноги не поворачиваются уйти!" Я тогда в шутку, но резко так говорю: "Иди-иди. Смотри, уже от плеча двери грязные стали!" - чтобы напряжение и неловкость немножко снять. Или: "На автобус опоздаешь!" А у самой, конечно, радость оттого, что у человека что-то хорошее случилось в душе.

- Считаете себя счастливым человеком?

- А что такое счастье? Знаете, наши русские слова удивительно интересные. Если вдуматься, то ведь это со-частье, ведь корень этого слова - часть, то есть твое счастье - это когда ты часть чего-то, и твоя часть с кем-то еще. Сначала я думала, что это тот восторг, который человек испытывает от внутреннего подъема. На самом деле это значит - с Богом быть частью. Недаром же мы говорим - причастие: причастился - получил часть. Вообще же это мирское слово, поэтому у нас теперь так много его значений. Ты на море - счастье, поел - счастье... Но когда у человека с душой нет согласия, то и счастья нет. Ты познаешь счастье, когда душой осознаешь себя вместе со всем миром. Бог же - во всей вселенной. Вот капля воды - она в себе содержит все море. Так и человек - он тоже содержит в себе весь мир, как капля воды. Когда это почувствуешь, то такие крылья вырастают...

Беседовала Алла МИТРОФАНОВА
Иллюстрации Людмилы Киселевой

Осеннняя акварель

ЧУЖИХ ДЕТЕЙ НЕ БЫВАЕТ

В Ермолинский дом ребенка Калужской области попадают малыши из неблагополучных семей, многие страдают заболеваниями центральной нервной системы и нарушениями психики. Родители практически всех детей злоупотребляли наркотиками, пили, надолго забывали про своих чад. Брошенных, запущенных, современных маугли, не умеющих практически ничего, здесь ставят на ноги. Причем это не образное выражение: детей здесь учат не только кушать самостоятельно, но и сидеть, стоять, ходить, говорить...

Дом для ребенка

Одни, приходя в этот дом, невольно шарахаются при виде больных малышей, особенно "тяжелых", малоподвижных, с беспомощной надеждой глядящих в сторону пришедших гостей. А другие приятно удивляются царящему здесь несмотря ни на что уюту, по-домашнему добрым стенам. Еще в коридоре попадаешь в другой мир: со стен глядят милые мордочки зверей из мультиков и сказок, они улыбаются и зовут поиграть. Веранды, где мальчики занимаются в плохую погоду, по сезонно оформлены, есть куда бросить взгляд... Полевые цветы в баночках, картины, аппликации, сделанные своими руками, "уголки воспитателя" с указанным распорядком дня, ростом и весом малышей...

С тех пор, как 15 лет назад по инициативе нового главного врача Людмилы Ивановны Хлебченко в доме ребенка произошли некоторые перемены (от заключения договора с молочной кухней города Обнинска и получения помощи продуктами от воинских частей - до налаживания медицинского обслуживания в самом приюте без необходимости стационара),

здесь не умер ни один ребенок. Трудно поверить, что когда-то практически каждый второй из 50 детей не доживал до 4-х лет (смертность достигала 25 человек в год).

А сегодня здесь живет Никита, у которого мама умерла, а папа находится в заключении. Это мальчик, который не чувствует боли. Врачи так и не смогли поставить диагноз - не обнаружили никакой патологии в мозге. Определили только то, что он страдает синдромом самодеструкции. Он может биться головой о стену и не чувствовать перелома кости; он не раз прокусывал себе пальчики. Сейчас ему уже два с половиной годика, и за полгода пребывания здесь он стал менее агрессивным. Воспитатели придумали для него специальный манеж и обложили его поролоном. Никита очень любит играть с другими ребятами, но за ним нужен постоянный присмотр, потому что ему не так просто объяснить, как другим детям, что кусаться нельзя - от этого больно.

Желающих работать в доме ребенка нет. Сегодня большинству сотрудниц - за сорок, за пятьдесят, есть и такие, кто трудится здесь всю жизнь - с 18

до 70 лет. В последнее время молодежь приходит сюда нехотя, даже при том, что особой альтернативы в поселке нет. Специалистам - логопеду, неврологу, массажисту - удается многое сделать в плане лечения, но поскольку нянь совершенно не хватает, вся нагрузка по поддержанию лечебного эффекта ложится на воспитателей, которым надо и убрать, и накормить, и посадить на горшки... А при этом еще занятия провести. Невольно вспоминаешь свое домашнее детство, когда если родители на работе, то бабушка заберет из садика, когда ужин всегда откуда-то берется, а вечером кто-нибудь из взрослых обязательно почитает или просто посидит с тобой. Здесь говорить приходится сразу с десятью повернутыми к тебе головками и под давлением нескольких пар устремленных на тебя глаз.

Государство, конечно, не забывает про малышей. Во-первых, был президентский подарок: дому ребенка вручили премию - 15 миллионов рублей (до деноминации) - на медикаменты. А повторно прислали 50 тысяч, на которые приобрели мягкое игровое оборудование.

Правда, это было уже давно, более пяти лет назад. А за последние полгода бюджетное финансирование по медикаментам и перевязочным средствам - 10%, а по питанию - 39,5%. По словам сотрудников, нищенское содержание продолжается столько же, сколько и существует дом ребенка - с 1945 года. Поэтому в основном здесь все делают сами.

Ходить по дому ребенка ничуть не жутко, даже интересно - никогда не знаешь, кто и что ждет за поворотом: где-то чирикают попугай - значит, в той стороне экологический уголок; откуда-то снизу доносится мелкий топот и разноголосица - старшая группа вернулась с улицы. Заходим в небольшую комнату. По планировке, наверное, это помещение задумывалось как проходная, но сейчас здесь настоящий гимнастический зал. Чем-то напоминает зал хореографии или помещение для аэробики в детском спортивном клубе. И сразу никак не догадаешься, что углы этого "литого" зеркала оббиты ничем иным, как старым плинтусом. А стройная красная перекладина - обычная железная водопроводная труба, только ее кто-то очень аккуратно покрасил.

Удивительно, как работающие здесь люди постоянно "перевыполняют план": они не только детей на ноги поднимают, но и все вместе строят, мастерят, шьют... Лишь с Божьей помощью, считает Людмила Ивановна, удалось практически заново перестроить послевоенное здание: тут и перекрытия осыпались, текла вода по черным от печного отопления стенам... Но нашлись люди, которые дали металл, уголок, швеллер, плиты для забора. И все это нужно было "добывать" самим. Просить. Так все 15 лет "возрождения детского дома" - с протянутой рукой. А ведь здесь еще и дети...

**Главный врач дома ребенка
Людмила Ивановна Хлебченко**

Поначалу на малышей у Людмилы Ивановны оставалась только ночь. Воспитатели столь безразлично относились к детям, что ложились спать вместо того, чтобы дежурить у кроваток слабеньких малышей, а когда просыпались, дети были уже мертвые. Тогда главный врач стала проверять ночами - в два, в три ночи приезжала.

Было принято считать, что дети-сироты никому не нужны: пусть умирают, только не все сразу. Если класть ребенка в больницу - это целая проблема, поскольку надо обязательно давать сопровождающего, а кто поедет, если и так работать некому? В стационар отдавали хорошего ребенка - привозили почти труп. Тогда перестали класть - научились сами справляться.

Теперь для детей здесь делают все, что могут. Спасают.

Например, Диму, поступившего в полтора года весом 3,5 килограмма, не только накорми-

ли и обследовали. Ему сделали несколько операций: зашили четыре кишечных свища. Если по-простому, то у ребенка были дырки в животе, из которых все вылезало, пахло, раздражало и болело...

- Когда его клали в больницу, - вспоминает Людмила Ивановна, - врачи говорили: "Вы от него устали, давайте, он у нас полежит". То есть не хотели лечить никак. Операцию не делали, потому что у ребенка малокровие. Тогда усиленным питанием удалось поднять ему гемоглобин, съездить в детскую республиканскую клинику в Москве, договориться с заведующим отделением - и его тут же пропортировали.

...Действительно, что может быть проще и логичнее таких действий? Только не в столице они живут. Да и денег нет. И вообще, этим не мама занималась, а главный врач, у которого еще 50 таких же детей.

А Никита поступил с косолапостью, косорукостью. Чтобы он мог ходить, сделали две операции на ногах. Смастерили ему костилики. Чтобы начал пользоваться руками - еще шесть операций. Правда, сохраняется тугоподвижность в локтевых и коленных суставах, но мальчик уже начинает двигаться. Хотя мышц плечевого пояса нет, ему делают массаж, занимаются, он уже пользуется одной рукой. Никита пока еще не понимает, что упражнения ему нужны, поэтому иногда капризничает - все-таки больно! Но умный очень, хороший. Единственное, что сложно понять Людмиле Ивановне, так это почему его родители не отвечают на письма, не приезжают посмотреть на своего уже почти совсем здорового сына.

Девочка без мочевого пузыря была, Леночка. Слава Богу, нашлись люди, которые помогли сохранить ее жизнь: устроили ее

1988 год. Детская площадка. Здесь десятилетиями лежал мусор от печного отопления, который никто не вывозил. Чтобы убрать эту свалку, пришлось загрузить 25 машин.

Одну из трех игровых площадок сотрудники превратили в огород. Здесь выращивают зелень, которая нужна детям. "Дома у нас огурцы не растут, а здесь, на территории дома ребенка, растут". Карликовые яблони, деньги на которые подарили англичане, плодоносят с июля. Сливовая, черноплодная аллея быстро поднялись из прутиков. Ребята знают, что булки растут не в огороде - они видят, откуда что берется. (Фото внизу справа)

За клумбами ухаживают и взрослые, и ребята, приучаясь к порядку. (Фото внизу слева)

в клинику, добились операции, платили по 50 долларов за ампулу лекарства, ухаживали ежедневно в течение 10 месяцев. Сделали в Москве операцию, а сейчас ее заграницу забрали, в семью.

Дворцы и принцессы

Красиво здесь, в том числе, и благодаря москвичке Елене.

которую все здесь зовут Принцессой Еленой. Как-то она сказала: "Людмила Ивановна, давайте теперь делать красиво!" Ей звонят, когда очень плохо - она загружает свою машину и присыпает все, что нужно (например, просто крупа или мыло, только на 50 человек). И теперь здесь все делают красиво и своими руками. Недавно за ремонт двух помещений 28 тысяч прошли, но поскольку денег нет, женщины сами засушили рукава: кто-то дал шпаклевку, кто-то це-

мент, и они сделали ремонт. Некоторые из сотрудниц даже говорят: "Нам теперь не хочется домой уходить".

- Неужели ни у кого никогда не возникало вопроса: "Разве нам больше всех надо?"

- Так и говорят часто, - сожалением отвечает Людмила Ивановна, - Но я ничего не объясняю, я иду сама и делаю, а людям стыдно. Сейчас сформировалась команда из 10-12 человек, которые готовы так же ра-

Первым к нам приехал патриарх Алексий. Шел 1994 год. Он нам серьезно помог, поддержал".

ботать. Они идут и делают. Будь такими большинство - тут стоял бы дворец.

Но и сейчас, на взгляд стороннего наблюдателя, здесь есть много чудесного: от стремительно подрастающего фруктового сада, игровых площадок и дико-винных клумб до перешиваемых по несколько раз занавесок. Но, обнаружив еще и бассейн под открытым небом, я невольно остановилась. Откуда? Просто однажды Людмила Ивановна оказалась в деревенском доме молодой семьи, где ребята сделали сказку: хозяин сам рисует, вырезает, мастерит, бассейн соорудил на своем огороде. И попросила она его сделать такой детям. Из чего? Так ведь здесь, как у Плюшкина, все есть: старое ничего не выбрасывается, поэтому на днище бассейна пошли спинки сломанных кроватей, кирпичи от развалин старой постройки, цемент подарили. Вода в бассейне нагревается в течение дня на солнце, а вечером ее сливают в колодец. Днем дети ба-

рахтаются - конечно, когда погода хорошая.

Действительно, даже бассейн - не такое дорогое удовольствие. Или это только там, где денег вообще нет? А я-то надеялась на сказочную историю про волшебников-благотворителей, которые пришли и сделали евроремонт! Но выяснилось, что в течение многих лет этот дом ребенка поддерживают всего несколько человек, среди них - Людмила Георгиевна Киселева.

- Началось с того, что она сделала выставку своих работ в Боровске и все вырученные деньги передала нам. С тех пор она стала звонить, узнавать, какие проблемы. Она дала возможность узнать о нас окружающим - писала о нас не только в местной печати. В одной из публикаций в "Комсомольской правде" - буквально в одном абзаце - она упомянула о нашем

* О Людмиле Киселевой читайте в этом номере интервью "Жить - это медленно рождаться" (стр. 42-57)

доме ребенка. После этого к нам стали приезжать. Например, музыкальный зал оформлен на деньги, собранные немецким журналистом, который откликнулся на публикации, приехал и снял фильм. Этот уголок мы называем немецким. И сама Людмила Георгиевна помогала, как могла. Потом она стала директором Московского дома адаптации для детей-инвалидов и начала поддерживать несколько домов ребенка, а поступающую помощь делила на всех. В Москве у нас образовался "штаб", куда стекается некая помощь, и периодически мы ее забираем. Еще какой фильм о нас покажут - один-два человека из десятимиллионной Москвы найдется, и то хорошо! Так и выживаем.

...Когда от нас ушли англичане, американцы, финны, когда научные учреждения, предприятия-спонсоры разорились, военные части обеднели, осталась лишь она, Людмила Георгиевна.

Англичанин, опекавший еще несколько российских детских домов в течение многих лет, все время хотел прислать сюда воспитателей из Москвы, из Рязани, чтобы они поучились, как надо работать. Однажды он предложил главному врачу одного детского дома, тоже поселкового типа, сделать у себя огородик. Тот только отмахнулся: "Да ничего у нас расти не будет!". И все.

Детская боль

- У вас в доме ребенка находятся малыши с очень тяжелыми диагнозами, часто неизлечимыми. Как вы считаете, почему дети так страшно болеют?

Людмила Ивановна:

- Потому что, будучи во внутриутробном состоянии, они получали алкоголь и никотин. Но даже малышей, пере-

несших бытовой сифилис, удаётся выходить.

И всех стараемся отдать в семью, причем так, чтобы всех братьев и сестер забрали одни родители: потому что они и здесь у нас вместе, и до этого вместе были. Если кто-то одного обидит, другой вступится. Или если одному что-то дают, он вспоминает о брате или сестре, которые рядышком.

- А случались ли в жизни вашего дома чудеса?

- Заведующая одним детским домом в Калуге спрашивала о девочке, которую хотела бы взять ее родственница - 10 лет живет в браке, а детей нет. Взяли они малышку. Я им как-то звоню, они про мальчика говорят: "Не беспокойтесь, вы не перепутали ничего, только у нас теперь еще и мальчик. Но Леночку нашу мы не обидим!" Я воспринимаю это как Божье вознаграждение такой семьи.

Другая семья согласилась двойню мальчиков взять, так через пару месяцев уже ждали своего ребенка, дочка родилась. И таких историй у нас очень много.

Право на жизнь

- Почему родители отказываются от больных детей?

- Таким малышам больше внимания нужно уделять, чтобы поднять их, чтобы они стали, как все. У нас такого настроя на бесперспективность нет - в нашем доме ребенка мы выхаживаем всех. И Господь помогает. Была поначалу ситуация, когда доктор на еще живого ребенка оформила все посмертные справки. Я ее тут же выпроводила. Тех, кто так относился к детям, мы уволили, остались люди с нормальным отношением, и они многое могут - даже ребенка с гидроцефалией (водянка мозга) поставили на ноги.

- Наверное, те люди, которые вам помогают, не задают таких вопросов... Но в обществе существует мнение о том, что "раз денег нет, а дети все равно всю жизнь будут мучиться", то может, лучше бы их и вовсе не было?

- Спрашивают и нас. Я, например, считаю и говорю всем, что если человеку Бог дал жизнь, он должен жить, мы для него должны сделать все, что можем... И слава Богу, то, что мы делаем, мы делаем, очевидно, правильно: дети у нас выживают, многих забирают в семью...

- Как складывается судьба усыновленных детей?

- Сейчас из-за вот этой неразберихи, - Людмила Ивановна стучит рукой по папке с неоплаченными счетами, - мы не успеваем проследить за этим. Многие присыпают фотографии, пишут письма. А дети, которым сейчас по 30 лет, обращаются к нам - они разыскивают своих родителей. Недавно приезжал молодой человек, у него уже своя семья, дети. Усыновители рассказали о том, что у него есть мать. Ее разыскали - она совсем рядом жила, но не захотела с ним общаться. Стыдно, очевидно, было.

25 июля 1999, *Калуга.*

*Я Чулова Любовь Александровна
мать Чулова Игоря
здесь благодарю Ермолаевского Дома ребёнка
за то, что с помощью вашего Дома
ребенка, мой сын Игорь из кончи
еще не видела лучше вашего учреждения.
Большое Вам спасибо за все, за
добродушную и чистую вашему дому.
Чулова.*

Экологический уголок - единственный в районе. Сюда приводят на экскурсию школьников, которые почему-то не могут себе такой сделать. Занятия в экологическом уголке - один из методов реабилитации: некоторые дети от восторга впервые произносят звуки и начинают говорить именно здесь.

У нас сейчас очень много попугаев. Они у нас сами себя содержат: мы продаем их, покупаем на деньги корм.

15 лет назад сюда, в Ермолино, к полуразвалившемуся дому на велосипеде приехала энергичная женщина с четырехлетним мальчиком. Подъехали к кухне, которая располагалась в вагончике около покосившегося забора. Пока взрослые разговаривали, мальчик молча рассматривал черный от сырости и ко-

поти дом с осыпающейся штукатуркой, сиротливо возвышавшийся над поглощавшей его свалкой. И вдруг мальчик спросил: "Бабуля, это что за дом?" И получил ответ: "Илюша, это дом ребенка!" Илюша подумал и произнес: "Это сказочный домик!" Настолько необычно было все ему и страшно, что он так это выразил. На это бабушка сказала внучку: "Вот приедем сюда работать и сделаем его сказочным!" Конечно, она не думала, что это будет так трудно...

Путь к дому

В ответ на вопрос "Как вы пришли сюда работать?" очень хотелось услышать захватывающий рассказ о том, как кто-то решился посвятить свою жизнь детям или что-то в этом высоком духе. Но не тут-то было!

- Как попала сюда? Случайно, наверное, - невозмутимо начала Людмила Ивановна. - Во-первых, перед этим я работала в военном городке, зарплата там была маленькая, а перед уходом на пенсию, мне надо было как-то повыше зарплату иметь. И я пришла в детскую поликлинику Ермолино, где проработала 5 лет. Наверное, увидели меня, везде наводящую порядок (смеется). Например, перед поликлиникой было болото, и никто из сотрудников его "не замечал". Нашла родителей, которые засыпали это болото. Ведь родителей много и каждый что-то умеет: один на самосвале работает, у другого цветы большие выросли, которые не влезают в квартиру, а поставить в холл больничный - как хорошо! Так начинала с нуля, как и везде. Я просто не могу иначе - ведь большую часть времени мы проводим на работе и должны создать нормальные условия для себя и приходящих к нам...

Всю жизнь Людмила Ивановна работала детским вра-

Эти каменные сооружения, сделанные руками сотрудников - не от хорошей жизни. Полвека назад, когда строили здание, не положили гидроизоляцию, поэтому каждый год стены повреждаются грибком. Кто-то собирает камни, кто-то дарит цемент - и на месте гниющих пятен такая красота.

"Дачникам, умеющим красиво рисовать, "по бартеру" отдавали старые рамы, они - "по бартеру" - расписывали нам стены. На верандах, где висели старые тряпки-пеленки, провели отопление, отремонтировали, подкрасили, утеплили крышу."

чом: институт заканчивала в Средней Азии - Фрунзенский медицинский. В Калужскую область попала в 1969 году, прошла специализацию врача-диетолога в Московском институте питания, затем много лет работала в военном городке, где каждый командир части говорил: "Вот я уйду, а потом вы".

- Не отпускали меня из городка. Но перед пенсиею ушла все-таки.

- А как ваша семья относится к такой интенсивной работе?

- Я практически одна осталась: дети выросли. У меня дом здесь (показывает вокруг), у них - там. Но я никогда не планировала в доме ребенка работать, тем более что в Киргизии у нас даже не было таких учреждений. Я не сталкивалась с этим и не подозревала, что такое бывает.

Работать здесь я начала очень серьезно, поскольку всю врачебную часть знала - и педиатрию, и диетологию даже. А хозяйственная струнка - это, наверное, с генами от отца-строителя передалось. И важно еще, что я никогда в жизни ничего не боялась. Помню, когда поступила в очную аспирантуру в Москве, по 7 часов на дорогу тратила, но ездила. То есть трудности меня никогда не страшили. А как иначе жить?

...Поразительно, но здесь нет никакого чувства безысходности. Листая альбомы с фотографиями подросших малышей, которые присыпают приемные родители, как бы заглядываешь в будущее сопящих в кроватках сегодняшних сирот. Вот, например, Максимка с соломенного цвета головой катается на машинке. Сейчас ему пять. А когда-то ему был всего годик, его привезли сюда как

"бесперспективного": ДЦП, гидроцефалия, ражит и т.д. Но благодаря лечению, питанию и уходу его подняли на ноги еще здесь, в доме ребенка, и теперь родители счастливы, что у них такой смышленый и послушный сын с поразительными музыкальными способностями...

Светлана УЛЬЯНОВА

Фото Вячеслава ЛАГУТКИНА

“Мы не одни во Вселенной!”

беседа с дьяконом Андреем Кураевым

Это интервью тесно связано с темой номера, ведь Главным Героем для христиан любой эпохи всегда будет оставаться Иисус Христос, и именно с Ним христиане всегда будут сравнивать любого героя своего времени. Каково же христианское видение личности Спасителя и на чем оно основано, как отражается это видение в культуре и в церковном вероучении? На эти и другие вопросы, связанные с Личностью Основателя христианства, отвечает профессор богословия Православного Свято-Тихоновского богословского института, дьякон Андрей КУРАЕВ.

— Когда Вы впервые осознали, что верите в Христа не просто как в учителя нравственности, жившего 2000 лет назад, а как в Бога, от Которого зависит вся Ваша жизнь?

— Для меня это были два разных момента: сначала пришла вера во Христа как Бога (Творца, Спасителя, грядущего Судию), а уже потом — вера во Христа как Вседержителя, от Которого зависит моя жизнь здесь и сейчас.

Что касается первого, то это произошло, когда мне было 18 лет. В то время я “болел” произведением Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы” и там меня очень поразила легенда о Великом Инквизиторе. Можно сказать, что в моей жизни это был переломный момент. В легенде о Великом Инквизиторе чудесным образом сошлись все те философские проблемы, о которых я тогда думал. Все, что тогда меня пугало в жизни, сконцентрировалось в словах Великого Инквизитора. Я вдруг понял, что те искушения в пустыне, которые были предложены сатаной Христу, — это предельно емкие искушения, которые охватывают всю деятельность сатаны в мире и полностью характеризуют его. И поэтому я согласился с характеристикой, которую Достоевский дал этому евангельскому персонажу — “дух сверхчеловечески умный и злобный”.

Получилось так, что сначала я признал существование сатаны и ужаснулся реальности сатанинского замысла о нас, но а затем последовал логический вывод: если Христос смог отвергнуть эти искушения, значит Он тоже сверхчеловечески умен, но добр. Пришло осознание Христа как Спасителя.

Ощущение внутренней пустоты прошло, свет в окошке забрезжил.

Но, все равно, с моей стороны это было пока только некое философское принятие Христа. Начать молиться было намного труднее, и это произошло несколько позже, а крестился я почти через год после этих событий. И даже будучи крещеным, я с большим трудом понуждал себя публично перекреститься в храме или поклониться вместе с бабушками, которые там стоят. Более того, спустя еще год после крещения на какой-то марксистской лекции, когда лектор громил идеалистов, я с ужасом понял, что он говорит фактически про меня. Осознать то, что я стал идеалистом, было очень трудно, настолько глубокие корни пустила марксистская закваска в моем подсознании.

А отношение к Нему как к Вседержителю пришло уже позже. Понимаете, своеобразие юношеской веры заключается в том, что она ни о чем не просит, она просто радуется тому, что Бог есть. Еще нет болячек, нет каких-то безвыходных жизненных ситуаций и, следовательно, можно приходить к Богу не торгуясь, не выклянчивая “гуманитарную помошь”. Поэтому впервые я начал относиться ко Христу не просто как к Творцу и грядущему Судье, а как ко Вседержителю, от которого зависит моя жизнь здесь и сейчас, только тогда, когда начал молиться о том, чтобы Господь помог мне поступить в семинарию...

— Почему, вообще, для христиан так важно утверждение, что Христос — это Бог? Многие люди, например Лев Толстой, не были атеистами, но попали с Церковью именно из за этого пункта ее ве-

роучения. Почему христиане настаивают, что Иисус не просто самый лучший учитель нравственности, не просто великий и умный человек, а Сам Бог?

— Знаете, современное человечество одержимо идеей контактерства: очень хочется найти внеземные цивилизации. Когда спрашиваешь у энтузиастов этих проектов "зачем", — они восклицают: "Но ведь так радостно знать, что мы не одни во вселенной!"

Точно так же я скажу и о христианстве. Для христиан тоже жизненно важно знать, что мы не одни во вселенной, что Бог не равнодушен к нам. Нам важно знать, что в глазах Бога, Творца всей Вселенной мы не заброшены, что мы не какие-нибудь ублюдки, копошащиеся на окраине вселенной. Смысл нашей жизни придает то, что Бог не послал нам какого-то вестника, а пришел к нам Сам. Оказывается, в глазах Бога мы что-то значим. Помните капитана Лебядкина у Достоевского, который говорил, что "если Бога нет, то какой же я капитан". Точно так же и здесь: если Бога нет, тогда мы, действительно, просто космическая плесень, покрывшая камень, который носится по окраине Млечного пути. Или, по-другому, если Бог все-таки есть, но Он никогда не воплощался, не становился таким же человеком, как и мы, то в глазах этого Бога мы не представляем никакой ценности, Он не приходил нас искать. А если Бог нас не искал, тогда зачем же нам искать такого Бога, ведь мы все равно Ему безразличны?

Кроме того, для христиан жизненно важно знать и что Иисус — это не порождение земли, не просто один из великих людей, создавших человеческую культуру. Потому что те вещи, которые мы можем создать, мы же можем и разрушить. А христианам важно знать, что в нашу жизнь вошло нечто неразрушимое. То, что не только само не могло бы разрушиться, но еще и нас смогло спасти от разрушения.

Здесь нам придется говорить уже на сугубо религиозном языке, потому что смерть, оказывается, бывает разная. Есть смерть физическая, биологическая, а есть смерть души, которая задыхается без Бога. Вот это безвоздушное пространство языческого мира Христос наполнил Собой, то есть теперь, когда душа выходит из тела, она уходит не в пустоту — она уходит к Богу...

Очень понятно желание многих людей видеть Христа обычным учителем нравственности. Дело в том, что христианство, Евангелие и, вообще, мир Церкви — это мир императивов, мир этики, которая властна совершать над человеком суд. Более того, это не просто суд, который ты сам совершаешь в своей совести над собой. Христианство — это живая традиция, оно может опровергать ложные видения своего учения. Поэтому его труднее переделать в соответствии со своими вкусами, подстроить его под себя, как это можно сделать с какой-нибудь "умершей" религией. К сожалению, Лев Толстой пошел именно этим путем.

— **Михаил Булгаков в "Мастере и Маргарите" тоже пытался "цензуривать" Евангелие?**

— Я бы не стал так говорить. С Булгаковым все намного сложнее, по той причине, что Лев Толстой писал от себя, а несомненно антихристианское Евангелие от Воланда — это Евангелие именно от Воланда, а не от Михаила Афанасьевича Булгакова. Поэтому, в данном случае, отождествлять автора и его персонажа — не логично.

Более того, я думаю, что в определенном смысле, православный Христос был именно таким, как булгаковский Иешуа Га-Наури из "Мастера и Маргариты". Точнее, как бы сейчас сказали, таким был "имидж" Христа, таким Он казался толпе. И с этой точки зрения роман Булгакова гениален: он показывает видимую, внешнюю сторону великого события — пришествия Христа-Спасителя на Землю, обнажает скандальность Евангелия. Нужно иметь удивительный дар Благодати, совершивший истинный подвиг Веры, чтобы в этом запыленном Страннике без диплома о высшем раввинском образовании опознать Творца Вселенной.

Мы привыкли к представлению об Иисусе-Царе, Иисусе-Боге, с детства слышим молитвы: "Господи, помилуй", "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного". А такие произведения, как картины Ге, или, в меньшей степени, Поленова, или тот же "Мастер и Маргарита" помогают нам понять всю невероятность и парадоксальность апостольской веры, почувствовать ее болевой ожог, позволяют нам вернуться в точку выбора...

Что касается отношения к Христу самого автора "Мастера и Маргариты", то лично мне ближе та позиция (мнения на этот счет в церковной среде разные), что Булгаков пробовал дать некое предостережение против доверия к атеистической пропаганде. Для этого он использовал тот прием, который называется *Reductio ad Absurdo*, когда берется позиция оппонентов, и ты заранее соглашаешься с ней, но доводишь их позицию до логического предела, и этот предел оказывается абсурдным...

Дело в том, что на Христа, как на странного и полусумасшедшего проповедника, указывали все атеистические лекторы 20-30-х годов в Советской России. Булгаков не имел возможности прямо спорить с ними по цензурным соображениям, и поэтому он написал "Мастера и Маргариту", где глаза научного атеизма были вставлены в глазные впадины Воланда, и оказалось, что атеизм — это, как раз, взгляд на Христа сатаны, а, отнюдь не просто науки.

— **А как бы Вы охарактеризовали действительно православный взгляд на личность Спасителя?**

— Я думаю, что в православном восприятии Христа главное состоит в том, что для нас Христос неотделим от Церкви. Слова "Тело Христово" в Священном Писании применяются к трем, вроде бы, различным реалиям: к телу Христа, рожденному от

Девы Марии, к литургическому или евхаристическому Телу Христа * и к собранию христиан - Церкви.

В православном ощущении Христос "никакоже отделяется от нас, но неотступно пребывает". Самые дорогие для православного человека слова в Евангелии: "Я с вами во вся дни до скончания века". Из них следует, что Христос - это не персонаж какой-то далекой истории, а та Реальность, в которую мы все погружены. Конечно, время от времени мы, как пробка, выскакиваем из нее по собственным грехам, но, тем не менее, память об этой нашей погруженности, связанной со Христом, все равно остается и руководит жизнью православного человека.

Православный взгляд - это доверие к Богу, как к Творцу истории: Бог есть господин истории, Он пребывает в ней, и вся церковная история - это продолжающаяся библейская история.

Православные церковные литургические тексты говорят: "Днес (т.е. сегодня) Христос идет в Иерусалим... днес висит на древе... днес возносится" и т.д. И ощущение того, что это происходит сегодня, здесь, на той службе, где я сейчас присутствую, - самое главное в Православии. Для православного человека будет казаться странным утверждение, что Иерусалим - это нерусская земля, зарубежье, потому что те события, которые происходят в Евангелии, происходят сегодня, здесь, сейчас, с нами и для нас. Поэтому ни один православный человек не сможет сказать, где же граница святой Руси, ведь она, как минимум, не совпадает с границами Российской Федерации.

— Для далекого от богословских дискуссий человека споры о природе Иисуса Христа, о соотношении в Нем Божественного и человеческого, нередко кажутся внутренними "разборками" между конфессиями, между течениями в христианстве. Неужели вся эта догматика так важна для человека, который хочет просто любить Его?

— Да, это действительно наши внутренние "разборки", но я не вижу в них ничего плохого и противостоящего. Разве не могут богословы серьезно говорить на своем языке? Почему, например, у физиков есть возможность обсуждать свои проблемы в кругу ученых, а как только богословы пытаются все-результатом говорить на интересующие их темы на понятном для соответствующих специалистов языке, они тут же обвиняются в схоластике?**

Жителям Бирюлево может быть абсолютно все равно, что происходит с электронами, и какому закону они подчиняются, но каждому из нас важно, будет ли в его доме гореть лампочка или работать

холодильник. А ведь появление и работа этих приборов - прямое следствие дискуссий среди ученых физиков. То же самое можно сказать и о богословии, потому что последствия споров ученых-богословов очень важны не только для тех, кто в них участвует, но и для всей человеческой цивилизации.

Наша культура очень целостна. Когда стоит красивое здание, то мы видим только то, что находится снаружи: стены, облицовку, рамы и т. д. Но держат все это мощные внутренние опоры, каркас, невидимый нами. Здание нашей цивилизации тоже зиждется на определенных столпах и опорах, создавшихся, в том числе, и в богословских дискуссиях, и если хоть одна опора выходит из строя, то все здание начинает коситься, а сломай их две или три - и здание вообще рухнет.

Я приведу пример подобного, некогда почти состоявшегося, "просчета архитектора". Один из первых споров в богословии был спор о том, считать ли Христа подобным Богу или единым с Ним. Люди, получившие название ариан, утверждали, что Христос Богом не является, что Он не единосущен Богу Отцу. В греческом языке спор шел из-за одной единственной буквы: единый - "омо", а подобный - "оми". Причем этот последний звук передавался двумя буквами - ои. Так вот, если бы только Церковь вставила в догмат эту самую маленькую, незаметную букву греческого алфавита - ѹоту (i), то эта новизна опустошила бы все музеи будущей Европы.

— ???

— Логика была бы следующей: если Христос не Бог, то значит Бог к людям не приходил. Он остался по-ветхозаветному непостижим, трансцендентен и невидим. В этом случае мир христианства стал бы миром безликого Бога, и, как в Исламе или Иудаизме, запрет на Его изображение обрел бы полную силу. Не было бы ни Андрея Рублева, ни Микеланджело, ни Рембрандта; не было бы живописи ни сакральной (иконы), ни светской, как нет ее, например, в Саудовской Аравии или Ираке. Так что все "ненужные" богословские споры, как оказалось, напрямую влияют на жизнь каждого из нас...

Многие люди боятся слова "догмат", но с тем же успехом можно испугаться и слова "мощи". Напомню, что с церковнославянского языка это слово переводиться как "кости", "скелет". Кстати, Честертон говорил, что призыв освободить христианство от догматики сродни призыву освободить меня от моих костей.***

*** "На днях я прочитал в прекрасном пуританского толка журнале: "Освободите христианство от окостеневшей догмы, и вы увидите, что оно - просто учение о Внутреннем Свете". С таким же успехом можно освободить человека от костей" (Честертон Г. К. Ортодоксия // Честертон Г. К. Вечный Человек. М.: Политиздат, 1991, с. 412)).

* Евхаристия – главное Таинство Церкви, во время которого, как верят христиане, хлеб и вино становятся Телом и Кровью Иисуса Христа

** В данном контексте, схоластика - знания, оторванные от жизни, основывающиеся на отвлеченных рассуждениях, не проверяемых опытом

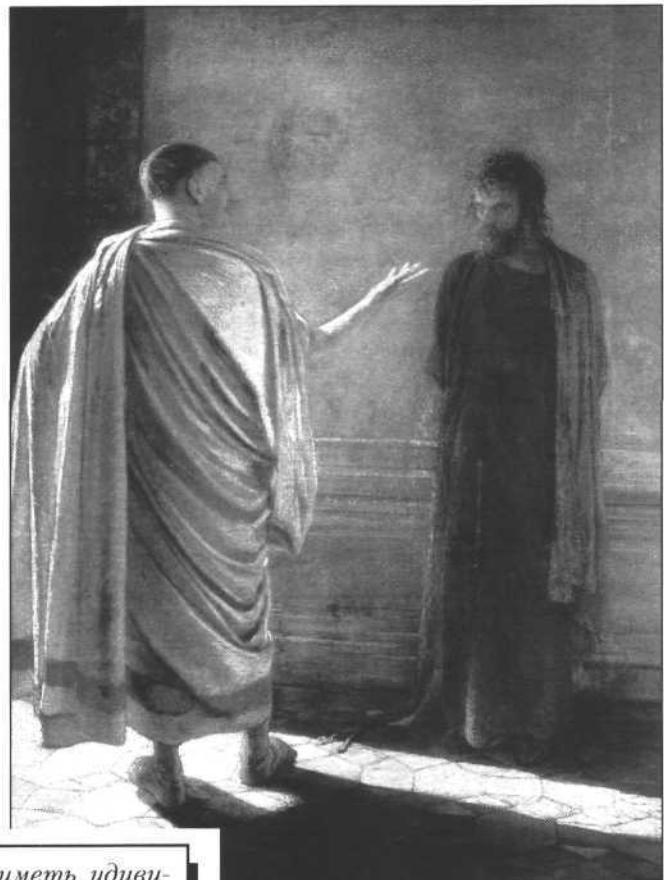
— Церковь утверждает свое преемство от ветхозаветного Израиля. Ветхозаветному Израилю был обещан от Бога Мессия - Христос. На этом строилась (и строится до сих пор) вся история и религия Израиля и иудеев. Но почему же 2000 лет назад в Иисусе из Назарета не узнали обещанного Мессию те, кто был просто обязан Его узнать?

— Это, наверное, главная загадка Евангелия, и ее надо принять именно как тайну. По большому счету евреи не виноваты в том, что не узнали Христа. Не надо путать вину тех, кто кричал Пилату: "Распни Его!", и тех, кто просто прошел мимо. Это разные состояния души.

Апостол Павел говорит, что "никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым" (1 Кор.12: 3). Понимаете, вот идет по улице Иерусалима Иешуа Га-Ноцри, и признать в этом плотнике и странствующем проповеднике Творца Вселенной невозможно, хотя ты можешь наизусть знать Библию, умело "jongлировать" цитатами из нее и наизусть знаешь все пророчества о грядущем Мессии, как знали их многие евреи. Только если Бог откроет тебе Духом Своим, что Иисус есть Господь, что Иисус есть Христос, только в этом случае можно узнать Его. Этот благодатный дар познания Себя дает только Сам Бог, поэтому от Бога зависело, кого Он призовет к апостольству, а кого не призовет.

У сектантов сегодня модно говорить, что "вот, вы церковники офариселись, и если бы сегодня Христос пришел на землю, вы бы тоже Его распяли". Знаете, я глубоко убежден, что так оно и есть. только в этом нет ничего антицерковного. Во-первых, здесь очень важно осознать, что события, произошедшие в Евангелии, произошли с каждым из нас: не за грехи евреев Христос страдает, а за мои грехи. А во-вторых, если бы Христос пришел на землю сейчас с той же целью, что и 2000 лет назад, то есть пострадать, то если такова Его цель - так произошло бы непременно. Другое дело, мы знаем, что второе пришествие Христа на землю будет славным, и, соответственно, вышеупомянутый аргумент уже не будет действовать.

Один священник из Вятской епархии рассказывал мне такой эпизод из своей биографии. Когда он был первоклассником, то часто читал своей бабушке Евангелие (она была очень слаба: плохо видела и с трудом ходила). И вот однажды на Страстной Седмице, когда он читал ей главы, посвященные суду над Христом и Его распятию, бабушка вдруг из последних сил поднялась с кресла, повернулась к иконам, перекрестилась и сказала: "Господи, слава Тебе, что Ты не к нам, к русским пришел, а то ведь какой позор на весь мир был бы".

Николай Ге. "Что есть истина?", 1890 г.

"Нужно иметь удивительный дар Благодати, совершив истинный подвиг Веры, чтобы в этом запыленном Страннике без диплома о высшем раввинском образовании опознать Творца Вселенной."

Вот это очень христианское, правильное переживание Евангелия. Мы не имеем права показывать пальцем и говорить, что "это сделали они, а мы поступили бы иначе". У них не было выбора, потому что выбор мог появиться в том случае, если Господь открывает в твоем сердце знание о том, Кто есть Христос, и тогда ты уже делаешь выбор между ветхим и новым. А если ты этого нового не видишь, если тебе не дано пока такого благодатного знания, то ты и катишься дальше по колесу Ветхого Завета.

Это, конечно, не касается Иуды. Безусловно, он совершил сознательный грех, потому что у него была возможность выбора. Ведь Иуда уже пришел к апостольству, ему уже очень много было открыто, поэтому его положение сильно отличалось от положения обычного жителя иерусалимского пригорода, который об Иисусе только где-то, что-то слышал или мельком Его видел в толпе. Но двенадцать учеников Иисуса, в том числе и Иуда, знали, Кто их Учитель, они знали, что Он Господь и Христос, и могли выбирать. Другое дело, что до момента Воскресения они не понимали Его замысла о спасении.

Беседовали Роман МАХАНЬКОВ и Мария ЗОНОВА

**Отвечает священник Александр ЛАВРИН,
клирик храма Иконы Божией Матери "Живоносный Источник"
в Царицыно, г. Москва**

?

- День добрый. Ситуация такова. Я хочу принять крещение (уже довольно давно). Но налицо факт: уже несколько лет я живу с девушкой вне брака. Мы собираемся обязательно узаконить наши отношения, но не беремся сказать срок, в который это произойдет, т.е. расставаться мы не хотим. Живем вместе. Священник местного прихода сказал мне, что это не помеха моему крещению (т.к. мы стремимся к нормальному браку), но другой священник сказал, что это блуд, и мне следует прежде порвать с ним (с блудом), потом креститься, а затем венчаться. Честно говоря, не представляю себе, как я смогу это сделать. Скорее всего, это для меня невозможно...

Но это очень важно для меня, подскажите, как быть. Креститься хочу не для проформы, искренне.

Спасибо за ответ.

Олег

Уважаемый Олег,

хотелось бы сначала уточнить, какой смысл Вы вкладываете в слова "узаконить отношения": роспись в загсе или "...креститься, а затем венчаться". Дело в том, что Церковь принимает гражданский брак. Она утверждает, правда, что он безблагодатный, но не говорит, что это блуд. Последним называется сожительство без оформления отношений.

Это и понятно, так называемый штамп в паспорте никогда не бывает только формальностью. Он говорит о том, что молодые люди готовы (т.е. не боятся) взять на себя всю полноту ответственности (в том числе и юридическую) за будущую семью и, безусловно, доверяют друг другу. Если отношения таковы, то "документы" действительно становятся пустяком и формальностью, поэтому делаются легко и естественно.

Если же этот "пустяк" сделать трудно, то он перестает быть и формальностью. Как правило, это результат неуверенности в отношениях (в себе, друг в друге). Но все же в основе сердечных человеческих отношений лежит доверие. Тоже и в вере. Мы не просто признаем факт существования Бога. В конце концов, два человека могут знать друг о друге, что

да, они существуют, но в жизни, как говорится, так и "не пересечься".

Вера как раз и складывается из доверия и верности, как к Богу, так и к человеку, а в основе ее лежит либо стремление любить, либо уже реальная любовь.

Взрослый человек крестится, как правило, тогда, когда он в жизни пытался найти правду, встретил на этом пути Бога, открыл Евангелие - свидетельство Иисуса Христа о самом Себе, познакомился с Его заповедями и сам бы захотел их исполнить. Для того ведь и крестятся, чтобы стать причастным Богу и Его помощью исполнить Евангельскую жизнь. Но это предполагает безусловное согласие с Его словом.

Так и в жизни, если мы кого-то любим, каждое слово и каждый нюанс жизни любимого человека для нас значимы.

Что касается венчания, что ж, до него, действительно, в известном смысле, нужно дорасти, ибо смысл его в том, что люди, познав ограниченность своей любви, хотят благодатных отношений, когда их уже не двое, а трое - между ними Христос.

Поэтому, формально, Вы, конечно, можете креститься, исповедав свою веру в Иисуса Христа как Сына Божия. Но если "жить с девушкой вне брака" - Ваша принципиальная позиция, Вы сразу войдете в противоречие с самим собой, поскольку, как сами говорите, хотите креститься искренне. Ведь тогда искренне же Вы захотите исполнить и Христовы заповеди.

Но самое главное, если Вы не хотите расставаться со своей любимой девушкой, то по существу, ничего не должно Вам помешать жениться на ней и строить настоящую семью.

* * *

Добрый день Вам,

я считаю себя формально возвращающим человеком - то есть иногда захожу в церковь, нерегулярно исповедуюсь - делаю это, в общем, по собственному принуждению, скорее, чем по внутреннему желанию. Более того, регулярно совер-

шаю достаточно грешные с точки зрения церкви поступки - вступаю в половую связь с женщинами. Вопрос такой: имея понимание на словах, что блуд и прелюбодеяние - это плохо - я этого совершенно не чувствую, хотя и хотел бы. Внутренне мне совершенно неочевидно, что соитие двух людей - грех. При этом я достаточно искрение хочу заставить себя изменить свое поведение. Не могли бы Вы или отослать меня к литературе, которая бы помогла мне избавиться от моих греховных помыслов, или дать свою аргументацию. Спасибо Вам.

Илья

Уважаемый Илья,

мне бы хотелось начать с реплики. Вы утверждаете, что Ваши походы в церковь и "нерегулярные" исповеди - это результат не внутреннего желания, а собственного принуждения. В связи с этим, хочу заметить, что принудить самого себя к чему-то можно исключительно по "внутреннему желанию".

Поясню, почему мне кажется это важным. У нас могут возникать желания вне зависимости от нашей воли, как бы сами по себе. Но есть и такие, которые продиктованы именно волей и убеждением.

"Христианами не рождаются, ими становятся", - говорил один из первых апологетов христианства Тертуллиан. И действительно, человеку, который решил жить по-христиански, многое в себе приходится пересмотреть. Сначала эти шаги не столько четко сформулированные, сколько совестно-интуитивные. Мне кажется, так и у Вас.

Первой функция совести - направлять, если мы ей не внимаем - обличать. Не только на втором, но и на первом этапе, следование ей, как правило, требует преодоления себя. Писатель В. Кожинов как-то очень честно и метко сказал: "Худое всегда делается само собой, а на любое добро требуется усилие".

Так же и с Вашим вопросом. Немножко перифразируя: Вы "понимаете" по убеждению, по согласию со Св. Писанием, "что блуд и прелюбодеяние - это плохо, грех", но, по чувству, для Вас это "не очевидно". Я думаю, все же, что Вам необходимо не столько чувство само по себе (любой грех как раз тем и силен, что он - сладок именно по "слепому" чувству), сколько некий взгляд, понимание, которые бы дали Вам ощущение правды.

Есть прекрасные слова религиозного писателя Сергея Фуделя: "Половое чувство не только неизбежно в брачной любви, но оно и благословлено в

ней. Однако ужасно, если брак строится только на нем. Основать брак можно только на дружбе, а пол пусть приходит после и только тогда, когда это нужно. Пол ненасытен как чудовище, и поэтому нельзя на нем строить брак. Пусть даже и верно то, что всякая дружба с женщиной пронизана полом. Мы и не собираемся быть бесполыми. Но одно дело - собака на цепи, а другое - она же у меня на столе со всеми четырьмя лапами, пожирающая мой обед".

Неслучайно Вы пользуетесь словами не "люблю", а "вступаю в связь". Любить - это способность отдавать, во втором случае - желание взять. Любовью не занимаются, ее переживают. Это прежде всего сердечные отношения, когда интересы, сама жизнь другого становятся твоими.

Понятно, что любовь охватывает всего человека - и душу, и тело. Но если правильно выстроены сердечные отношения, то и плотская жизнь приобретает тот же вектор - "отдать, а не взять". Это возможно только в браке, где личная жизнь - общая, и делятся, а лучше сказать, вместе переживаются и преодолеваются все радости и горести.

Если же на первом плане стоит "соитие двух людей", то не учитываются, в данном случае, прежде всего сами эти люди. Не случайно для них придуман даже специальный термин - "партнеры". У каждого из них своя личная жизнь, в которую "насерьез" они друг друга никогда не впустят. Поэтому "партнеры", по существу, друг другу вполне безразличны, и легко меняются. Не расстаются друзьями, нет, просто человеческие отношения - мертвые, поэтому и ссориться-то чего...

Ну, а так как Церковь всегда во главу угла ставит именно человека, его душу ("...что человеку, если он весь мир приобретет, а душу свою потеряет"), она и призывает людей к строительству сначала духовных отношений, чтобы люди стали прежде всего дороги друг другу, сроднились. Тогда и к физической близости будет иное отношение, и она займет свою нишу.

P.S. Митр. Антоний Сурожский как-то заметил, что для любящих единственный человек другого пола - любимый, любимая, все же остальные люди как бы бесполые. Поэтому к браку человек себя готовит. Если он хранил чистоту (прежде всего внутри себя, конечно), то и отношения будут крепкими и верными. Если же нет, то даже при теплом, сердечном, казалось бы, чувстве к "своей половине", он внутренне, увы, неизбежно, будет возвращаться (пока не покается) к тем образам и переживаниям, которые ему услаждали и к которым так привыкла его душа.

"Любовью не занимаются, ее переживают. Это прежде всего сердечные отношения, когда интересы, сама жизнь другого становятся твоими".

Может ли христианин читать фантастическую литературу ?

Приглашение к разговору

Рис. А. Ахмад

Количество любителей фантастики кажется почти неисчислимым, и ему вполне соответствует количество изданий и тиражи фантастических книг. Но немалое число людей принципиально отвергает этот род литературы, в том числе и из религиозных соображений. Мы поинтересовались, что думает по этому поводу редактор журнала "Альфа и Омега" Марина Андреевна ЖУРИНСКАЯ и записали ее пространный ответ, который и предлагаем вниманию наших читателей..

Это замечательный вопрос, хотя бы потому что ответ на него способен кого-то повергнуть в изумление, а изумляться полезно. Наверное, предполагается, что я, редактор православного просветительского журнала, скажу — “ни в коем случае”. Но я скорее склонна утверждать, что только христианин фантастику читать и может, другое дело — захочет ли. Самое общее объяснение этому таково: только христиане, в противоположность тому, что пишут о них люди неосведомленные, обладают некоторой трезвостью рассудка, которая и необходима для того, чтобы эту фантастику читать и не пополнять при этом ряды граждан, мягко говоря, с неустойчивой психикой.

А на еще один вопрос, возникающий следом за первым, — захочет ли христианин читать и воспринимать эту самую фантастику, можно ответить по-разному, потому что христианин в течение своей жизни все время развивается, все время меняется. Известно, что **биологически** человек начинает умирать с первым вздохом, который уже амортизирует его легкие, с первой мыслью, которая нагружает нервные клетки мозга... А тот, кто устремлен ко Христу и в жизнь вечную, растет всю жизнь, он, напротив, развивается до последней секунды своей земной жизни. На каком-то этапе существования человека и художественная литература, и всякое светское искусство могут быть ему чрезвычайно полезны, потому что способствуют тому, что Флобер называл воспитанием чувств, а мы можем назвать душевным взрослением.

Прискорбно, что сейчас очень многие увлечены идеей, что для того, чтобы духовно возрасти, надо уничтожить в себе душевное, то есть эмоции и страсти. Идея, конечно, основывается на словах великого апостола Павла (точнее, на недопонимании того, что слова эти прямо отнесены ко всеобщему воскресению), но только для того, чтобы их уничтожить, надо их для начала иметь. Человеку, совершенно не развитому душой, духовно возрас-

тать просто не на чем. Душа от Бога, и обращаться с ней так безжалостно совсем нехорошо. К тому же есть страсти, называемые дозволительными, которые испытывал и Христос: голод, жажда, усталость, потребность в сне. Наконец, есть высокие душевые движения, и первое из них — сострадание (а сострадание порождает милосердие).

Много лет назад я разговаривала с одним молодым человеком, который недоумевал: в каком смысле говорят о страстях Богородицы? Я начала было говорить: ну как же, ведь Она стояла у креста, когда убивали Ее Сына... — И мне ответили: “Ну и что же? Ведь Ее саму никто не мучил?” — Вот вам человек, отринувший душевное, но хорошо ли это?

Так что большая литература может способствовать возрастанию души молодой, неопытной, неразвитой, наконец, черствой. И только люди, далеко ушедшие по пути духовной жизни, в ней просто уже не нуждаются. Но разве может человек сам определять степень своего духовного возрастания? Не является ли стремление “вырваться в чемпионы” в этой области верным признаком недостаточной духовности?

И прежде чем говорить о фантастике, можно спросить: так полезно или не полезно читать **художественную** литературу? Ведь это тоже вымысел? — Как кому; в зависимости от умонастроения, в зависимости от того, как она воспринимается. Если человек воспринимает ее как непрекращающийся авторитет и учебник жизни, то лучше ему ее вообще не читать.

Это наша национальная беда, оборотная сторона существования нашей великой русской литературы. И писатели у нас претендуют прежде всего на роль учителей жизни; есть даже такая поэтическая цитата, ставшая расхожей фразой: *поэт в России больше, чем поэт*. Ну и напрасно. Мы знаем, что Лев Толстой как-то очень легко поменял свою позицию прекрасного писателя на позицию сомнительного учителя, и гораздо лучше себя чувствовал в позиции сомнительного учителя, чем в позиции замечательного писателя.

Это общее замечание о таком восприятии литературы, которое никому не полезно. Сколько мы видели людей, которые, отдавая или не отдавая себе в этом отчета, руководствуются в своей жизни не здравым смыслом, не Евангельским учением, а художественной литературой. Девушки стараются себя вести, например, как Анжелика из французского сериала. Это для них пример, образец и так далее. Но ведь дело не в том, что она вела себя не вполне по правилам добродетели; а в том, что ее вообще не было; это фантом, а гнаться за фантомом — дело заведомо проигрышное.

Это погружение в мир литературы, в мир фантомов, никому не полезно - независимо от того, чего человек хочет и чего не хочет. Это — уход от реальных дел в мир иллюзий.

А между тем какой пример для подражания дает нам пушкинская Татьяна? — глубина чувств, мягкость и доброта, стойкое следование долгу, тонкий ум, безупречное умение держаться... Вот ей, в виде исключения, можно было бы и подражать. Но трудно. Да и Наташе Ростовой можно было бы подражать, но только не в том, как она очертила голову бежала с Анатолем, а в том, как серьезно и глубоко в этом раскаивалась. Вот тут бы почитать — и понять, что и убегать-то не стоило...

И в том, что есть книги великие и пошлые, и воспринимать их нужно трезвым разумом и глубоко чувствуя, а не скользя по сюжету, фантастика ничем не отличается ни от какой другой литературы. Различие начинается дальше, оно, так сказать, в степени искажения реальности. Писатель старается что-то написать про окружающий его мир, насколько он его понимает. Если он крепкий атеист (выражение заимствовано из "Писем Баламута" Льюиса, там это комплимент — в устах бенса), то он создаст сугубо искаженную картину мира. Если голос Божий как-то ему слышен и внят, эта картина, скажем так, будет стремиться к полноте, но останется неполной, — именно потому, что не все, возможное Богу, людям тоже возможно, и создать вселенную со всем множеством "ддерживающих" ее взаимосвязей и соответствий, и определить в ней людские судьбы человеку не по плечу. А писатель-фантаст принципиально строит мир, не совпадающий с реальным, и при этом чаще всего исходит из обезбоженной картины мира.

Почему принципиально? — А как вообще возможно для христианского сознания заниматься фантастикой, в смысле ее писать?¹ Это же мечтание. И какая может быть фантастика в мире, определенном тем, что он Богом создан, Богом одобрен (это хорошо, — приговаривал Творец во дни творения), Богом управляемся и устремлен к Богу? Я не хочу сказать, что все в мире жестко детерминировано, но места для произвольных или тем более тенденциозных домыслов в этой системе нет или почти нет. Тварный мир абсолютно реален — как в видимой, так и в невидимой своей части. А если начнутся домыслы, то христиане должны знать, что это мечтания, а мечтания — вещь чрезвычайно вредная, потому что уводят разум из мира Божественной реальности в мир неизвестного чего; это — блуждание разума.

¹ Исключения существуют, о них чуть позже, но сразу скажем, что есть два жанра христианской литературы, тяготеющие к фантастике: притча и видение.

Правда, есть в христианской литературе жанр *видений*, или *снов*, довольно обширный (самый известный сейчас пример этого жанра — "Расторжение брака" К. С. Льюиса), но авторы его честно предупреждают о том, что излагают порождения своего воображения. И, кстати, существует множество признаков того, от кого видение — от Бога или от противоположной стороны.

Научная фантастика возникла в конце XIX века. Это была песня, гимн торжествующей науке. Вообще XIX век человечество прожило в некотором угаре, с одной стороны — вооруженной борьбы за социальную справедливость (это только сейчас, после кровавых проб и роковых ошибок, некоторые стали постепенно догадываться, что это дело ни к чему хорошему не ведет), а во вторых — твердой уверенности, что наука все развивает, все превозмогает, все скорби человеческие снимает, что существует научно-технический прогресс и этот прогресс ведет людей к какому-то необозримому счастью. Но уже более полувека назад один очень грустный человек, юморист Илья Ильф, заметил, что в фантастических романах самое главное было изобретение радио, при нем ожидалось всеобщее счастье человечества. Радио уже давным-давно есть, а счастья все еще нет.

Могу добавить, что знаю замечательный юмористический фантастический рассказ, где всеобщее счастье человечества связано с уничтожением не только радио, но и электричества, без которого человечество возвращается к более-менее пристойному существованию в небольших городах — без скоростей, без телевидения, без рекламы, без этой сумасшедшей гонки. Вместо того, чтобы смотреть телевизор и при этом пить какие-то сверхжуткие алкоголя, люди в этих маленьких городах собираются по вечерам и музицируют при свечах, у них маленькие камерные оркестры. Вообще проводят время осмысленно и приятно и не пьют ничего крепче домашнего вина и пива. Это, кстати, уже чистая фантастика, потому что самогон изобрели без всякого электричества и спирт тоже гнали без него...

К вопросу об эволюции этой самой научной мысли. Известно, что первым научно-фантастическим романом считается "Ральф 124641+" Хьюго Гернсбека (если эти цифры прочесть по-английски, то получается смысловая фраза); это роман про светоч человечества, имеющий просиять в отдаленном будущем... Читать безумно смешно, потому что, что бы ни случилось, Ральф тут как тут со своими изобретениями, вся нелепость которых нам уже понятна. Даже несколько утомляет, потому что он на все случаи чего-то изобрел, и ледяные лавины уничтожает (конечно же, лучом), и

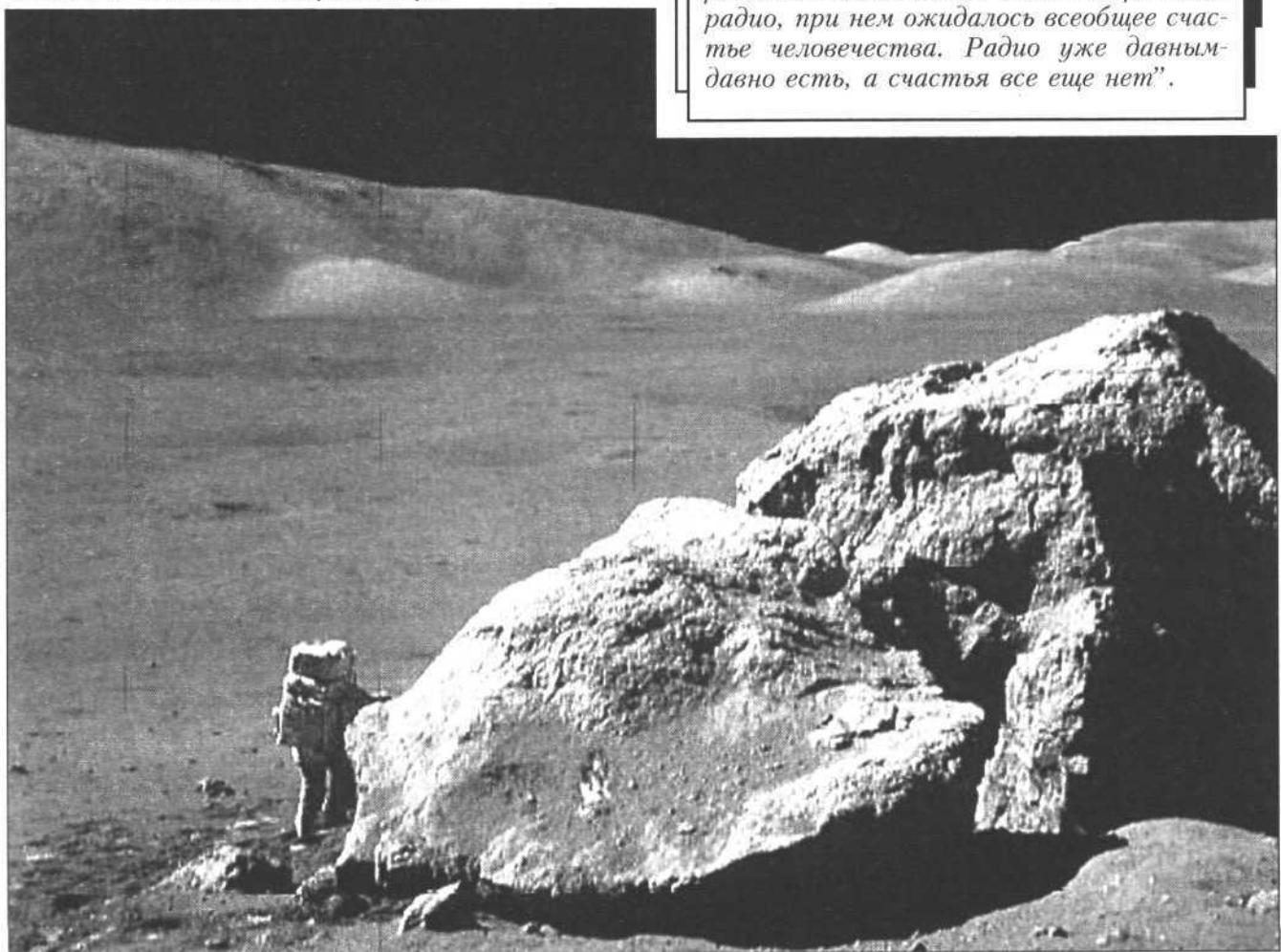
урожай невероятные снимает (конечно же, держа поле под электрическим напряжением, — тогда не было линий высоковольтных передач, и об их реальном воздействии на растительность и на людей ничего не знали, но полагалось на всякий случай считать, что электричество — это прогресс, а всякий прогресс на пользу), и даже мертвых воскрешает строго по-научному.

А сам сюжет ничем не отличается от Майн Рида, обычный приключенческий сюжет, только вместо злобного индейца, как часто бывает у Майн Рида, и еще более злобного мулата (тогда политкорректности еще не было) существуют злобные расово неполноценные марсиане, которые строят герою козни, похищают девицу, которую он обожает, потом эту девицу даже убивают (очевидно, цитируя при этом "Бесприданницу": *так не доставайся же ты никому*; естественно, эту девицу он и воскрешает). Сейчас хорошо видно, какое это жалкое и беспомощное явление как со стороны литературы, так и со стороны силы

научного предвидения. А между тем в Америке существует одна из самых престижных премий в области фантастики, она называется "Хьюго" по имени автора этого романа. Как представляется, объяснить это можно только глубокой признательностью первопроходцу, проторившему пути к коммерческому успеху.

Вот вам в принципе и вся научная фантастика. Во-первых, она строится на обожествлении науки, на оголтелой вере в то, что наука может снять все проблемы человечества. А поскольку фон — обезображенность мира, то вопрос о том, снимаемы ли в принципе эти проблемы, не задается вообще. Вся научная фантастика идею сотворенного и падшего человечества просто не воспринимает; для нее никакого падшего человечества

"Аполлон-17". Высадка на поверхности Луны

"...уже более полувека назад один очень грустный человек, юморист Илья Ильф, заметил, что в фантастических романах самое главное было изобретение радио, при нем ожидалось всеобщее счастье человечества. Радио уже давным-давно есть, а счастья все еще нет".

нет, а вот есть у человека мозги, непонятно откуда взявшиеся, и с помощью этих мозгов он может все изобрести.

Была такая советская песня: *мы все построим, найдем и откроем*. Там же были слова, которые сейчас воспринимаются исключительно как горькая ирония: *когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой*. Действительно, в течение многих десятилетий у нас героем становилась, допустим, женщина, которой надо было купить валенки для ребенка: усилия, которые она при этом прилагала, явно тянули на героический подвиг; без героизма выжить физически было невозможно.

Таков в общем мир научной фантастики. Стоит ли ее читать? – Историку литературы – да; тому, кто интересуется философией науки – да; тому, кто хочет наглядно убедиться в том, как же люди могут заблуждаться – пожалуй, если у него много лишнего времени и он понятия не имеет, что лучше бы обратиться к собственной биографии.

Разумеется, в научной фантастике есть свои шедевры, и здесь в первую очередь нужно помянуть добрым словом приключенческие романы Жюля Верна – клад для воспитания подростков. Но дело в том, что Жюль Верн – сначала добрый и хороший человек и способный беллетрист, а затем уже фантаст. Тем, кто склонен к размышлению, можно предложить сравнить “Робинзона Крузо” и “Таинственный остров”: Робинзон вооружен Библией, вынужденные мигранты-островитяне – наукой. И никто из них не хуже.

Сейчас такая фантастика почти целиком вытеснена тем, что называется *fantasy*: это сказки для взрослых. Но дело ведь не в технической подоплеке фантастических произведений, а в их направленности. Кстати, в XVIII веке тоже была какая-то фантастика, и она носила чисто оккультный характер; эта оккультная фантастика сильно связана с грядущим романтизмом. Между тем, Пушкин в своих стихах назвал романтизм парнасским атеизмом, потому что мир в представлениях романтического писателя – мир в лучшем случае обезбоженный, а в худшем Бог просто-напросто враждебен герою, стремится его уничтожить. Но вот существует же изречение *Бог гордым противится*, так что не все тут ложь; как раз гордыня непомерная – отличительная, если не главная черта романтического героя, и не случайно в “Трех разговорах” Вл. С.

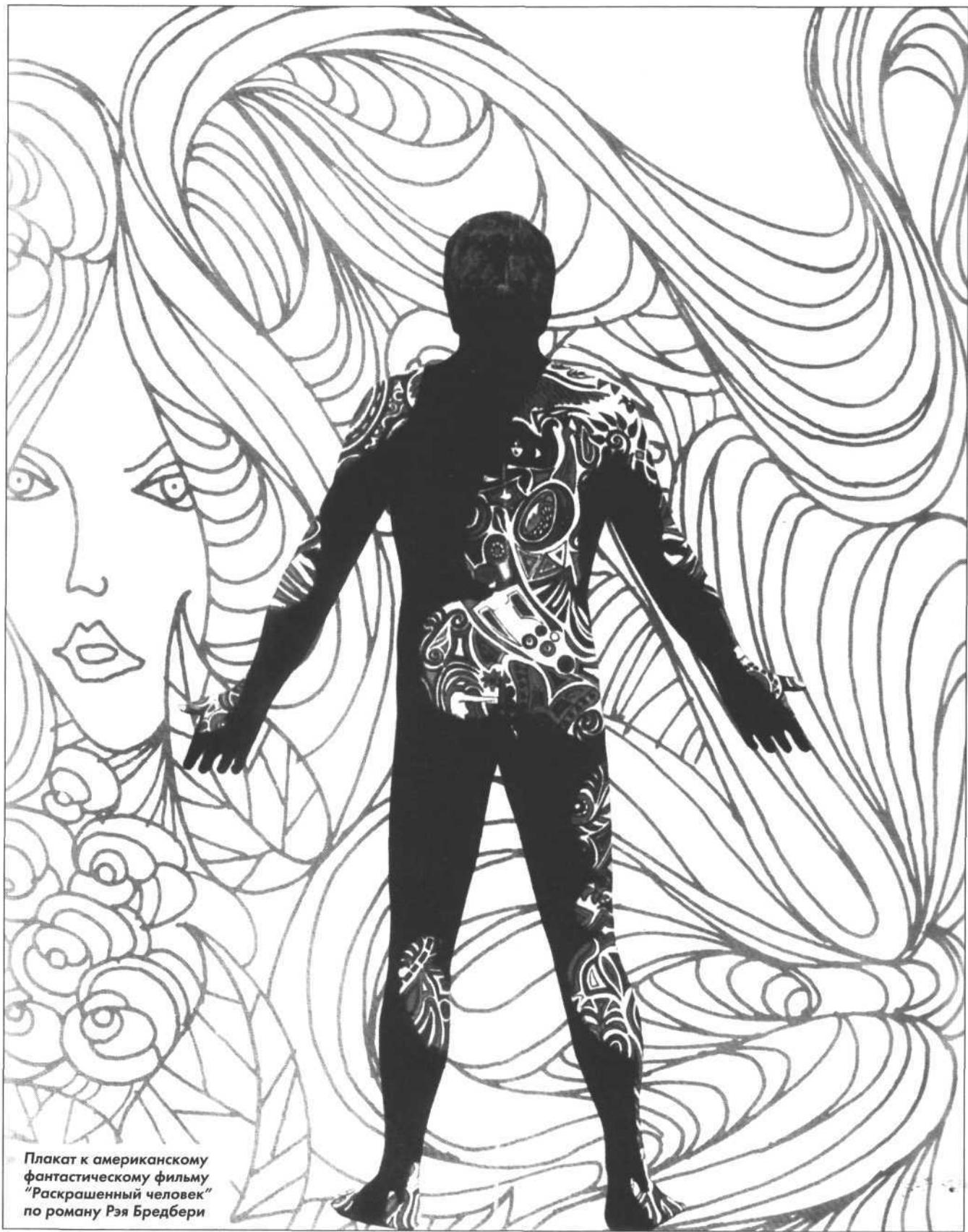

“...романы Жюля Верна – клад для воспитания подростков. Но дело в том, что Жюль Верн – сначала добрый и хороший человек и способный беллетрист, а затем уже фантаст”.

Иллюстрация к первой новелле Жюля Верна “Путешествие на Луну”, которая была опубликована в 1865 году.

Соловьева монолог антихриста перед тем, как он отрекается от Бога и предается сатане, выдержан в романтических тонах и произносится в романтической обстановке. И от старинных повестей вроде “Влюбленного дьявола” до наисовременнейших фэнтези наблюдается одна характерная деталь: они повествуют о мире, где Бога вроде бы нет, в лучшем случае Он кроется где-то на заднем плане и только в finale карает нечестивцев, – но это вовсе не Бог Авраама, Исаака и Иакова, а просто-напросто *deus ex machina*², нехитрое театральное устройство для ублаготворения цензуры. Зато сатана действует во всю силу. Герои посто-

² *Deus ex machina* (буквально ‘бог из машины’) – атрибут позднеантичного театра: божество, спускавшееся на сцену сверху (с помощью механизма) и разрешающее сюжетную коллизию.

Плакат к американскому
фантастическому фильму
“Раскрашенный человек”
по роману Рэя Бредбери

пришествия таковы: все становятся здоровыми и вежливыми и к капитанским грубостям безразличными. И только.

И тут мы попадаем в болевую точку очень серьезных людей, со всей серьезностью считающих, что писать про множество обитаемых миров — это страшная ересь. Но ересью не может быть то, что не противоречит Писанию и Преданию, где про это просто ничего не сказано. Господь создал Землю и нас — кто может помешать Ему создать другие земли и других людей? Кто может воспрепятствовать тому, что где-то во вселенной живет народ Божий, избежавший грехопадения? Кто может возражать против того, что Христос спас несколько планет?

Попросту говоря, наличие или отсутствие во вселенной других разумных существ не имеет никакого отношения к делу нашего спасения, поэтому об этом в Библии ничего не сказано и никакого богословия на этом основании не построишь. Лично мне близка мысль о том, что мы во Вселенной уникальны и что весь гигантский космос — просто устройство “сдержек и противовесов”, необходимых для того, чтобы наша маленькая Земля имела такие астрономические параметры, которые допускают образование на ней жизни. Или космос — это то пространство, которое будет вручено нам для освоения в жизни будущего века. Но это только моя личная идея, вовсе не богословская. А вот построил же Льюис апологию христианства на допущении существования иных обитаемых миров (см. его “Фантастическую трилогию”)!

Однако вернемся к антиутопиям. Все антиутопии сближают именно то, что авторы игнорируют. Промысл Божий, не хотят (или не могут?) увидеть; что Господь управляет миром и не попустит ни свершения тех ужасов, которые они как бы предсказывают, исходя из современной ситуации, ни тем более исправления этой ситуации предлагаемыми ими способами. Не хочется оперировать жесткими определениями, но в антиутопиях есть что-то от лжепророчества.

Здесь самое время сказать о том существенном уточнении, на которое выше уже был некий намек: социальная фантастика (высокого качества, разумеется; о фантастических опусах, рисующих “благодатные” последствия претворения в жизнь решений пленумов мы просто говорить не будем) обычно основывается на какой-то философской системе, поэтому правильнее было бы называть ее социально-философской.

“...на самом деле это ужасно; чего стоят одни коровы светлого коммунистического будущего, от которых живьем отрезают куски мяса, а им якобы все равно, и мясо снова нарастает...”

Особого рассмотрения заслуживала бы фантастика, в которой набросок общественного устройства призван лишь иллюстрировать философские положения, но она, как правило, скучна и, как говорил Зощенко, *высокомалохудожественна*, так что и говорить о ней следовало бы в философском журнале. Однако и здесь есть маленькие радости: юмористические произведения. Близкий пример обыгрывания философии времени — “Фантастическая сага” Гарри Гаррисона. Философии там мало, юмора очень много, главный философский вопрос остается без ответа, и

от этого еще веселее. Вообще следует заметить, что лучшие фантастические книжки — это книжки юмористические, и невыносимо было бы читать рассуждения Саймака в “Заповеднике гоблинов” о преходящих вселенных и о способах передачи знания от одной вселенной другой, если бы не масса юмористических персонажей и положений.

Пожалуй, один из лучших фантастико-юмористических рассказов мне придется пересказать,

благо он очень короткий, потому что я не помню ни автора, ни заглавия. Некий нью-йоркский мусорщик считает, что не во время он родился, что в дивные стародавние времена жизнь его была бы прекрасна. Появляется некто, говорящий, что в отношении героя была допущена ошибка, что он живет не в своем времени и что при его согласии это можно исправить. Тот с энтузиазмом соглашается и переносится во двор средневекового замка. Из конюшни выходит некто с вилами и говорит: “На, иди навоз кидай. Дело нехитрое, постараешься, так научишься”.

Поскольку качества произведения, в том числе и чисто литературные, как правило, зависят от того, какая философия (имеется в виду качество философской теории, оцениваемой по степени ее адекватности реальному положению вещей в мире) кроется за тем или иным проектом мироустройства, мы можем говорить о социальной фантастике как таковой лишь тогда, когда ее собственно философская составляющая скучна и/или убога.

Замечательно в социальной фантастике именно ослепление автора, о котором было сказано выше на примере братьев Стругацких: авторы считают, что то, что они описывают как выход из положения, прекрасно, а на самом деле это ужасно; чего стоят одни коровы светлого коммунистического будущего, от которых живьем отрезают куски мяса, а им якобы все равно, и мясо снова нарастает;

правда, шрамы остаются и непонятно, как обстоит дело с обезболиванием, но это такие мелочи... Это такой странный мирок, в который автор повергает читателя, и чем больше прочтешь таких произведений, тем более это явственно. Хорошо еще, что таланты авторов зачастую ограничены, а то писали бы с такой же силой, как Эдгар По про низвержение в Мальстрим или про колодец и маятник — никакая психика бы не выдержала.

И вот еще как смешаются понятия о добре и зле в этих мирах (естественно, в соответствии с представлениями авторов): в антиутопиях прозрачность — это чуть ли не предельный кошмар (не надо забывать, что наиболее известные антиутопии антитоталитарны): у Замятина дома прозрачны, и люди (уже не люди, а *нумера*) не имеют права задергивать занавески; у Набокова в "Приглашении на казнь" Цинциннатуса казнят за то, что он не прозрачен; у Оруэлла каждое помещение прослушивается и просматривается. А вот у Стругацких в их светлом коммунистическом будущем прозрачны помещения интерната, где воспитываются светлые коммунистические дети, и считается, что это хорошо и правильно!

Про Стругацких написаны, наверное, сотни статей. А о таком совпадении кто-нибудь писал? Боюсь, что нет, боюсь, что у критиков и читателей, увлеченных идеей светлого социального будущего, это не вызывает никаких нареканий. Поэтому я дерзну утверждать, что социальная фантастика — это наихудшая из всех видов фантастик (может быть, хуже даже просто сатанинской, с которой хоть все ясно), потому что очень часто ее авторы честно и искренне считают добром самое гнусное из всего, что можно себе представить.

Иногда авторская честность выводит создателей таких произведений к горькой правде; у тех же Стругацких есть роман "Далекая Радуга" (почти не переиздающийся, кстати!), в котором увлеченные исследователи, убежденные в том, что разум превыше всего и что не должно быть границ у научного исследования, губят целую планету (нет, нет, не Землю, конечно, а услужливо найденную в космосе ее очень схожую копию) вместе со всеми своими собратьями. При этом происходит ряд сцен, благородных и не очень. Так, при срочной эвакуации (только дети, для других места нет) выясняется, что жена большого начальника имеет право лететь вместе со своим сыночком, который не ин-

тернатский, и без мамы ему будет плохо. Тем самым на гибель обрекается несколько детей (дама увесистая), но благородные герои признают, что у этой дамы право на это присутствует. И это далеко не единственный в советской фантастике пример того, что ее авторы не мыслят светлого будущего без Большого самоуправства Больших начальников, иллюстрируя тем самым великий тезис антиутопии Оруэлла: "Все животные равны, но некоторые более равны".

Чувствую необходимость объясниться: в общем братья Стругацкие — хорошие, честные писатели, только не надо делать из них гуру. Их "Понедельник начинается в субботу" — отменно веселая книжка в жанре капустника (правда, можно было бы обойтись без беззлобной, но все же карикатуры на Творца), и в ней содержится блистательная пародия на социальную фантастику. "Пикник на обочине", напротив, книга значительная, горчайшая, состоящая из достаточно глубокого текста и множества к нему подтекстов. Опять-таки жаль, что когда герой окончательно ожесточается (а за ним кое-что уже числится — он отдал страшное средство разрушения явно кому-то не тому) и направляется к источнику счастья, которому нужно приносить человеческие жертвы, а в качестве таковой берет с собой, как он считает, бездумнейшего балбеса-плейбоя, тот перед смертью желает СЧАСТЬЯ ДЛЯ ВСЕХ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫМ!

Согласно условиям "игры", желание исполнено не будет, герой остается в полном нравственном параличе. "Трудно быть богом", резонно говорят писатели, но им-то самим как трудно без Бога³!

Только не надо думать, что социальная фантастика исчерпывается социалистической. В самом раннем романе К. Саймака, писателя, заслуживающего интереса, среди самых блестящих и абсолютно неправдоподобных достижений техники фигурирует способ передачи энергии, позволяющий жульничать на бирже.

Наибольшего внимания заслуживает та фантастика, которую мы с тем или иным основанием называем философ-

³ Очень жаль по-человечески Б. Н. Стругацкого, который так ратовал за свободное исследование, производимое свободными людьми — и дожил до соответствующих условий, и увидел, как массы его свободных соотечественников ринулись в астрологию. Это и нам, христианам, неприятно, но мы-то на Бога *уповаем, а каково это ему, звездному астроному, которому не на Кого уповать!

“...тогда непонятно, зачем людям прогресс, если нынешние злодеи могут убить человека заточкой, а грядущие – бластером, который уже давно переходит из одного произведения в другое (причем разных авторов) и про который известно в основном то, что он убивает лучше заточки?”

ской за то, что она обращается к основным вопросам бытия. Казалось бы, самое время ее за это похвалить, но мешает все то же – полная обезображенность Вселенной. Правда, время от времени в таких романах появляется некий Высший Разум, локализованный где-то в космосе, но невообразимо далеко от тех мест, где обретаются персонажи. Этот Разум иногда вроде бы имеет какое-то отношение к созданию космоса, но чаще это какой-то диспетчер, арбитр, который решает, имеет ли право на существование та или иная цивилизация или даже галактика. При этом он абсолютно бесстрастен и руководствуется совершенно непонятными критериями; проблема добра и зла его не касается, он про это не слышал.

Иногда роль такого Разума берет на себя цивилизация, настолько далеко западшая в своем развитии, что ее представители утратили материальность, но приобрели какие-то сверхзнания, позволяющие им судить, рядить и вообще распоряжаться в космосе. При всем их бесстрастии они почему-то всегда на стороне землян (а иначе кто бы книги покупал – без хорошего-то конца?). И я очень боюсь, что “наука” уфология (точнее было бы политкорректно назвать ее состоянием) родилась из чтения подобной литературы.

В философской фантастической литературе вся проблема совершенствования человека и цивилизации сводится к объему знаний; негласный ее лозунг *знание – сила*, что совпадает с названием популярного советского журнала. Прочие свойства и качества современного человека остаются незыблыми во все века.

В общем-то, это правильно и с богословской, и с коммерческой точки зрения. Но тогда непонятно, зачем людям прогресс, если нынешние злодеи могут убить человека заточкой, а грядущие – бластером, который уже давно переходит из одного произведения в другое (причем разных авторов) и про который известно в основном то, что он убивает лучше заточки? Во многих случаях описание блестящего будущего похоже на глянцевую рекламу. Вам, например, в нашей нынешней жизни показывают обои, пленяющие красотой (на картинке),

Плакат к американскому фантастическому фильму
“Бесшумная пробежка”

но такие дорогущие, что купить их вы не сможете. А у автора-фантаста вы читаете про обои, на которых рисунки живые. Их вы тоже купить не можете. Упражнение для размышления на досуге: в чем тут фантастика и в чем — реализм?

А что бывает, когда фантастика обращается к религиозным проблемам? — по большей части ужасная чушь, если не кощунство. Множество антирелигиозных агиток в самом разудалом стиле написал, например, Станислав Лем, автор прославленного (Тарковским) "Соляриса". Один из рассказов Артура Кларка содержит в себе настолько отвратительную "фантастическую" версию появления звезды Вифлеема, что оторопь берет. В нескольких романах того же Саймака прогресс неотрывно связан с освобождением от религиозного дурмана, в других романах (его же) человечество сплошь ударились в атеизм, но остались роботы, которые очень хотят быть христианами, но сомневаются, возможно ли это в связи с их металлической сущностью и вторичным происхождением.

Но вот в его романе "Братство Талисмана" подлинник Евангелия самим своим присутствием уничтожает "орду", рой космической нечисти, с давних пор оккупирующий Землю и мешающий нормальному развитию истории. Кстати, Церковь в этом романе влечит жалкое существование, и все потому, что подлинность данной рукописи не подтверждена научной экспертизой, — типично протестантская точка зрения; впрочем, уничтожение орды тоже не убеждает героев в подлинности рукописи именно потому, что не была проведена научная экспертиза. А то, что нечисть расточилась, ничего не доказывает, может, она случайно расточилась.

Космические миссионеры — персонажи, как правило, комические, что не мешает им погибать жалкой смертью, являющейся следствием их же прововеди, должно истолкованной. Служители внеземных религий, встречающиеся в фантастической литературе — все сплошь шаманы из советских романов о социалистическом строительстве в условиях Крайнего Севера и Дальнего Востока, то есть жулики и злодеи. Так что ситуация довольно унылая.

Но эту унылость прорывает блестящая антиутопия Р. Хайнлайна "Если это будет продолжаться...", в которой власть в США полностью принадлежит некой тоталитарной секте. Поскольку автор юридически грамотен, он намеренно заувалировал соотношение этой секты с ныне существующими и отстаивающими свое право на существование в судах (у нас тоже): читаешь и думаешь: ой, это же мормоны! — но тут же натыкаешь-

ся на упоминание о том, что в свое время мормоны ожесточеннее всех других граждан сопротивлялись господству этой секты. Кончается все, естественно, хорошо, но читать очень страшно. Чего автор и добивался. Нельзя сказать, что книга написана с христианских позиций, но для христиан она скорее полезна.

А впрочем, и в фантастической литературе, антирелигиозной по своей сути и направленности, время от времени встречаются проблески, напоминающие о том, что термин "постхристианство" есть ложное изобретение. Писатель может сколь угодно усердно чернить христианство, отрицать его и высмеивать — и вдруг возникает нечто, показывающее, что он, как и все мы — порождение христианской цивилизации, потому что другой нет. Приведу только два примера.

Вряд ли кто может заподозрить Роджера Желязного в склонности к христианству. Его произведения настолько густо населены отрицательными и положительными магами, что для простого человека места не остается. Но возьмем рассказ "Ключи к декабрю". Начало вводит читателя в какой-то запредельный мир, где генная инженерия до того дошла, что родители подбирают еще не родившемуся ребенку свойства, которые помогли бы ему в дальнейшем работать на планетах неземного типа, где можно заключать наиболее выгодные контракты. И вот, группа людей предпочла для своих чад следующую жизнь: внешность что-то вроде леопарда, дышит чем-то непонятным, живет при невообразимом холода и таком же давлении. А распрекрасная планета, на которой они должны были в таком виде процветать, взорвала и погибни.

Теперь фирма, заключившая контракт с родителями тогда будущих, а теперь некстами реализовавшихся монстров, содержит их на Земле в контейнерах с подходящими условиями. Фирме это дорого, а им скучно. Но они поддерживают между собой связь, организуют биржевой клуб и зарабатывают страшную сумму, чтобы купить планету более-менее подходящего типа, и заодно оборудование для того, чтобы довести там условия до требуемых. Все равно денег оказывается мало, и приходится покупать малопригодную планету с тем, чтобы там, погрузившись в анабиоз, дожидаться, пока маломощная аппаратура "дорабатывает" атмосферные свойства до кондиции. Раз в триста лет просыпается пара дежурных и совершает инспекционные поездки. В одной поездке герой обнаруживает существа, которые со временем могут стать разумными. На них нападает какое-то чудовище, герой его убивает, но при этом гибнет его невеста, которая дежурила вместе с ним.

В следующее свое дежурство он обнаруживает у знакомых существ наличие руки с противостоящим пальцем (залог создания техники), изображение былой битвы, которое ему преподносят, и признаки почитания его как высшего существа. И тогда он ставит ультиматум своим братьям: нужно замедлить темпы изменения атмосферы, чтобы эти существа смогли к ним приспособиться. Он даже объявляет войну братьям по разуму и разрушает часть климатических установок. И побеждает: изменения атмосферы будут продолжаться еще тысячи лет. А сам он уходит в стойбище местных существ, почитающих его как бога. Поскольку атмосфера ему вредна, он скоро умрет, но — и тут мы доходим до сути — что еще может сделать бог для веряющих в него, кроме как умереть ради них...

Стоп. Есть только Один Бог, Который умер за людей. Боги язычников, тем более божества магов могут только убивать тех, кто им поклоняется. Следовательно, великий специалист по наведению магических ужасов твердо знает в глубине своего подсознания, что Бог — это только Христос. Остальное — бизнес развлечений.

П. Энтони, “Заклинание для хамелеона” (возможно, часть сериала, но продолжений мне не попадалось). Полуостров Ксанф начинен магией, как хороший пельмень — фаршем; если человек не может доказать, что он маг, то он лишается гражданства и изгоняется в “обычный” мир, который для него страшен. А герой романа — именно такой бедолага; разные волшебники, до которых он с великими трудами добирается (а ему постоянно грозят смертельные опасности, которым он не может противопоставить никакого волшебства), говорят ему, что он обладает какой-то очень сильной магией, но какой — непонятно.

После ряда душераздирающих приключений некий супермаг объясняет ему, что его магия — самого высшего сорта, потому что она состоит в том, что он неподвластен чарам: причинить ему неприятности, нанести раны и т. д. они могут, но убить не в состоянии. А ведь мы это встречали: *Живый в помощи Вышнего...*⁴

⁴ Это 90-й псалом, смысл которого в том, что Бог защищает человека от ужасов видимого и невидимого мира.

В конце концов, этот маг высшего разряда — просто-напросто христианин, и Бог ему защита. Так и получается, как есть на самом деле: Божий покров сильнее любых чар, и никакой волшебник не в состоянии справиться с обыкновенным человеком (добавим: если тот сумеет вольно или невольно не помогает).

Сатанинскую фантастику оставим вне рассмотрения, как она того и заслуживает.

Ну, так как же — стоит христианину читать фантастику?

Рис. Д. Петрова

Анна РОМАШКО

ИСАИЕ, ЛИКУЙ!

Люблю твои усталые глаза, небольшие для мужчины руки, желающие обнять необъятное, твой неизменно внимательный взгляд. Обычный наш с тобой, поздний ужин, дети спят, дом остывает.

...Я боялась смутить тебя, берегла, не желая испортить нашу нежную гармонию пустым флиртом. Ты был похож на ангела тогда. Как много от своей души теряют мужчины, не хранящие девство! Мы решили не касаться друг друга до самого венчания. Было так смешно на регистрации брака, после которого мы должны были предстать перед алтарем: тетенька в загсе, зачитав ритуальное обращение к новобрачным, предложила нам поздравить друг друга. Возникла неловкая пауза, потому что мы всего лишь пожали руки.

Венчал нас настоятель кафедрального собора. Я не чувствовала ни ног, ни свечи в окаменевшей руке. У меня было ощущение, что вот, происходит то, ради чего я родилась на свет. И была проповедь для новобрачных, о любви к своим родителям. И были поздравления. И поцелуй, и слезы, и пел хор дивными небесными голосами. А свадебный обед устроили дома. Никто не кричал нам "горько", никто не устраивал потехи вокруг нашей свадьбы. Ни выкупа невесты, ни нелепых конкурсов, ни пьянки. Потом мы поехали домой, и ты внес меня на руках, прямо по устланному цветами полу. Мы, не раздеваясь, прочли акафист Божией Матери и... легли в свадебных одеждах спать на незастеленном диване. Так велико и невместимо оказалось событие того дня для меня и тебя, отныне объединенных одной кроветворной системой...

Ты ешь медленно, а я - быстро. Мне всегда потом остается смотреть как ты кушаешь. Это вечернее время мне дорого. Я боюсь тебя утомить, молчу. Ты говоришь неспешно, ласково и легко о некоторых, запомнившихся событиях. Ты добр и великодушен. Ты никогда не делаешь поспешных выводов. Я просто не могу понять, как это у тебя получается.

...А потом ты уехал в поля: сначала я была женой геолога. Прожив три месяца после свадьбы, расстаться на долгих четыре! Я, со своим животиком, полвесны и лето ходила по сибирским, бушующим от зелени, аллеям. Тосковала и молилась о путешествующем - о тебе. И ты приехал. С рюкзаком, заросший несмелой бородкой, пыльный, терпкий - от запахов тайги и костра, счастливый и, такой лучистый от своей любви...

Вчера, когда ты вошел, и Лизанька, и Маринка, и Ванюша ликовали, словно на Рождество. Ты для них - подарок, воздух, которым дышат твои дети, хлеб и вода их жизни - папа. Как жаль, что многие отцы прежде всех прочих, ставят целью жить вне семейных радостей и находят нишу для своей, частной жизни как бы отдельно от семьи.

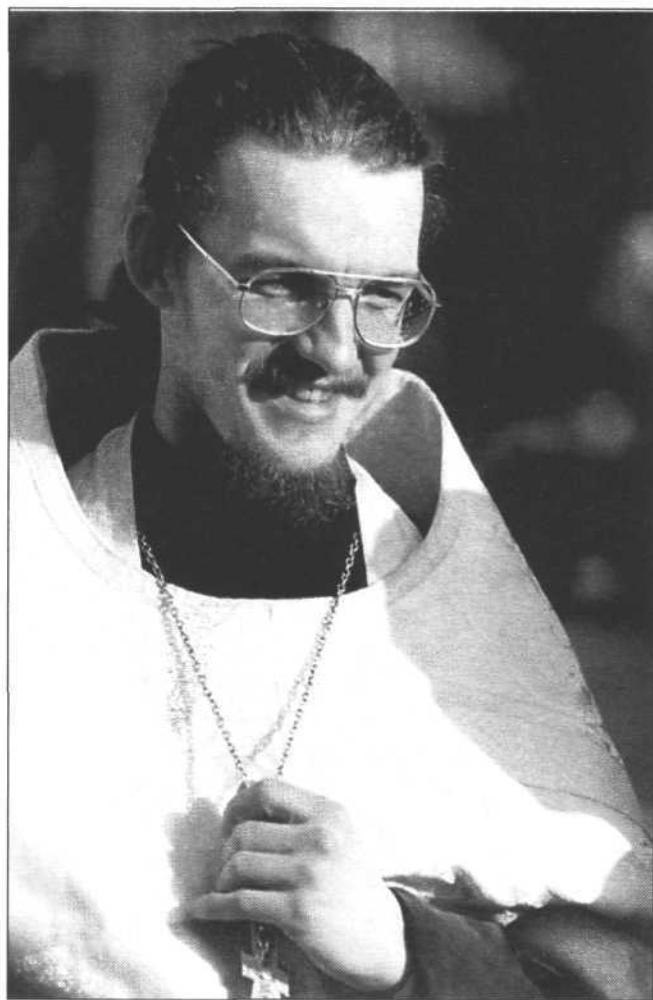
...А потом ты окончил шестилетнюю учебу в НГУ и епископ Сергий (Соколов) предложил тебе

стать священником. На следующий день после чудного праздника Успения Божией Матери ты стал священнослужителем. Я была беременна Ванечкой, десятимесячная Лизанька присутствовала при твоем рукоположении в священный сан и ни за что не желаала расставаться со мной. Большой живот, на руках ребенок, длинная служба, рядом с нами - вся семья. Это событие подвело черту под всеми устремлениями наших родных. Здесь молились и плакали не крещеная бабушка, мой отец, собравшийся завести новую жену, сестренка - поклонница Кристины Агилеры и Сергея Пенкина, моя мамочка, заломив руки и неотрывно глядя с балкончика в алтарь.

Благоговейные и радостные, твои родители вытянулись в струнку и боялись лишний раз моргнуть. Все переживали происходящее таинство, любопытного равнодушия здесь не было. Из диаконов через две недели, в день святого Александра Невского, тебя рукоположили в священники.

Мы часто стали бывать врозь. Ты стал весь как огонь - в тебе сгорало все суетное и незначительное. Ныне я часто мысленно возвращаюсь к тому времени, которое бывает у священника один раз в жизни - когда он служит в храме сорок дней подряд после принятия

тия сана. Тогда ты стал весь насквозь прозрачный, строгий. Я любовалась на твоё лицо, которого коснулось небо.

Я проводила весь день одна с двумя малышами - годовалой Лизанькой и месячным Ванюшкой. Я унывала, плакала. Ко мне постоянно приходили мысли, что я могу тебя потерять, что ты погибнешь. Это было страшно. Ни с чем сравнить невозможно пронзительность и горечь моих неоправданных переживаний. Это мучительное состояние было своеобразной смягчающей мерой. Боженька попустил его, чтобы относительно безболезненно умягчить мое сердце, скованное холодом прежней жизни, цеплявшейся ко мне как верблюжий колючки к обуви. Отпустило меня много позже, когда я научилась жить детьми и находить радость в том, чтобы дарить им себя. Раньше я только брала любовь, хотя искренне полагала, что даю. Дети учат нас любви.

Я ревновала тебя к Богу. На исповеди батюшка с улыбкой мне посоветовал радоваться за нас, а не ревновать. Незаметно это жгучее чувство тоже истерлось. С каждой исповедью и Причастием входили в душу слезы раскаяния, любовь Бога и что-то

крепкое и сильное с небес, что дарило радость, отвращение ко греху и надежду, счастливое ожидание завтрашнего дня.

Маленькая Лизуня бросается к тебе на грудь и рассказывает все-все свои горести и радости. Юдоль земная касается и ее детского сердечка, в нем - не менее серьезные, чем наши, переживания и беды. Слова высказываются у нее прямо со свистом, лепятся тесно друг к другу, едва умещаясь на твоей широкой груди. Она все время прижимается к твоей бородке и тихо смеется. Папина любовь нужна девочке, из этого источника она будет черпать всю жизнь уверенность в своих силах, чувство покоя и защищенности.

...А потом заболели дети. Одновременно - Лиза и Ваня, им тогда было, соответственно, полтора года и шесть месяцев. Реанимация, куда меня непускали, нагло закрывалась, но я все время слышала охрипшего от крика сына. В домашних условиях болезнь не казалась участковому врачу опасной: обычна простуда, покашливание, невысокая температура, а потом аллергия зачеркнула весь положительный эффект от лечения - Лизуня ночью стала задыхаться, Ванечка заполучил обструкцию бронхов. Скорая увезла нас в больницу... Однажды я все же проникла внутрь реанимационного бокса. На всю жизнь запомнился мне мой маленький сыночек, привязанный за ручки и ножки к железной кровати, с закатанными глазами, со свистящим дыханием, с катетером в шее. Всю ночь я промолилась Пресвятой Богородице. Казалось, не вынесу этого ужаса. А наутро пришли врачи с консилиумом и пригласили в час дня забрать сыночка в обычную палату, потому что наступило улучшение, есть сдвиги в анализах: "ребенку нужна мама", сказали они.

Еще раньше я забрала из реанимации Лизочку. Девочка моя со страдальческой складкой в лице появилась в дверях. Она меня не сразу увидела. А потом, как взрослая, закрылась ручками и по-бабы запричитала, горестно вздрагивая всем телом...

Милый мой, я на два размера поправилась, и страшно это обстоятельство переживала. Мне казалось, что полнота моя тебя оттолкнет. Проносились мысли о том, что новый ребенок, если им благословит нас Бог, добавит еще килограммов, что ты становишь меня стесняться. Я кормила Марионочку, и безнадежно расстраивалась, не представляла, как вернуть свой удобный сорок шестой размер. Стресс углублялся; я, как назло, поправлялась все сильнее. При этом с удивлением осознавала, что нежность твоя ко мне не убывает, ты внимателен и щедр душой, как прежде. А потом, на молитве, вдруг подумалось, что только Бог может подарить любовь. Это чувство не находится в подчинении у людей. Часто грязная жизнь убивает красоту взаимной любви, а мы приписываем случившееся внешним причинам.

...Дети выздоровели полностью не скоро. Я долго вздрагивала ночью и просыпалась. И думала, что только теперь, пережив все страдания своих детишек, стала им мамой. Сердце открылось, начал таять лед чувственности и самоуверенности. С грузом моего эгоизма, принесенного из прошлой жизни вне храма, растил детей было невозможно. Боженька человеколюбив. Как мягко исправление, как деликатно наказание! В своей сознательной, самостоятельной жизни в миру я умудрилась так испачкать душу и ожесточиться, что понадобились боль моих детей, чтобы мама во мне проснулась и заплакала. Я и сейчас мучительно выпрямляю свою уродливую душу, готовую решать все свои и чужие беды силовыми методами...

Еще один вечер задернул шторой окна. Мы зажигаем свечи и читаем вечерние молитвы. У детей в руках - по свечечке, они молятся вместе с нами. Очень рады, если мы разрешаем им читать все молитвы самим, они выучили многое наизусть. Мы тогда молчим и наблюдаем их детское ликование, горящие глазки и ручки, сложенные для крестного знамения. Молятся о здоровье папы и мамы, бабушек и дедушек, маленькой сестренки. Еще добавляют просьбы о тех, чьи беды обострили детское чувство милосердия в течение дня. Например, "о той тете Оле, у которой убили сыночка, она наверно теперь все плачет", "о мальчике Димочке, который ножку сломал", "о соседской бабе Томе, у которой умер Кошмарик (собачка)". Понимают, что надо молиться не за умершую собачку, а за соседку, которая теперь совсем одинокая осталась. Я думаю, детей не следует безоговорочно ограждать от всех взрослых переживаний. Сердечко у них должно научиться сочувствовать, милосердовать. Мы очень жалеем бомжей. Образ этих богооставленных людей вызывает у детей страх, слезы жалости. Я стараюсь все объяснить, все, что вижу. Что не смогу сказать, пропущу, - даст им Бог. Так и молюсь: "Господи, восполнни то, что не дала деткам, исправь все немощи моего воспитания!"

...Посты мне давались труднее, чем тебе. Я не обладала совсем твоей цельностью, радость моя. Пост воспринимала как тяжелую повинность, отказ от телесных радостей означал для меня потерю радости в жизни. Только твоя чуткость и Божия помощь научили меня постепенно любить чистую прозрачность поста. Твой образ привел в храм всю нашу семью. Разрозненные и неверующие, мы все обрели цельность и радость в православии. Прожив бок о бок с моими родителями и бабушкой, а потом с твоими старичками - целых полтора года, пока ты ремонтировал нашу собственную квартиру - в страшной тесноте, с малышами, кроватками, пеленками и моей беременностью, мы ни разу вдрызг не разругались с родными. Заповедь о том, что "не зайдет солнце во гневе вашем", потребность душ в покаянии и благодати давала каждому силы и терпение чужих немощей. Слава Богу!

Сегодня я очень жду тебя из храма. Но много людей спешит к священникам за утешением, и мой

ужин остывает, а я, сама искупав и уложив троих детей спать, молча глотаю слезы. На часах половина первого, последний поезд метро уже завернул в парк, сейчас раздастся твой тихий стук в дверь. Главное, не встретить упреками, главное - пожалеть, накормить согретым по третьему разу постным пловом, не забыть дать тебе витаминку от весеннего авитаминоза и попытаться не высказать своего недовольства за ужином. Потом Боженька исправит и этот мой грех, мое одиночество наполнит Собой, сделает каждую нашу встречу еще большей радостью, уничтожит сдерживающую обиду.

От внешнего - к внутреннему, если не выходит наоборот.

Рисунки А. Кузнецовой
Фото В. Дубровского

Это письмо было прислано на сайт "Фома центр" - www.fomacenter.ru - (еще до его реконструкции) во время обсуждения темы "Чудо в Православии". Мы так и озаглавим нашу публикацию - "ЧУДО". "Маленькое" чудесное событие в жизни простого верующего человека.

ЧУДО

Вас когда-нибудь мучила совесть?

Ну, наверняка в жизни бывали моменты, которые хотелось бы вычеркнуть. И все-таки они иногда приходят на память, тогда-то и становится стыдно, прямо нестерпимо стыдно. К сожалению, не может человек исправить даже то, что совершил одну минуточку назад.

Вот я однажды соврал. Конечно не в первый раз, но впервые после крещения. Полгода держался, а тут как-то нечувствительно проскочило.

Меня вызвали к директору нашего учебного заведения. Православного учебного заведения. И попросили принести подлинник аттестата (при поступлении я подавал копию):

- А мой аттестат утерян.

- Ну что ж, Вам будет необходимо его восстановить.

- Хорошо.

Что я могу сказать в свое оправдание? Аттестат мой лежал преспокойненько в институте, из которого по юношеской дури я ушел пару лет назад. Да просто мне было в лом обходить два десятка инстанций, оформляя обходной лист (бумажку о том, что я никому ничего не должен).

Нет, это не оправдание. Конечно, лень никого не украшает, но зачем еще и врать?!..

Теперь я был готов собрать хоть двадцать два десятка штампов. Однако сказанного не воротишь, совранного обратно не заберешь. Какая разница, большая ложь или маленькая? Какая разница, целый стакан водки или только половину выпьет алкоголик после "сухого закона"? Велика ли разница для онкологического больного, в десяти или в четырех местах найдут у него после операции?

Эти сравнения - не для красного словца. Я чувствовал себя тогда ужасно. Я снова болен, совесть моя не чиста. Мне казалось, это невозможно не заметить.

Стыдно было смотреть в глаза соученикам, учителям, людям. Я нормальный человек, но до исповеди я еле дожил и каялся со слезами и обещал, что

"больше не буду". На следующий день пошел в институтский отдел кадров, уже собрав все подписи, получать документы.

Мне выдали все, кроме...

- А ваш аттестат утерян
- !!!

И не говорите мне, что это не чудо. А как еще возможно повернуть время вспять и исправить прошлое? Кто еще может сделать бывшее - не бывшим?.. Кто еще может не просто простить грех, но и стереть его без следа?..

Простое совпадение на это не способно.

Виктор

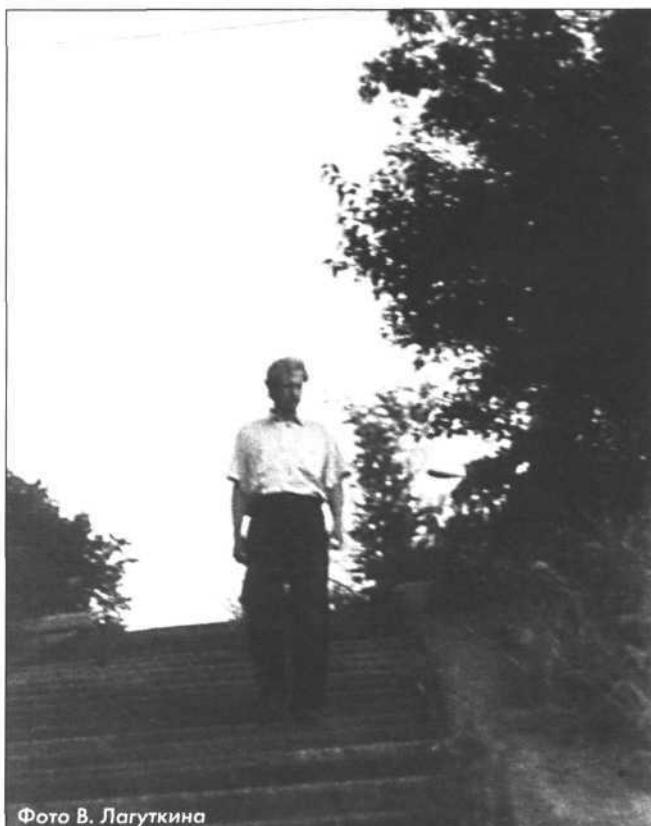

Фото В. Лагуткина

ПОДПИСКА

НА ПРАВОСЛАВНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

ИЗДАНИЯ «ФОМА ЦЕНТРА»

ЖУРНАЛ «ФОМА» – ежеквартальное иллюстрированное издание, предназначенное для неверующих и верующих, для всех тех, кто ищет ответы на «проклятые» вопросы о смысле жизни, сущности христианства, значении Церкви.

«Фома» – важное подспорье в работе миссионеров, катехизаторов, учителей и преподавателей, родителей, а также всех тех, кому задают вопросы о вере и Церкви.

Особенностью журнала является простой и понятный язык, острота и актуальность освещаемых проблем, диалогическое построение многих его материалов.

ГАЗЕТА ДЛЯ ВХОДЯЩИХ В ХРАМ «ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ФОМА»

(25916 индекс по каталогу агентства «Роспечать»)

Анонс-приложение к журналу «Фома» – ежемесячная газета для входящих в храм. Это уникальный проект, предназначенный для тех, кто делает первые шаги в Церкви. В газете публикуются ответы священников на различные вопросы, актуальные материалы о современной православной жизни.

РАЗОВЫЙ ЗАКАЗ или ПОДПИСКУ на эти издания вы можете оформить в службе распространения «Фома центра» по адресу: 119435, Москва, ул. Погодинская, д. 18, к. 11. Или по телефону: (095) 246-74-92. Издания высыпаются наложенным платежом. Ориентировочная цена журнала – 30 руб., газеты – 3 руб., не считая почтовых расходов. Заказы на подписку принимаются и по электронной почте: sales@fomacenter.ru

Обратите внимание: подпись через редакцию на газету «Приложение к журналу «Фома» будет стоить для вас существенно дешевле, чем по каталогу «Роспечать».

В Интернете с нашими публикациями можно ознакомиться на сайте: www.fomacenter.ru

«НЕСКУЧНЫЙ САД»

«Нескучный сад» пишет о том, где и как современный христианин может послужить ближнему, какие трудности и какие радости встречаются на этом пути.

На наших страницах вы уже читали о том, как создаются и живут православные детские дома, о том, как заключенные приходят к вере, о том, что такое старость и стареет ли душа, о том, как становятся сестрами милосердия, и о многом другом. Мы будем продолжать писать не только о проблемах и боли современного мира, но и о том, что преображает этот мир – о жизни милостивых святых разных стран и эпох. Требует продолжения и разговор о борьбе с собственными страстями.

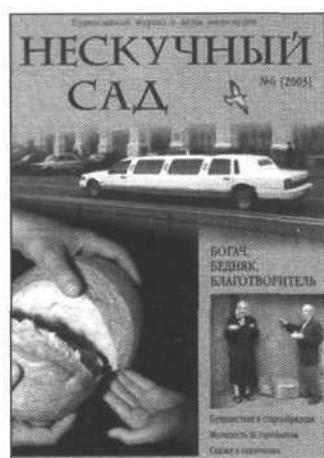
Мы и дальше хотели бы знакомить читателей с увлеченными людьми разных профессий, сочетающими православную веру с высоким профессионализмом. Конечно, будут и практические материалы – для тех, кто организует на приходе ту или иную социальную службу.

Темы для журналистского расследования, для беседы со специалистами или вопросы к священникам можете предложить и вы сами, дорогие читатели!

Чтобы оформить получение журнала наложенным платежом, нужно прислать заполненный талон, указав в нем фамилию, имя, отчество; почтовый адрес (с индексом); контактный телефон.

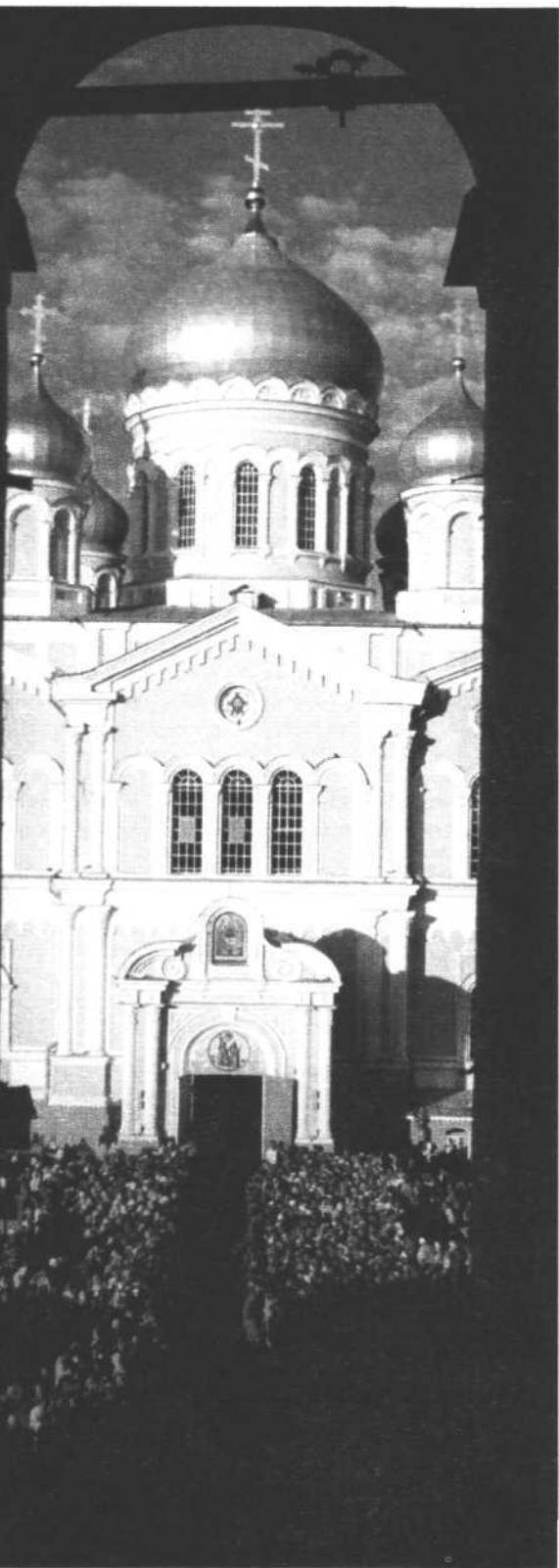
Стоимость одного номера журнала «Нескучный сад» по подписке – 23 руб. Регулярность выпуска – ежеквартально. Стоимость пересылки по России – от 20 до 30 руб. (в зависимости от региона). Оптовикам предлагаются скидки.

Заявки принимаются по адресу: 119435, Москва, ул. Погодинская, д. 18, к. 11. Гурболову А.В. и по электронной почте: sales@fomacenter.ru. Справки по телефону: (095) 246-74-92

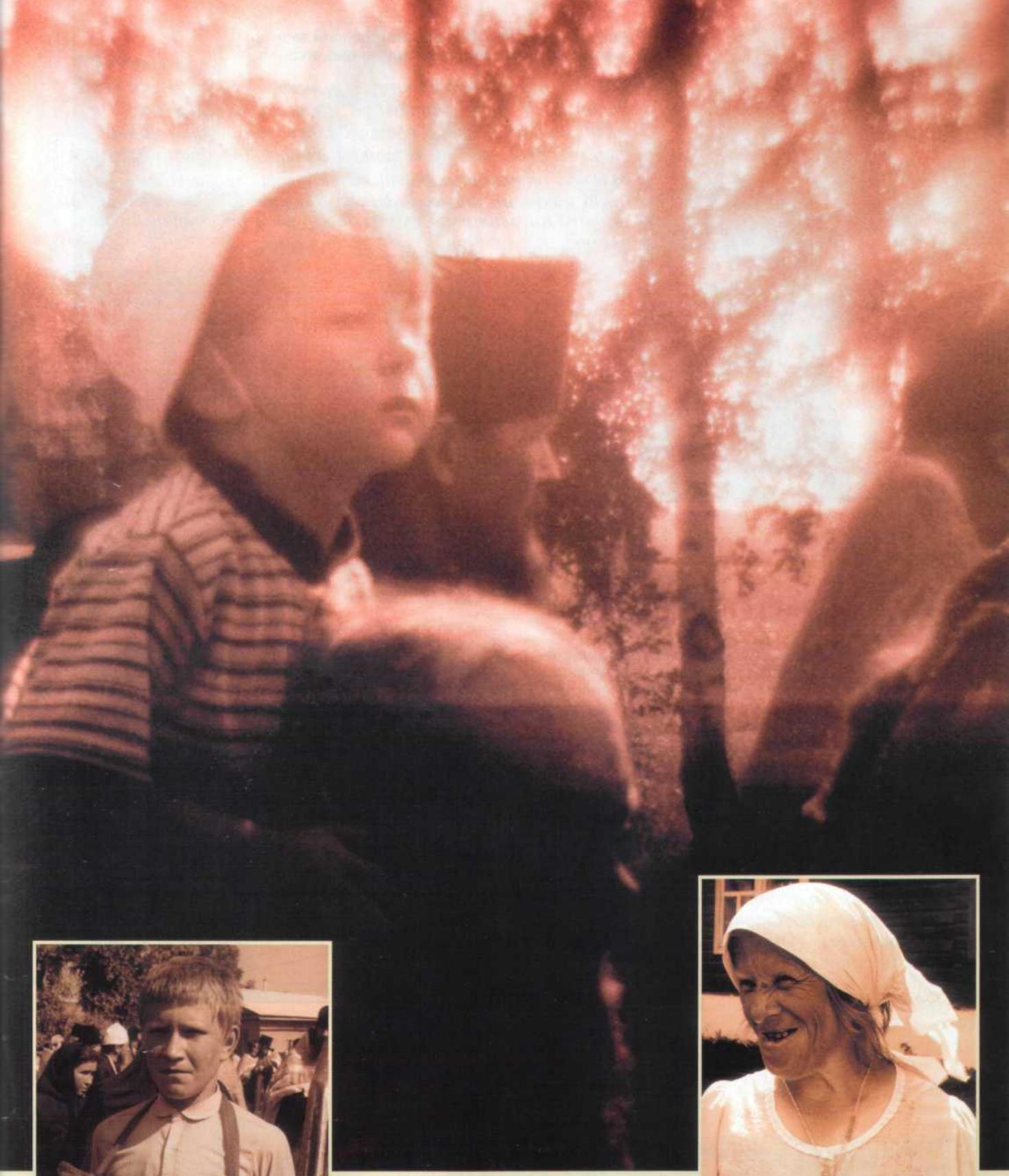
СОВРЕМЕННИКИ ИСТОРИИ

Предыдущий номер нашего журнала был посвящен столетию прославления великого святого, преподобного Серафима Саровского. Это событие стало праздником всероссийского масштаба, причем не только для верующих людей, но и для многих неверующих. Сотрудники "Фома Центра" стали очевидцами Дивеевско-Саровских торжеств: работали в пресс-центре, записывали, запоминали... Дивеевское торжество запечатлено в сердце каждого, кто был его свидетелем. Живая, теплая, абсолютна цельная картина, за которой не слышно неумолимого "тик-так", рвущего ощущение реальности в клочки воспоминаний. Нам хочется еще раз – может быть, на правах эпилога – вернуться в ту праздничную суету и ту несуетную радость. Обернуться лицом к чудесной картине: слушать колокольный звон, льющийся с нее, всматриваться в лица людей, сопереживающих чудо... Мы с вами – свидетели истории.

Казалось, что Дивеево в дни торжеств – это трамвай в час-пик. На 100-летие прославления преподобного Серафима Саровского паломников прибыло в два раза больше, чем жителей села. Накануне здесь открылся пресс-центр – для информационного обслуживания печати, теле- и радиожурналистов. Сотрудники "Фома Центра" внесли свою лепту в его работу и получили возможность стать свидетелями и участниками событий.

Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь преобразился буквально на наших глазах: мы видели, как экскаваторы гнездились вокруг соборов монастыря и Канавки, слышали, как разъедающий сварочный запах вытеснял из воздуха флоксовый мед. За пять дней, ровно накануне торжеств, все стихло. Казалось, что каждый камень заново выстланной, чисто выметенной соборной площади ждет возвращения крестного хода из Сарова с мощами Преподобного.

Иван из Мордовии:

“Жду, чтобы батюшка
Серафим меня исцелил:
голова болит у меня.
Наверное, как чуда
этого жду...”

Галина, с.Дивеево:

“В крестный ход не
пойду. Я тут деньги
собираю, они уйдут
хозяйке. А от батюшки
Серафима чего жду?
Не знаю, это уж как он
захочет, то и пошлет”.

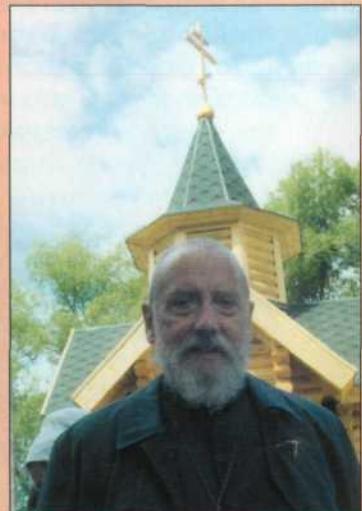
Александр Чайка, профессиональный звонарь
(рядом на фото: Михаил Андриенко, иконописец):

“Чего жду от праздника? Ну, у каждого человека есть надежда. У меня - чтобы на Руси звонарное дело максимально быстро возрождалось, принимало яркие формы. Ведь это была потрясающая красота, когда вся Москва пятым тысячами колоколов пела на Пасху. И не было никакого шума, никакого скрежета - ни заводов, ни машин, ни бензина. Только звон. Звон бесконечный, как космос”.

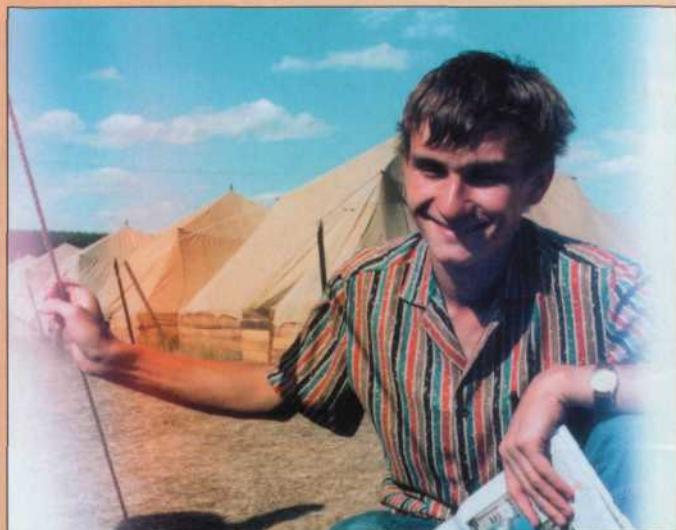
Отец Бернар, католический монах, Франция:

“Мне хотелось бы видеть духовное сближение русских и французов. Потому я и приехал сюда, чтобы вместе с православными русскими побывать в святых местах”.

Алексей Шестаков, информационно-аналитический центр Священномученика Иллариона Троицкого, Нижегородская епархия:

“Для меня приезд в Дивеево - это еще и возможность познакомиться с молодежью, которая готова к служению Церкви. Мне важно просто увериться, что такая молодежь есть. Чтобы успокоиться. Потому что, если судить по опыту моей миссионерской деятельности, получается так, что молодежь ко всему равнодушна. Но вот здесь, пообщавшись с ребятами из организации “Общее дело”, я вижу, что это не так”.

**Вячеслав, Наталья, Фотинья (6 лет),
Московская область, Люберцы**

Вячеслав: “О празднике нам знакомые сказали. О преподобном Серафиме мало что читали, мало что знаем. Вот здесь купим книжки, почитаем кое-что. Хотелось бы для начала просто побывать здесь, посмотреть. Хотелось бы что-то для себя понять...”

Расстояние в 19,5 км - а именно столько преодолели духовенство, около 400 хоругвеносцев и другие участники крестного хода на пути из Дивеева в Саров - не казалось непосильным. Вслед за хоругвями, по самой широкой улице села, а потом по трассе в сторону Сарова, шли тысячи людей - паломники из разных городов и весей. Далеко не все из них прибыли автобусами, поездами или на авто. Настоятельница Серафимо-Дивеевского монастыря, игумения Сергия, рассказывала, как со слезами встречала прибывший накануне в Дивеево крестный ход из Екатеринбурга - более 150 человек преодолели пешком 1600 км. Паломники пришли крестным ходом из Сочи, из Тулы, Курска, Владивостока, Калуги...

Неподалеку от Дивеева было разбито 3 палаточных лагеря, с полевыми кухнями и другими походными удобствами. В одном из них разместились паломники православной молодежной организации “Общее дело” - с гитарами, насыщенной лекционной программой и гостями-французами.

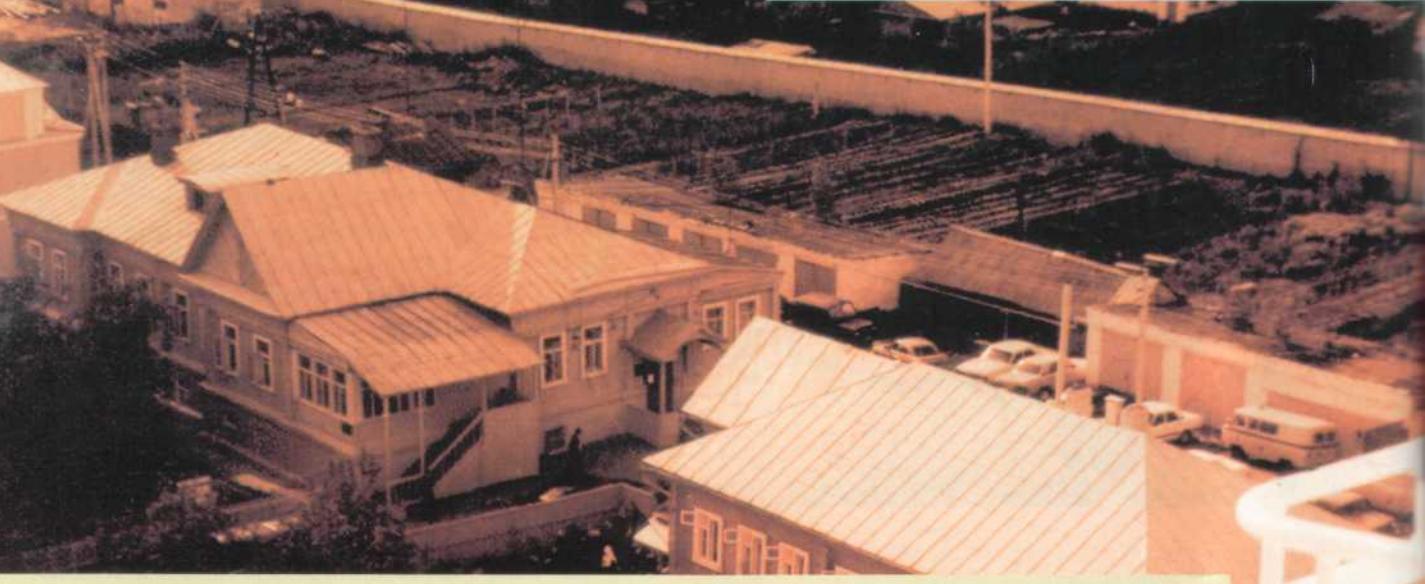
В Сарове, куда с крестным ходом были перенесены мощи преподобного Серафима, Патриарх возглавил чин освящения храма на месте келии святого. На соборной площади Дивеевского монастыря и перед храмом в Сарове для паломников установили экраны - шла прямая трансляция богослужения. Удивительно, но техника не казалась неуместной: каждению Патриарха в Саровском храме паломники и сестры в Дивееве отвечали поклоном. Не просто смотрели на экран - соучаствовали в богослужении. Потом в храме была первая после многих лет литургия...

Городской театр долгие годы жил в стенах храма преподобного Серафима. Сцена находилась в алтаре, а над местом, где прежде стояла келья, размещался амфитеатр. Театр покинул помещение храма в 2002 году, когда началось строительство новой сцены. “За многие приложенные усилия” Патриарх и представители светской власти благодарили епископа Нижегородского и Арзамасского Георгия. А Владыка благодарил реставраторов и зодчих - богатую и трогательную роспись храма выполнили за 72 дня, сама реставрация завершилась в 90 дней.

Игорь Стригун, глава клуба православного творчества на Крутицах, автор и исполнитель песен:

"Радуют леса, небо бесконечное, облака, тишина какая-то особая, воздух... Кажется, это тоже говорит о присутствии Божьем и о присутствии святых. Наверное, ради этого мы сюда и едем, чтобы убедиться, что Дивеево - это не какое-то особое в физическом смысле место, а все та же земля. И путь святости - он реален для каждого человека, только дерзай, а Господь и поддержит, и поможет".

На патриаршем богослужении в Дивееве все пространство внутри ограды монастыря превратилось в необъятный храм, площадь перед Преображенским собором - в алтарь. На литургии звучало 10 языков Православия. Такое бывает в Пасхальную ночь - когда Евангелие в каждом храме читается на самых разных языках мира. Возможно, потому многим из нас показалось, что это - Пасха. Пасха летом.

У Владыки Георгия, епископа Нижегородского и Арзамасского, спросили, почему имя преподобного Серафима так часто звучит в наше время, почему именно к этому святому все чаще обращается современный человек. Владыка ответил: "Когда мы сегодня говорим о

возрождении и становлении общества, то ясно, что мы должны вернуться к корням своих предков, которые на протяжении столетий со-зидали Святую Русь. Преподобный Серафим является тем источником, который обращает наш взор на внутренний мир человека и каждого призывает к миру. Как нам не хватает этих простых, но вместе с тем живых и действенных слов батюшки: "Христос Воскресе, радость моя!" Этот мир сегодня очень нужен людям".

Алла МИТРОФАНОВА
Опрос проводили: Ирина РОМАНОВА
Анастасия КРЕСТЬЯННИКОВА
Фото Вячеслава ЛАГУТКИНА

Евгений, Москва:

"После таких поездок как-то тверже стоится на ногах. Серафим Саровский, Сергий Радонежский - для меня это связано с Россией, с моей Родиной. Это мои корни и корни моих детей. Значит, это связано со всей моей жизнью".

Интернет-сервер "ФОМА"

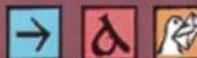
<http://www.fomacenter.ru>

Интернет-сервер "Фома центра" создан как электронный помощник для людей, которые хотят больше узнать о Православии, церковной жизни, миссионерском служении Церкви, и для тех, кто хочет рассказать об этом другим.

Сайт состоит из трех основных направлений:

Фома-центр – самое интересное в нашей деятельности: публикации на темы "Быть или не быть крестным", "Зачем нужна исповедь", "Нравственна ли "свободная" любовь?", "Зачем мы приходим в церковь"; ответы священников на вопросы посетителей сайта; архив публикаций журнала "Фома". В разделе "Миссия" можно найти миссионерские дневники, рассказы о Православии в Китае и Индонезии.

Фома-форум – "живое" обсуждение актуальных проблем: смирение и комплекс неполноценности, литература "фэнтези" и христианство, о литераторах и литературе и другие интересные темы.

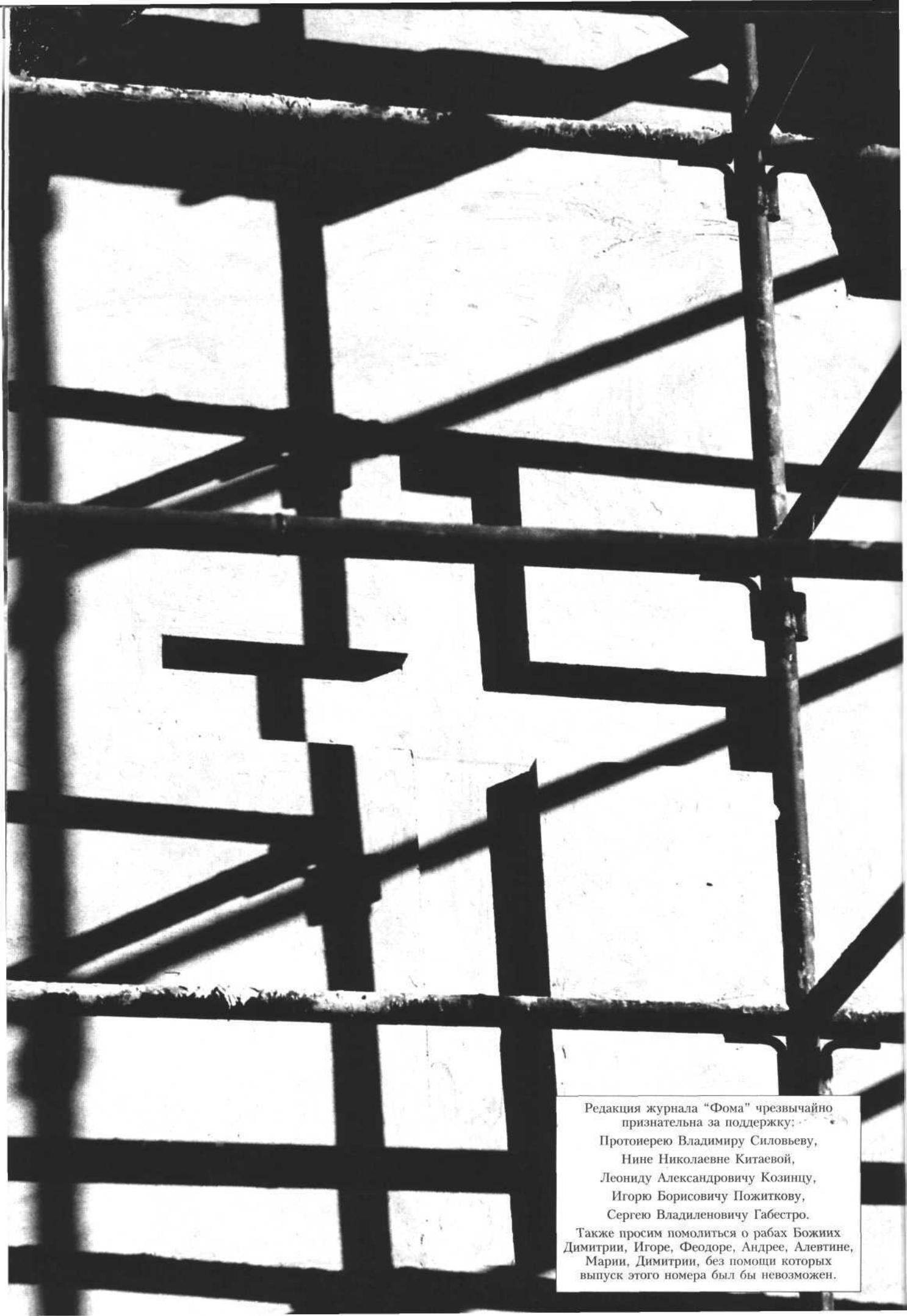

путеводитель

Фома-путеводитель – постоянно обновляемая оперативная база данных, в которой содержится справочная информация разных направлений: куда поехать, куда пойти, что читать, где купить, где учиться;

Редакция журнала "Фома" чрезвычайно
признательна за поддержку:

Протоиерею Владимиру Соловьеву,

Нине Николаевне Китаевой,

Леониду Александровичу Козинцу,

Игорю Борисовичу Пожиткову,

Сергею Владиленовичу Габестро.

Также просим помолиться о рабах Божих
Димитрии, Игоре, Феодоре, Андрее, Алевтине,
Марии, Димитрии, без помощи которых
выпуск этого номера был бы невозможен.

яинно имеют дело с духами, но всегда с духами тьмы, и с переменным успехом заставляют их себе служить; налицо просто-напросто черная магия.

В общем, главная черта всей фантастической литературы, хотят ли этого ее авторы или не хотят, — изображение некоего мира, который они изобрели взамен Божьего. И мир этот чаще всего ужасен, даже если они считают, что рисуют самое распокорное время, то есть предаются *социальной фантастике*. В романах братьев Стругацких, действительно очень здорово, зачарованно написанных и сформировавших художественный вкус и философские воззрения поколений, семья распалась полностью. Правда, сами герои имеют какую-то постоянную привязанность, но вот родители их разбежались по разным планетам вскорости после их рождения и обычно терпеть друг друга не могут. Соответственно никаких братьев и сестер, разве что по оружию. Демографически это определяется как вырождение, но такие мелочи не волнуют ни авторов, ни читателей; впрочем, возможно, что дело в том, что в этом вымороочном мире только и остается, что вымирать. Дети живут в интернатах и обожают своих воспитателей, как быльые институтки, и даже еще сильней, — учитель стоит в позиции гуру. Один из лучших таких учителей входит в комнату воспитанников в их отсутствие, ухмыляясь, вытаскивает из тайника дневник одного из них и с удовольствием читает. Кажется, это бывало и до всеобщего счастья, но тогда называлось подлостью.

Пожалуй, в наши дни не имеет смысла говорить о противопоставлении научной фантастики и *fantasy*, поскольку первая остается практически только в виде классического наследия, а вторая представлена на книжных прилавках в основном коммерческими поделками и в этом смысле как чтение мало отличается от детективов и дамских романов. Но феномен социальной фантастики, авторы которой считают, что мироустройство из рук вон плохо, и изобретают какое-то другое, внимания заслуживает.

“Пожалуй, один из лучших фантастико-юмористических рассказов мне придется пересказать, благо он очень короткий, потому что я не помню ни автора, ни заглавия. Некий нью-йоркский мусорщик считает, что не во время он родился, что в дивные стародавние времена жизнь его была бы прекрасна. Появляется некто, говорящий, что в отношении героя была допущена ошибка, что он живет не в своем времени и что при его согласии это можно исправить. Тот с энтузиазмом соглашается и переносится во двор средневекового замка. Из конюшни выходит некто с вилами и говорит: “На, иди навоз кидай. Дело нехитрое, постараешься, так научишься”.

Это началось как бы с обратной стороны, с так называемых антиутопий: “Мы” Замятиня, “Приглашение на казнь” Набокова, книги Кафки (в первую очередь “Процесс”), “Animal Farm” Дж. Оруэлла, который сейчас переводят то как “Скотский двор”, то как “Скотский хутор”, “Brave New World” Хаксли, переводимый либо как “Прекрасный новый мир”, либо как смелый...

Следует сказать, что, как правило, антиутопии находятся на границе социальной и философской фантастики, о которой разговор особый.

В чем смысл антиутопий? Автор подмечает какие-то признаки устройства общества, которые ему не нравятся, и доводит их до гротеска, то есть антиутопия — это притча о том, что может быть, если возобладает та или другая тенденция. Совершенно блестательная антиутопия — это “451° по Фаренгейту” Бредбери. Если сейчас этот роман почитать, — а написан-то он в 50-х годах, — то первое впечатление: вот это оно и есть, вот оно наступило, то самое общество потребления, которое бездумно катится к катастрофе. Я где-то уже прочла, что в самом ближайшем будущем появится телэкран на всю стенку, — а это и есть первый технический атрибут того чудовищного мира, о котором предупреждал Бредбери. И тем не менее что-то главное из увиденного им кошмаря не состоялось: книг не жгут и читать дозволяется. И на “второй” взгляд, читая в наши дни эту прекрасную антиутопию, видишь: он умный и хороший, Бредбери-то, но Господь и умнее, и дальновиднее, и больше любит людей.

Читать этого автора скорее назидательно, он баптистский проповедник и явно опытный. Сюжеты, которые он берет, чтобы написать фантастический рассказ, — это те или иные свойства человеческой греховности: отчужденность, грубость, злоба, упрямство, эгоизм. Но и у проповедника Бредбери в его фантастическом мире присутствия Бога почти не ощущается, и самый слабый его рассказ — о космическом капитане, жестоком грубяне, который опаздывает на все планеты ко Второму пришествию. А плоды этого